

Ариана Мевчи

Бывшая
любовница
герцога

Annotation

Аннотация

Угроздило же Зину попасть в прочитанный роман, да не в качестве главной героини, а в качестве её соперницы - отставной любовницы герцога, с которым у героини романа по сюжету будет хэппи-энд! Разумеется, Зина не собиралась строить козни главной героине, как это делала её предшественница, да и жить на содержании богатых любовников - тоже не собиралась. Она - девушка честная, работающая, парикмахерский колледж закончила. Так что будет работать по специальности, может, и салон свой парикмахерский откроет. Что значит, графине не пристало работать?

В тексте есть: принципиальная гг, бытовое фэнтези, попадание в книгу

В тексте нет: откровенных сцен, несмотря на название

-

Бывшая любовница герцога

[Ариана Леви](#)

Пролог

Зина любила после работы заходить в открывшуюся недавно "Ленту" - единственную на весь их маленький городок. Там можно было купить всё и сразу: продукты домой, чистящие средства, кое-что из профессиональной косметики для волос, а также любовный роман в мягкой обложке - скоротать вечер. Зина работала парикмахером как раз недалеко от "Ленты" - надо было только пройти через парк, где в любую погоду гуляли, держась за руки, влюблённые парочки, да выгуливали своих владельцев собаки.

Сегодня Зина решила купить новый роман, так как старые уже были читаны-перечитаны не по одному разу. А ей как раз дали премию на работе, так что можно и шикануть. Обложка одного романа привлекла девушку тем, что на ней были изображены мужчина и женщина в старинных костюмах - то ли девятнадцатого века, то ли

раньше - Зина в этом плохо разбиралась, но исторические любовные романы любила. Ей казалось, что времена, когда мужчины были джентльменами, безвозвратно канули в Лету, а потому хотя бы почитать о былых временах - ей было интересно. Она нередко представляла себя героиней такого романа, и втайне мечтала, что, если она когда-нибудь выйдет замуж, то обязательно и непременно её свадебное платье будет напоминать бальное платье той эпохи. Зина даже успела присмотреть себе похожее в витрине свадебного салона - но увы, замуж её пока никто не звал.

И дело не в том, что Зина не была привлекательной - вовсе нет: она была миловидной, чуть полноватой барышней со светлыми, отливающими рыжиной, волосами и большими серо-голубыми глазами. Поклонники у неё были, но вот беда: серьёзных намерений ни у кого из них не было.

Впрочем, был один паренёк, который признался Зине в любви - и он-то явно был готов ради неё на многое, в том числе и до ЗАГСа пойти. Вот только самой Зине он не нравился - вернее, нравился, но просто как человек, а не как потенциальный муж. Вертеть парнями девушка не умела, да и не понимала этого, а потому прямо сказала Володке, что ему ничего не светит.

Затем был Костик, но тому от Зины надо было лишь одно - то самое, что приличная девушка отдаёт только своему мужу: зарплату. Костик не работал и спокойно воспринимал тот факт, что в кафе за них обоих платит Зина, в кино его водит тоже она, и даже куртку зимнюю она ему купила - надо ведь парню в чем-то ходить, пока он найдёт хорошую работу. Вот только поиски работы затягивались, а Зина начала догадываться, что служить кошельком для парня - не совсем та роль, о которой она мечтает. Остальные же парни просто хотели временных, ни к чему не обязывающих отношений, к которым Зина не была готова. В свои двадцать два года она всё ещё была девушкой, и, хоть ей и было любопытно на собственном опыте узнать, каково это - быть с мужчиной, но она твёрдо решила, что её первая близость будет по большой любви, а не из любопытства.

Увы, но большая любовь в её жизни пока что была только на страницах романов. Бросив понравившуюся книгу в корзину, девушка отправилась к кассе. Сегодня её ждёт незабываемый вечер в компании новых героев, тёплого пледа и большой кружки какао с печеньем.

Уже дома, быстро разогрев ужин и перекусив, сделав все необходимые домашние дела, Зина устроилась в кресле с дымящейся кружкой любимого шоколадного напитка и купленным романом. Бросив взгляд на будильник и прикинув, что у неё есть еще три-четыре часа для чтения, не больше - иначе завтра она рискует проспять работу - Зина открыла роман на первой странице...

Глава 1

По лицу девушки скользнул солнечный луч - он, словно щенок, лизнул ей щёку и постарался заглянуть в глаза. Зина поморщилась и повернулась на другой бок, как вдруг пришло осознание - проспала! Читала до поздней ночи, не в силах оторваться от нового романа - и вот результат! Ох, уволит её Степанида Алексеевна! Но прежде, чем она успела в панике соскочить с кровати, даже прежде, чем она успела шевельнуться, буквально над ухом раздался холодный и властный мужской голос:

- Эженья, я вижу, что ты проснулась. Вставай и собирайся. Сама знаешь, что сегодня ты не можешь остаться - приезжает моя невеста.

Зина в испуге распахнула глаза, чтобы посмотреть, что за мужчина наглым образом проник в её квартиру, да ещё и не один, судя по всему. Мужчину она увидела сразу: тот стоял рядом с кроватью и небрежно застёгивал запонки на рукавах рубашки, которая, к слову, была расстёгнута на груди. Хорошо хоть, что брюки на незнакомце были застёгнуты. Увидев так близко полуобнаженного мужчину, Зина снова зажмурилась, ущипнула себя за руку под одеялом и вновь осторожно приоткрыла глаза. Оп-па!

Мужик никуда не делся, всё также продолжая приводить себя в порядок, но Зина в этот раз сумела уловить то, чего не увидела сразу: она не у себя дома. Кровать слишком роскошна для её тридцати пяти метров, потолок слишком высокие и с лепниной, бельё постельное явно дорогое, да и зеркало во всю стену напротив - немалых денег стоит, судя по всему.

Следующее, на что обратила внимание Зина - это её собственные руки. Вернее - не её руки. Красивые, холёные, с длинными ухоженными ногтями и тонкими пальцами - они слишком отличались

от Зининых пухлых пальчиков, с обрезанными под корень ногтями. Некоторые девочки в салоне умудрялись носить длинные ногти, но Зине они мешали стричь клиентов, а уж плести афрокосы с такими ногтями и вовсе не представлялось ей возможным. Дело в том, что Зина недавно прошла курсы по плетению афрокос, французских кос и брейдов - и ей это очень понравилось. Она бесплатно - только за материал - заплела всех подруг и знакомых, зато теперь набралась опыта и могла приглашать клиенток на дом. Неплохая подработка, а в перспективе Зина мечтала открыть свой собственный парикмахерский салон.

Пока Зина сидела в кровати и тупо рассматривала свои пальцы, мужчина снова повторил:

- Собирайся, Эжения. И давай без этих штучек - мы всё вчера обсудили.

Зина вздрогнула, глянула на уже полностью одетого мужчину и внимательно обвела взглядом комнату, пытаясь увидеть ту, к которой он обращался. Однако, кроме них двоих, в комнате никого не было.

- Эжения, ты меня слышишь? - раздраженно произнёс мужчина, глядя на Зину. Та моргнула. Кажется, этот тип разговаривает именно с ней. Эжения? Разве не так звали одного из женских персонажей вчерашнего романа, из-за которого Зина уснула только ближе к шести утра? Может, она всё еще спит, и ей снится сон?

- Не надо делать такое растерянное выражение лица, дорогая, тебе это не идёт. Знаешь ведь, что на меня эти штучки не действуют. - Продолжал тем временем мужчина. - Ты же знала, что я когда-нибудь женюсь, и что точно не на тебе, так к чему обиды? Прощальный подарок я уже отправил, он ждёт тебя в твоём коттедже. Так что одевайся и поскорее езжай домой.

Тут Зина догадалась опустить взгляд на вроде как собственную, а по факту - незнакомую грудь, и осознала, что сидит она на кровати, одетая в весьма откровенную шелковую сорочку. Пискнув, Зина прикрылась одеялом. Мужчина закатил глаза:

- Мне некогда играть в твои игры, Эжения. Я вызову служанку, она поможет тебе одеться, а мажордом проводит до двери. Прощай.

С этими словами мужчина вышел, а Зина сразу после этого вскочила с кровати, завернулась в одеяло и кинулась к зеркалу, едва не въехав в него головой, поскольку наступила на край одеяла.

Затормозив в последний момент, Зина остановилась напротив отражаемой в зеркальной глади незнакомки с золотистыми, слёгка встрепанными волосами, кукольным личиком, роскошной фигурой и длинными ногами. Чтобы рассмотреть фигуру и ноги, Зине пришлось отпустить одеяло, и то свободно сползло на пол.

"Барби, - подумала Зина, - вылитая моя кукла Барби, только живая."

Увлечение Зины парикмахерским искусством как раз и началось с кукол Барби. Как она их только не стригла и не заплетала - они с подругами устроили целый парикмахерский салон, помнится. Даже девочки из других классов приносили ей своих кукол, чтобы Зина им поменяла прическу. И вот теперь напротив в зеркале отражается не она, Зина Осипова, а ожившая Барби.

"Точно, сон!" - решила Зина. Просто события романа перепутались в голове с её собственным детством - и подсознание выдало вот такой странный результат.

Кстати, сцена, которая ей сейчас снится, в романе точно была. Мужчина, который сейчас ушёл - судя, по всему, герцог Ланттарский, а Эжениа - его любовница, которая всю книгу строила козни главной героине и пыталась отбить у неё мужа. Милена Севаньон - так звали главную героиню - была выдана за герцога замуж по договору, никаких чувств изначально между ними не было. Но по ходу развития сюжета герои проникаются друг к другу симпатией и навязанный брак становится настоящим. Эжениа тут ловить изначально было нечего.

Хотя роман и подавался в антураже исторических костюмов, балов, титулов, интриг и прочего - даже Зине было понятно, что это псевдоисторический роман. Потому что никакого герцога Ланттарского ни в какой стране ни в какое время не существовало. Наверное, этот жанр можно отнести к фэнтези, вот только магии или неизвестных науке существ тут тоже не было.

В этот момент дверь комнаты снова распахнулась, и появившаяся на пороге девушка в длинном строгом синем платье с белым передником, присела перед ней в... кажется, это называется "реверанс"? Или всё-таки книксен, а реверанс - это что-то более долгое, глубокое и для торжественных случаев?

- Миледи, позвольте помочь вам одеться, - бодро проговорила девушка, раскладывая на кровати невесть откуда появившееся в её

руках платье. Где и когда успела его взять служанка, Зина не уследила.

Девушка действовала споро, и вскоре Зина оказалась облачена в нарядное пастельно-желтое платье с кружевной вышивкой в районе груди, по рукавам и по подолу. Декольте на платье сама Зина сочла неприличным, но, как она помнила из романа, здесь это было в порядке вещей. Дальше шёл корсет, который служанка по просьбе Зины не стала затягивать слишком туго, а внизу была пышная юбка - словом, платье было именно таким, в котором Зина мечтала когда-нибудь выйти замуж. Только цвет немного подкачал: было бы белое - и хоть сейчас в ЗАГС.

Все производимые манипуляции Зина выносила с философским спокойствием: всё равно это сон, чего напрягаться? Тот факт, что корсет жал, а рука, если её ущипнуть, болела, Зина объясняла реальными физическими ощущениями. Ведь иногда наши движения во сне повторяет наше тело в реальности: видимо, Зина реально себя ущипнула за руку - потому и больно. А сдавивший живот и ребра корсет - это просто одеяло замоталось вокруг талии во сне. Единственное, что беспокоило Зину - это как бы не проспять работу. Но Зина знала, что во сне и наяву время течет по разному, а будильник у неё громкий, так что и по этому поводу она особенно не переживала, решив насладиться интересным сном.

Когда служанка стала заплетать ей волосы, Зина заинтересовалась. Но та сделала обычную косу, обернула её вокруг головы на манер короны и заколола шпильками. Зина и сама себе часто делала такую причёску, что лишний раз убедило девушку, что всё происходящее - игры подсознания.

Одетую и причёсанную Барби-Зину вывели в широкий и светлый коридор второго этажа, проводили по лестнице до дверей и распахнули перед ней эти самые двери.

Спустившись по ступеням и пройдя по мощеной камнем короткой дорожке, Зина подошла к карете, дверцу которой перед ней распахнул мужчина в форменной одежде - видимо, лакей или кучер. Зина послушно села в карету, после чего та практически сразу тронулась. Девушка любопытно высунула свой нос из-за занавески, и рассматривала городские улицы и дома, по которым проезжала карета. Дома были не выше третьего этажа, каменные, улочки узкие: если

навстречу поедет другая карета, то они с трудом разминутся. Лучи утреннего солнца не отражались в стеклах домов бликами, и Зина, присмотревшись, поняла, что в окнах вставлены вовсе не стекла - вернее, не привычные ей стекла, а какие-то матовые их подобия. Точнее можно было бы сказать, рассмотри она их вблизи, а не из окна движущейся кареты, в котором, к слову, стекла вообще не было - лишь занавеска. Людей поутру было мало - как пеших, так и конных, а других карет за всё время пути Зине так и не встретилось. Видимо, для знати время слишком раннее. Зина так подумала и сама себе поразилась: она уже воспринимает этот сон всерьез, какие-то предположения строит.

Домик, возле которого остановилась карета, мало отличался от остальных - разве что тем, что при нём имелся небольшой участок газона. Карета остановилась, лакей снова подал руку Зине, помогая спуститься. Дождавшись, пока Зина подойдёт к парадному входу в дом, кучер-лакей запрыгнул на козлы, щелкнул кнутом, и карета тронулась. Зина проводила её взглядом, а затем посмотрела на дверь. Вряд ли тут нет привычки запираеть двери, а дверного звонка что-то не наблюдается. Взгляд девушки упал на медное кольцо с головой льва, которое служило дверной ручкой и - по смутным воспоминаниям Зины, основанным на исторических романах - по совместительству, дверным молотком.

Зина протянула руку, дернув за кольцо, но дверь, как и ожидалось, оказалась заперта. Тогда Зина постучала кольцом по двери, стараясь делать это как можно громче. Спустя некоторое время дверь отворилась и перед ней предстал высокий и прямой, как палка, мужчина лет сорока. Мужчина был довольно худощав, но что поражало воображение, так это количество острых углов в его лице, начиная от выпирающего кадыка и торчащего длинного носа, заканчивая подкрученными усами, что топорщились, выступая за пределы узкого лица, и небольшой острой бородки.

Мужчина поклонился Зине и проговорил:

- Ваше сиятельство, вы сегодня рано. Какие будут распоряжения?

Зину вопрос застал врасплох. Она догадывалась, что по сюжету, её персонаж живёт именно здесь, и тот факт, что мужчина её узнал, это подтверждает. Сам мужчина, видимо, что-то вроде дворецкого или мажордома - смотря как тут это должность называется. Зина напрягла

память, но так и не смогла вспомнить, упоминалось ли в романе об этом. Такие скучные описания сама Зина обыкновенно пролистывала, о чем сейчас несколько пожалела. Кажется, герцог упоминал именно мажордома, вспомнилось Зине.

Голодное урчание в животе дало девушке подсказку, что ей ответить слуге. Вот же герцог, свин, даже не покормил девушку, которая, судя по всему, трудилась ночью на его благо! При мыслях о том, чем занимались герцог с графиней, щёки девушки запылали: ведь сейчас графиня - это она сама, пусть и во сне. Даже мелькнула мысль, что было бы интереснее, если бы этот сон начался несколько пораньше, но Зина эту мысль отогнала.

- А проводите меня в столовую и прикажите подать завтрак, - махнула Зина по-барски рукой, как в её представлении должна делать графиня.

Даже если Зина что-то сделала не так, вышколенный мажордом ничем этого не показал, поклонившись и пригласив девушку следовать за ним. Зина величественно позволила себя проводить, совсем не величественно при этом озираясь по сторонам.

Глава 2

Зина сидела во главе длинного стола, накрытого белоснежной скатертью, и с ужасом разглядывала столовые приборы, которые раскладывал перед нею лакей. Ложки, вилки, ножи - всего вместе двенадцать штук. И еще какие-то щипцы. А уж, когда лакей стал расставлять на столе разные блюда, перед этим снимая крышку и демонстрируя Зине содержимое всех этих бесчисленных кастрюлек, судочков, горшочков... Она ведь не пир закатить собралась, а просто позавтракать! Оpozнав в одном из горшочков кашу, Зина сглотнула, а потом, снова приняв величественный вид, обратилась к замеревшему перед лакею, что всей своей позой демонстрировал стремление ей услужить:

- Пожалуй, я буду кашу.

Дождавшись, пока лакей положит ей каши, Зина капризно надула губы (ей казалось, что именно так должна вести себя избалованная аристократка) и сказала:

- Я хочу позавтракать в одиночестве.

Лакей недоумённо моргнул, оглядел длинный стол, за которым, кроме Зины никого не было, и снова посмотрел на неё, как бы намекая, что она и так будет завтракать одна. Зина вздохнула и переформулировала:

- Я хочу, чтобы ты вышел! Не надо мне прислуживать!

Лакей молча поклонился и покинул столовую, а Зина облегченно вздохнула, откидываясь на спинку стула.

На самом деле она боялась опозориться перед лакеем, взяв не ту ложку или неправильно назвав блюда. Например, на одной тарелке лежали рубленые яйца с зеленью. Как это правильно назвать? Салат? Наверняка у этого есть какое-то собственное название. Остальные же предложенные блюда, кроме каши, ей и вовсе не были знакомы.

Зина выбрала из трёх ложек ту, что больше всего напоминала столовую, поскольку одна из оставшихся была квадратной и больше напоминала лопатку, а вторая была явно десертной. Зачерпнув полную ложку каши, сунула в рот. М-м-м... вкусно! Овсянка с орешками, корицей и кусочками яблок. Кашу Зина съела всю, подчистую. Подумала - и облизала ложку, положив её на то самое место, где она и лежала. Ну вот, теперь будет сложно определить, какой именно ложкой воспользовалась девушка - это на случай, если она всё-таки ошиблась с выбором.

Затем Зина налила себе чаю из стоявшего тут же на столе чайничка и схватила с подноса ароматную тёплую булочку. Вкуснотища! Только поев и сыто развалившись на стуле, поглаживая округлившийся животик, Зина вдруг вспомнила, что, вообще-то, во сне не ощущаешь вкуса продуктов, которые ешь. Так как поесть Зина всегда любила, ей часто снились подобные сны, но никогда до сих пор ей не удавалось насладиться вкусом еды во сне. Один раз в детстве ей даже приснилось, что она спрятала конфету под подушку - в надежде полакомиться ею, когда проснётся. Разумеется, наутро под подушкой ничего не было. Так девочки Зина поняла, что сны и реальность - не одно и то же.

Теперь же у Зины появились смутные сомнения. Чтобы проверить их, ей нужен кто-то посторонний. Поднявшись, Зина скинула на стол салфетку, что постелил ей на колени перед завтраком лакей, и быстро прошла к двери. Распахнув её, она тут же увидела того самого лакея,

который, видимо, и не думал уходить, ожидая под дверью. Какая удача, он-то ей и нужен.

- Ущипни меня! - скомандовала Зина, протягивая лакею свою руку.

- М-миледи? - переспросил, заикаясь, лакей, в то время, как его глаза грозили выползти на лоб.

- Ну или сильно сожми - так, чтобы мне стало больно.

- Я-я н-не смею... - бедный лакей готов был сквозь землю провалиться.

- Это приказ! - топнула ногой Зина, сдвигая брови. Кажется, так делают графини, когда сердятся, верно?

Лакею ничего не оставалось, как пожать руку графини, которая сегодня малость не в себе. Впрочем, как многие служащие аристократов, лакей придерживался мнения, что при таких деньгах и власти, те могут себе позволить странности. Другое дело, что, как всякий здравомыслящий человек, он предпочитал в такие моменты не попадаться им под руку.

Не смотря на то, что лакей действовал аккуратно и еле дотронулся до её руки, прикосновение Зина всё-так ощутила.

- Теперь отпусти. А теперь снова сожми. А-га... Можешь идти, спасибо.

Лакей дрожащей рукой утёр со лба пот, поклонился и быстрым шагом удалился - от греха подальше.

Зина же задумалась. Может ли быть такое, что сон - вовсе и не сон? Да не, бред. Она бы ещё могла поверить, что перенеслась в прошлое - но ведь события, описанные в романе, не были историческими. Это была фантазия автора. Сто-о-оп! А почему она решила, что она - та самая графиня Эжениа де Лавиньяк, а тот мужик в спальне - тот самый Кастел Оделл, герцог Ланттарский? Только потому, что в романе была похожая сцена и имя совпало? Этого мало! Что, если она на самом деле перенеслась в прошлое, в тело какой-то графини Эжениа? Не книжной героини, а реально существующего лица? Вернее, существовавшего когда-то в прошлом?

От этой мысли Зина даже вспотела. Не бывает таких последовательных и детальных снов! Она чётко видела золотые узоры на белой стене, могла рассмотреть тяжелую ткань на портьерах, вплоть до маленькой, едва заметной, дырочки в уголке, она чувствовала вкус

каши, в конце концов! И ей попался орешек, который застрял в зубах и до сих пор там сидит! А еще - чувство сытости в животе... Всё слишком реально. И проснуться не получается.

А значит, что? А значит, нужна какая-нибудь информация. Кажется, в любом доме аристократов должны присутствовать либо библиотека, либо кабинет - там наверняка есть бумаги, которые могут пролить свет на её личность. Вернее, на личность той, кем она стала. Так что Зина отправилась на экскурсию по собственному дому. Жаль, что нельзя попросить кого-то из слуг всё ей показать - это было бы странно.

Но Зина нашла выход: она просто прошлась по дому, заглядывая во все двери с видом инспекционной проверки. Первой на пути оказалась кухня. Заглянув туда и увидев замерших над кастрюлями настороженных поваров, Зина оглядела помещение и, заметив, на одном из столов каплю соуса - ткнула в него пальцем:

- Это что такое? Убрать! - нахмутив брови,скомандовала она, после чего развернулась и вышла. Пусть лучше думают, что хозяйка решила устроить проверку, чем поймут, что она не знает, где что находится. Вот бы еще как-то выяснить, как кого зовут из слуг. Не кричать же им - "Эй, лакей!" или "Эй, мажордом!"

В результате обнаружилось, что на первом этаже из хозяйских помещений только столовая и довольно уютная, но вместе с тем просторная, гостиная, а на втором - её собственные покои, пустующие гостевые комнаты и - та-дам! - кабинет. Вообще, дом был не слишком-то и большим. Всего два этажа и чердак, на который Зина не стала подниматься: библиотеки там явно не будет.

Кабинет был обставлен в типично мужском стиле: массивное кожаное кресло за массивным же столом из цельного дерева, покрытым тёмным лаком. С другой стороны стола - два кресла поменьше, для посетителей. Вдоль стены тянулись стеллажи с книгами и бумагами, на стене, прямо за рабочим местом, был сейф.

Зина подошла к столу и стала разглядывать лежащие там бумаги. Странно: язык незнакомый, но при этом слова Зина понимает, и прочитать написанное может. Разве это не доказательство, что происходящее - сон? Или всё дело в том, что она сейчас в чужом теле и пользуется чужими знаниями? Ведь она и общалась с окружающими вполне нормально, только сейчас осознав, что говорила с ними не на

русском. Интересно, что это за язык? Судя по певучим интонациям, похоже на французский. Выходит, она во Франции в прошлом? Жаль, что Зина изучала только английский, да и то могла сказать только "Вотс ё нейм" и "Хау ду ю ду".

Тут взгляд Зины привлёк конверт, подписанный золотыми чернилами. Красивые ровные буквы с завитушками складывались в слова, которым Зина отказывалась верить:

"Её сиятельству, графине Эжени де Лавиньяк".

В голове у Зины зашумело, и она не сразу поняла, что держит в руках приглашение на бал. Бал по случаю помолвки герцога Ланттарского и графини Траутской. Главных героев романа "Мелодия моего сердца" - того самого, купленного ею накануне.

Дрожащей рукой девушка достала из конверта приглашение и прочитала формальный текст, мол, глубокоуважаемая графиня, ждём вас на балу по случаю помолвки тогда-то во столько-то, надеемся на ваше присутствие. Но в конце была приписка, сделанная другой рукой: "Только попробуй проигнорировать бал и выказать тем самым пренебрежение моей невесте: ты меня знаешь, мало не покажется". И подпись: "Кас".

В этот момент Зина поняла две вещи: первая - это то, что она попала не в прошлое, а именно в этот злополучный роман; вторая заключалась в том, что Кастлер Оделл - чурбан бесчувственный. А нет, три вещи: Эжениа - дура, потому что встречалась с этим чурбаном и мечтала стать его женой.

"Хотя, - запоздало вспомнила Зина, - там ведь не столько она хотела за него замуж, сколько её папаша на это подбивал".

Отец Эжениа был обычным мелкопоместным бароном, удачно пристроившим дочку за пожилого графа. В итоге дочь стала графиней, а после смерти мужа получила этот коттедж и небольшое ежемесячное содержание. Остальное имущество покойного графа отошло его наследникам. Сама Эжениа, будучи молодой и привлекательной вдовой, жила в основном на те деньги, которыми её снабжали любовники. Они же дарили ей драгоценности и покупали роскошные наряды. Словом, Эжениа была, что называется, содержанкой - и это её вполне устраивало. Но амбициозный барон, её отец, решил, что, раз его дочь из баронессы стала графиней, то вполне может из графини стать герцогиней. Родитель стал планомерно капать дочери на мозги,

чтобы та окрутила герцога Ланттарского, любовницей которого являлась последние пару лет - и выскочила за него замуж.

Зина понимала, что Эжения - далеко не святая, да и образ жизни она вела весьма сомнительный, но каким же чурбаном надо быть, чтобы вот так требовать явиться на свою помолвку с другой, женщину, с которой до этого был вместе два года? Даже если между ними не было никаких особых чувств, надо же понимать, что это всё равно бьёт по женскому самоуважению.

Странное дело, когда Зина читала этот роман, герцог казался ей идеальным мужчиной - красивый, умный, властный, и, в то же время, нежный и заботливый по отношению к собственной жене. А вот Эжения выглядела натуральной стервой, неуравновешенной и жестокой. И только теперь, оказавшись на месте Эжении, Зина смогла взглянуть на ситуацию под другим углом.

Взгляд Зины упал на настольный календарь. Если дата вставлена правильно, то... бал через два дня. Через два! Бал, на котором ей, судя по всему, придётся появиться, чтобы избежать неких последствий, на которые намекал герцог. А она не знает, какой ложкой кашу есть - не говоря уже о танцах и прочем! Сон это или нет, а опозориться на балу не хотелось. Может, ну его, этого герцога? Не убьёт же он её, в конце концов?

Глава 3

Пока Зина размышляла, крутя в руках приглашение, в кабинет заглянул мажордом.

- Ваше Сиятельство? Вы здесь? Вот, - проговорил он, протягивая Зине черную продолговатую шкатулку, - доставили сегодня утром от герцога Ланттарского.

- От герцога? - с интересом покосилась на шкатулку Зина. А, наверное, тот самый "прощальный подарок", о котором мужчина упоминал. Ну, или очередные угрозы. Зина аккуратно взяла шкатулку в руки и посмотрела на мажордома, который не спешил уходить.

- Также хочу напомнить, Ваше Сиятельство, что через час придет портниха для окончательной примерки.

- Примерки? - как попугай повторила Зина.

- Да. Ваше платье для предстоящего бала уже готово.

- Эм-м-м... Спасибо, - поблагодарила девушка, - хотя оно мне вряд ли понадобится.

- Простите? - Переспросил мажордом.

- Я говорю, что передумала ехать на бал. Но, платье, наверное, всё равно придётся примерить, раз уж оно уже готово.

- Передумали?.. - Охнул мажордом, побледнев. - Вы уверены, Ваше Сиятельство?.. То есть, простите, это не моё дело... Но это ведь открытое проявление неуважения - не явиться на бал высшего по титулу аристократа без веской причины. Герцог не простит... Вы позволите дать вам совет?..

Усатый мажордом смотрел на Зину с искреннем сочувствием, и Зина поняла: о романе Эжени с герцогом, а также об их расставании в связи со скорой женитьбой последнего, знают, наверняка, все слуги. Что же, совет ей сейчас пригодится.

Зина дала согласие, и мажордом проговорил:

- Вы можете появиться на балу ненадолго, а затем покинуть его, сославшись на плохое самочувствие. Тогда герцогу будет нечего вам предъявить.

- Благодарю. Я... воспользуюсь вашим советом, - постаралась величественно кивнуть Зина. Мажордом улыбнулся, поклонился и покинул библиотеку, оставляя девушку в одиночестве. Жаль, она не знает имени этого отзывчивого усача. Мажордом произвёл на Зину приятное впечатление - этакий добрый дядюшка - и сразу видно, что к Эжени он настроен доброжелательно. И это опять же говорит в пользу того, что не таким уж она была плохим человеком, как описывалось в романе.

А сама Зина решила, что в первую очередь ей нужна какая-нибудь книга об аристократах, либо учебник этикета - а лучше и то, и другое. Она едва не попала впросак с этим балом, когда решила его проигнорировать. Сейчас, после слов мажордома, она вспомнила, что герцог - это высший титул знати после короля. Графиня всяко ниже его по положению, а потому проигнорировать его приглашение не могла. Это всё равно, как если бы герцог проигнорировал приглашение короля. Выходит, она была несправедлива к Кастелу Оделлу? Он всего лишь предупредил бывшую любовницу, чтобы та не совершала опрометчивых поступков и не устраивала скандал.

Но ведь мог же он не присылать ей это чертово приглашение! Или не мог? Наверное, герцог тоже скован условностями высшего света, и, не пришло ли ему приглашение кому-то из аристократов, это уже было бы демонстрацией неуважения с его стороны? Скорее всего, так и есть. Но, чтобы точно знать, какие законы действуют у местных аристократов, Зине нужна информация. Это важнее танцев или умения пользоваться столовыми приборами - за ошибки ей ничего не будет, кроме косых взглядов или насмешек. А вот если она случайно кого-то оскорбит по незнанию - то последствия предугадать трудно. Так что за пару дней девушке предстоит найти и выучить все правила поведения в высшем обществе.

Оставшийся час до примерки платья, Зина просматривала не слишком обширную библиотеку в кабинете. Из подходящих по её запросу книг девушка нашла геральдический справочник, тонкую потрёпанную брошюру "Этикет для благородных леди", а также любовный роман местного производства. Порой из художественной литературы можно куда больше узнать об истории, традициях и прочем, чем из учебников. Вот взять, например, Зину - она всегда училась на "отлично" и "хорошо", а вот все эти аристократические титулы и их иерархию помнит только благодаря прочитанным любовным романам, а вовсе не из школьного курса истории.

Девушка успела только пролистать найденные книги, когда вновь появился мажордом и доложил о приходе портнихи.

Признаться, Зина себе не так её представляла: почему-то в её воображении портниха была полной невысокой женщиной среднего возраста, а на деле... На деле это была деловая, подтянутая брюнетка не старше тридцати. Одета она была в длинную, расклешенную от середины бедра юбку кораллового цвета, белую блузку с кружевным жабо, и коралловый же стильный пиджачок. Волосы забраны в строгую высокую прическу, на лице - умеренный макияж. Прибывшая производила впечатление профессионала своего дела, и назвать её "портнихой" у Зины язык не поворачивался. Модельер, дизайнер - кто угодно, но не портниха.

Коротко, но учтиво поздоровавшись, женщина скомандовала своим помощницам развернуть платье и Зина замерла от восторга: это оно! В этом платье она готова выйти замуж хоть прямо сейчас! Воздушное, на вид невесомое, нежнейшего голубого цвета, оно

переливалось на свету. Когда Зина в него облачилась с помощью портнихи и её помощниц, и затем подошла к зеркалу, чтобы оценить свой внешний вид, то забыла, как дышать. Эжениа сама по себе красива, а в этом платье она выглядит настоящей принцессой. А еще цвет платья очень шёл к её глазам, делая те более глубокого голубого цвета. Да и к светлым волосам этот цвет подходил.

Теперь уже Зина не боялась бала, а мечтала поскорее на него попасть. Это же в принципе мечта каждой девушки - танцевать на балу в роскошном платье! Конечно, Зина танцевать не умеет и вряд ли за пару дней научится, но даже просто побывать на балу - уже здорово. И потом, обычно мужчины ведут в танце, и в книгах Зина не раз читала, что, даже если девушка не знает танца, стоит ей довериться мужчине и следовать за его движениями - то всё получится. Так что, вдруг ей всё же посчастливится потанцевать? Тем более, насколько помнит Зина, танцы в романе были описаны вполне знакомые - тот же вальс, полонез. И пусть последний она даже не видела, но вот как танцевать вальс, в теории знает. Жаль, что только в теории...

Девушка так замечталась, что даже не заметила, как ушла госпожа Лавиния - так называли портниху её помощницы. Хотя та прощалась с ней, и Зина ей даже что-то ответила - но это как-то прошло мимо её сознания. Когда ощущение эйфории немного спало, Зина переделалась обратно при помощи горничных и отправилась в библиотеку, изучать найденные книги. Первой она открыла "Этикет для благородных леди", села в удобное массивное кресло в кабинете и углубилась в чтение.

Чтиво оказалось не то, чтобы увлекательным, но познавательным. Зина читала до самого обеда, на который её пришёл позвать мажордом. А вот за обедом Зине пришлось снова попросить лакея оставить её одну, потому как девушка хотела потренироваться. Книгу по этикету она захватила с собой и теперь, разглядывая лежащие перед ней приборы, вспоминала, какой из них для какого блюда, периодически сверяясь с брошюрой. К концу обеда девушка была уверена, что уже не перепутает вилку для салата с вилкой для рыбы.

После обеда Зина решила немного отвлечься от изучения этикета и стала просматривать бумаги, лежащие на письменной столе и в ящиках стола. Ей хотелось найти побольше информации об Эжении, о

том, с кем она общалась, с кем дружила. Ведь на балу, помимо герцога, наверняка будут и другие знакомые графини, а она-то их знать не знает. Конечно, вряд ли она тут найдёт портреты всех друзей и подруг графини де Лавиньяк, но хотя бы какую-то переписку обнаружит, а еще лучше - личный дневник. В романе не упоминалось, что Эжения вела дневник, но в романах многие подробности жизни персонажей авторы опускают, так что всё возможно.

Из найденных писем Эжению, Зина поняла, что чаще всего та общалась с некой Мари ле Фондани - вдовой графа Канопорского, маркизой Лилиан де Бокенфорт и баронессой Клодией Шарде. Смутно девушка припоминала эти имена в романе, но персонажи были проходными и не запомнились. Из мужчин ей писали несколько поклонников, где самым настырным был граф Даниятский: в последнем письме он прямо намекал, что теперь, когда графиня свободна от обязательств по отношению к герцогу, он надеется увидеть её в своей постели. Конечно, там всё было написано более завуалировано, но смысл проглядывался вполне очевидный. Зина возмущенно откинула письмо в сторону: вот нахал! Похоже, Эжения пользуется популярностью у мужчин, и теперь, когда герцог дал ей отставку, Зине придётся отгонять от себя чересчур ретивых кавалеров, претендующих на должность её любовника. Как же это всё неприятно! Еще и не пошлешь ведь графа, маркиза или виконта в известном направлении, отшивать придётся вежливо, в соответствии с этикетом. Единственное, что успокаивало Зину - так это то, что она сама - графиня, и все эти охочие до её тела аристократы, ничего не смогут ей сделать в случае отказа.

Нашла Зина и бухгалтерские книги, заполненные аккуратным почерком самой Эжению. Зина удивилась, поняв, что девушка не пользовалась услугами управляющего либо экономки, а распорядилась всеми финансами сама. Ведь для этого надо обладать определенными качествами и финансовой грамотностью. Похоже, Эжения - гораздо более интересный персонаж, чем казалось из книги. Жаль, что она так плохо закончила: под конец романа её обвинили в покушении на убийство Милены, которая на тот момент была уже женой герцога и находилась в положении, но, так как прямых улик против Эжению не было, то её не стали лишать титула и сажать в тюрьму, а просто сослали пожизненно в монастырь. Для молодой девушки - а Эжению де

Лавиньяк по книге было всего двадцать шесть лет (замуж за графа её выдали в шестнадцать, а вдовой она стала в двадцать) - это ужасная участь.

Разумеется, Зина не собиралась повторять ошибок Эжени: ей этот герцог вообще не сдался. Красавчик, конечно, но с лица воду не пить. А папаша-барон пусть идёт лесом со своими честолюбивыми планами.

Зина по-прежнему склонялась к мысли, что ей снится такой невероятный яркий сон, в котором ей удалось представить себя на месте персонажа прочитанного романа. Раньше бы Зина подумала, что лучше выступить в роли главной героини, но, немного познакомившись с характером герцога, поняла, что он ей совсем не нравится. Вряд ли бы она смогла жить с таким мужчиной. А вот просто посмотреть на главную героиню и на то, как эта парочка смотрится вместе - это Зине было очень любопытно. Так что теперь ей ещё сильнее хотелось попасть на бал.

Глава 4

Разбирая бумаги, Зина узнала и имена слуг - в одной из бухгалтерских книг были записи о ежемесячной заработной плате каждого в этом доме. Больше всех получал, разумеется, мажордом - его оклад составлял пятьсот франков. Много это или мало, Зина не успела пока понять, так как времени для внимательного изучения данного вопроса у неё не было. Выяснилось, что мажордома зовут Карл, двух горничных - Мила и Дана, повариху - Элен, её помощников - Густав и Эмиль, лакеев - Матис и Блез. Вот и весь состав её прислуги. Даже Зине, которая ни разу не аристократка ни в каком поколении, показалось, что для графини это как-то маловато. Да и домик у неё небольшой - для него в принципе больше слуг не требуется, да и негде их размещать. А если вспомнить, что Эжени сама вела бухгалтерские книги, то невольно напрашивается вывод, что графиня, если не бедствует, то уж точно не живёт на широкую ногу.

Разложив бумаги по папкам так, как ей удобно, и прибравшись немного на столе, Зина вспомнила о шкатулке, которую прислал герцог, и которая так, забытая, и лежит. Повертев шкатулку в руках,

Зина всё же решила её открыть. Вряд ли там какая-то отравка или вообще что-то опасное: по сюжету книги герцог не пытался убить свою бывшую любовницу, значит и Зине нечего опасаться.

Внутри шкатулки оказался комплект из украшений: роскошное изумрудное кольцо в оправе из белого золота, изящные серьги и браслет. Выглядело всё это ужасно дорого, но Зина недоумевала: почему изумруды? У Эжениии ведь голубые глаза, разве камни не дарят под цвет глаз? Ну или хотя бы так, чтобы их как-то оттенить? Впрочем, Зина была готова признать, что она ничего не понимает в драгоценностях и в том, как их правильно носить: из всех драгоценностей у неё была только золотая цепочка с крестиком.

Закрыв шкатулку, девушка задумалась, что ей делать с герцогским подарком. К голубому платью этот комплект точно не подойдёт, значит, на бал она их в любом случае не наденет. И насколько прилично вообще женщине принимать такие дорогие подарки? Может, отправить украшения обратно герцогу? Нет, наверное не стоит: если это его прощальный подарок, а она его не примет, не решит ли герцог, что Эжениия всё еще на что-то рассчитывает в их отношениях? Тем более, если дела у графини идут не очень, ей не стоит разбрасываться драгоценностями. В конце концов, Эжениия их... хм, заработала. Насколько помнила Зина, в романе было специально подчёркнуто, что выплачиваемого содержания графини де Лавиньяк не хватало, и жила она за счёт вот таких вот подарков. Пусть сама Зина не могла этого понять, но и осуждать Эжениию она не спешила. Девочку насильно выдали замуж за старика - тут любая утратит романтические мечты и иллюзии. Неизвестно, насколько пострадала её психика, когда молоденькая девчонка вынуждена была из года в год наблюдать дряхление и угасание своего мужа, и что вытерпела она от его детей, которые были чуть ли не вдвое старше неё самой. В романе были намёки на то, что семья графа ненавидит её - понятное дело, наследнички тряслись за своё состояние. В общем, не зная всей истории жизни человека, его мыслей и чувств - не стоит делать о нём поспешных выводов. Одно дело - персонаж в книге, где автор сам сообщает нам, любить или презирать того или иного героя, а совсем другое - реальный человек... А Эжениия для Зины стала обретать черты реального человека - по мере того, как девушка всё больше узнавала о ней и о её жизни.

Драгоценности Зина решила убрать в сейф: разбирая бумаги, она нашла код от него. По мнению Зины, оставлять код от сейфа в ящике стола - всё равно, что оставлять сейф открытым. Поэтому, как только девушка убедилась, что код подходит, она выучила его наизусть, а бумажку спрятала в карман, чтобы сжечь в своей комнате. Дело в том, что в кабинете не было свечей, в отличие от других помещений дома - тут использовалась только закрытая керосиновая лампа. Видимо, в целях пожарной безопасности - здесь же полно бумаг и книг, и открытое пламя оставлять нежелательно.

После этого Зина до ужина изучала в своей спальне брошюру по этикету, пытаясь запомнить, кого, как и в какой последовательности надо приветствовать, насколько глубоким должен быть реверанс для дам разных титулов, а также тренировалась приседать перед зеркалом.

Покои Эжени Зине понравились. Спальня у неё была типично девичья: большая кровать с балдахином, светлое шелковое постельное белье, большое зеркало во весь рост, белый туалетный столик и еще одно зеркало на нём - но уже поменьше, пара пуфиков, а также три двери. Одна из них вела в совмещенный санузел, где стояла роскошная ванная на изогнутых кованых ножках, а за ширмой был расположен туалет, похожий на мраморный постамент с дыркой вверху и мягким, обитым тканью сиденьем. Вода для слива имелась - для этого надо было потянуть за цепочку, что висела сбоку. Кранов в ванной не было: видимо, для того, чтобы искупаться, надо просить натаскать воду кого-то из слуг. Зато на полках стояло множество баночек с косметическими средствами, которые Зина решила непременно попробовать сегодня вечером.

Вторая дверь из комнаты вела в гардеробную - и там Зина застряла надолго, перебирая и любясь платьями, которыми была забита вся комната, а также множеством пар туфель самых разных моделей и цветов. Конечно, в гардеробной были не только платья: девушке удалось отыскать два брючных костюма для верховой езды, были там и костюмы наподобие того, в котором приходила госпожа Лавиния - только из более дорогой ткани, были плащи и накидки для более прохладной погоды и было роскошное белое меховое манто.

Зина тут же достала его и примерила - красота! Жаль, за окном не зима, а так бы надела его на бал.

Третья же дверь вела в небольшую гостиную. Здесь стоял чайный столик, кресла вокруг него, сервант с посудой, а еще здесь имелся роскошный белый камин, который, видимо, топили в холодное время года. Из гостиной, соответственно, был выход в коридор.

Туалетный столик в спальне Зина тоже проинспектировала и, кроме косметики, обнаружила там некоторые украшения, выглядящие не слишком дорого. Дорогие, видимо, хранились в сейфе, куда девушка убрала и подаренную герцогом шкатулку. Зина лишь мельком взглянула на множество похожих черных коробочек, занявших три четверти пространства сейфа, да заглянула в один из бархатных мешочков, в котором обнаружились золотые монеты. Подробнее разбираться с тем, какое состояние ей досталось, девушка решила после бала - если до этого момента не проснётся, конечно, обнаружив, что всё это было лишь увлекательным сном. А пока надо сосредоточиться на подготовке к балу. Хотя, вот драгоценности к платью подобрать всё-таки надо бы...

Ужин был для Зины экзаменом. Лакея она отсылать не стала, и даже наоборот - немного попытала его на предмет того, что за блюда на столе. Лакей, видимо, решил, что графиня его проверяет, и отвечал на вопросы очень подробно, а Зина старательно запоминала - вдруг пригодится. Параллельно она пыталась угадать, кто именно перед ней - Блез или Матис. В итоге пошла самым простым путём:

- Спасибо, Матис, - улыбнулась девушка, когда лакей ответил на все её вопросы.

- Я Блез, миледи, - немного удивленно отозвался тот.

- Конечно, Блез, я просто оговорила, - и еще одна милая улыбка. А что такого? Её начальница, Степанида Алексеевна, постоянно путала девочек-парикмахерш - и не потому, что не знала, как кого зовут, а просто, как говорится, "по запарке".

Аналогичным образом Зина выяснила, кто из горничных кто. На этот раз угадала - принимать ванну и переодеваться ко сну ей помогала Мила. Значит, вторая девушка - Дана.

В ванной Зина отмокала очень долго. По её просьбе Мила добавила в ванну пену и ароматические масла, а затем без всякой

просьбы сделала Зине массаж и натерла её тело какими-то благоухающими кремами. Зина же в это время думала, что рада побыть хоть немного графиней - пусть даже и во сне. Вот бы еще досмотреть этот сон до момента бала, чтобы успеть хотя бы один танец станцевать...

Наутро Зина проснулась рывком и, открыв глаза, поначалу не поняла, где она находится. Отдёрнув ткань балдахина, узнала комнату Эжени. Значит, всё же не сон, так?

Вчера Зина пребывала в несколько заторможенном состоянии - то ли от стресса, то ли от ощущения нереальности происходящего. Но сегодня её ум был вполне ясен. Она действительно каким-то невысказанным образом попала в книгу. Но как? Почему? И где сейчас её собственное тело? Ответов у девушки не было. Одно понятно: пока есть риск, что Зина застряла в этом мире и в этом теле надолго (или вообще навсегда), ей надо как-то вникать в то, что происходит вокруг, приспособливаться к новой жизни. И ни в коем случае не допустить, чтобы Эжению - то есть, теперь её саму - заточили в монастырь.

Значит, вчерашний план остаётся в силе: сегодня Зина дочитывает книги и готовится к балу. На балу поздравляет жениха с невестой и удаляется, сославшись на головную боль. Этот бал Зина помнила по прочитанному роману: тогда Эжения прилюдно унизила главную героиню, а еще сколотила против неё коалицию из местных аристократок, недовольных тем, что герцог выбрал себе в жену никому неизвестную графиню, вместо того, чтобы обратить своё внимание на тех, кто рядом.

Судя по описанному в романе серпентарию, герцог поступил правильно: выбирать там было не из кого. К тому же у герцога имелись веские причины взять в жены именно Милену - их родители когда-то давно заключили договор о помолвке, и, как только девушка стала совершеннолетней, герцог вынужден был исполнить этот договор. Граф Траутский когда-то оказал огромную услугу герцогу Ланттарскому, которым на тот момент являлся отец Кастлера, так что, выполнить волю отца для нынешнего герцога Ланттарского - было делом чести. Однако всё закончилось хорошо: супруги сумели полюбить друг друга и преодолеть все трудности на пути к счастью. И это прекрасно. Зине нравилась главная героиня романа, и она ни в коем

случае не собиралась ей мешать строить семейное счастье. Однако не всегда всё идёт так, как было задумано...

Глава 5

Пока Зина ехала в наемном экипаже, который заказал ей на этот вечер усатый мажордом Карл, она сама себя ощущала Золушкой. От предвкушения чего-то волшебного, Зина нетерпеливо ёрзала в карете, рискуя память платье. Но едва экипаж остановился, и Блез, сопровождающий её в качестве лакея, помог девушке спуститься, как ожидание и предвкушение сменились тревогой и волнением.

Карета отъехала в сторону, чтобы не мешать продолжающим прибывать гостям, и Зина, до этого застывшая изваянием, вынуждена была заставить себя двинуться с места, ступая по красной ковровой дорожке, которая вела к дверям герцогского замка. Да, это определенно был замок или же дворец - не чета её домику. Тогда, утром, Зина лишь мельком окинула его взглядом - мысли её были заняты совершенно другим. Но этим вечером замок предстал перед ней, в свете факелов, во всём своём мрачном великолепии. Окна приветливо светились, но острые башни по бокам от центрального входа, казались рогами неведомого чудовища, а гостеприимно распахнутая дверь - его пастью.

Отбросив пугающие ассоциации, Зина несмело вошла в холл, подавая слуге своё приглашение. В холле уже присутствовало несколько аристократов - поодиночке и парами - они вежливо раскланивались друг с другом и перебрасывались фразами о погоде. Зина же внутри обмирала от страха. Знает ли она кого-то из этих дворян? Что будет, если она пройдёт мимо и не поздоровается? А если у неё спросят что-то, о чём она не в курсе? Словом, Зину обуревали различные страхи, но она всё-таки заставляла себя идти к бальному залу.

Единственное, по поводу чего Зина могла не волноваться - это по поводу своего внешнего вида. Служанки с утра её готовили: мыли, тёрли, мазали какими-то травами, которые имеют эффект дезодоранта - не дают какое-то время выделяться поту и придают коже приятный запах. После чего её облачили в тончайшее кружевное бельё - Зина прямо порадовалась, что роман, в котором она очутилась, просто "косил" под исторический, но мир в нём все же был другим, не нашим.

Попади она в настоящий исторический роман, и её наверняка затянули бы в корсет и заставили натянуть панталоны. Возможно, еще и парик нахлобучили бы сверху.

А так - никаких корсетов и панталон, а из её собственных волос Мила смогла сотворить роскошную причёску. Поскольку Зине, как профессионалу, это было весьма интересно, то она внимательно наблюдала за горничной в процессе. Поначалу Мила заплела несколько тонких косичек по бокам, чередуя их со свободными прядями, затем забрала все свободные пряди и сделала из них на макушке "бублик", а после на уже получившейся причёске стала "рисовать" узоры из тонких косичек, закрепляя их с помощью шпилек. В конце Мила всё это великолепие сбрызнула неким составом, который должен придать причёске устойчивость. Зина старательно запоминала, какое средство для чего используется - она пока еще не знала, пригодятся ли ей эти сведения, но впитывать новое в отношении парикмахерского искусства - для неё уже вошло в привычку.

Затем горничные в четыре руки нанесли графине вечерний макияж, который ничем не отличался от современного Зине - и снова спасибо автору за это. Последним штрихом была капелька духов - к слову, духи Эжени Зине вполне понравились. В самую последнюю очередь Зина надела заранее приготовленные украшения: тонкое бриллиантовое кольцо и серьги из одного комплекта, а также кольцо с синим камнем - то ли сапфиром, то ли каким-то другим, возможно, вообще характерным лишь этому миру. Зина не была уверена, что эти украшения можно сочетать, и, даже, кажется, где-то слышала, что с бриллиантами другие камни нельзя носить, но устроить не смогла. Уж очень ей колечко понравилось: просто круглый небольшой камень, но оправка из белого золота сделана так, что кажется, будто кольцо выполнено в виде глаза. И в глубине этого "глаза" таилась такая загадка и такая бездна, что Зина никак не могла отвести от него взгляд. В общем, девушка решила его оставить - на свой страх и риск.

И вот сейчас Зина нервно вертела кольцо на пальце, пытаясь собраться с духом и войти в зал, откуда доносилась музыка и звучали голоса. Если бы не осознание того, что обратного пути у неё нет, Зина бы сбежала прямо сейчас. Но вместо этого она глубоко вздохнула, нацепила вежливую улыбку и шагнула в зал. Новоиспеченной графине стоило огромных усилий не впасть в ступор от обилия красок:

большинство дам были одеты в роскошные платья всевозможных расцветок, и всё это великолепие рябило в глазах.

Зина немного прошлась по залу, подражая неспешному шагу окружающих леди, которые аналогичным же образом прогуливались, внимательно рассматривая других гостей и ища поводы для сплетен. Посчитав, что замереть в одиночестве посреди зала будет глупо, Зина двинулась к столам с закусками и попросила пробежавшего мимо официанта принести ей сока или воды. Официанты сновали между гостями, предлагая тем игристое вино и соки, так что вскоре уже Зина стояла у столов с бокалом сока в руке и выискивала взглядом герцога или его невесту. Графиню Траутскую Зина не видела, но помнит её описание по книге, а потому рассчитывала узнать. Насколько помнила Зина, герцог с невестой должны появиться ближе к танцам, объявить о помолвке, станцевать вместе пару раз - а потом покинуть бал. Для Милены Севаньон, графини Траутской - главной героини романа - этот день должен был стать ужасным: мало того, что герцог практически не обращал на неё внимания, что девушка расценила как неуважение, так еще и пригласил на бал свою любовницу, о чём невесту незамедлительно оповестили "доброжелатели". И, как будто этого мало, та самая любовница сделала всё, чтобы опозорить и высмеять Милену. Но теперь в теле Эжени находится Зина, а она ничего такого делать не собирается. Надо лишь дождаться герцога с графиней, показаться на глаза, поздравить - и вернуться в свой уютный домик, который Зина уже начинала любить.

Но всё пошло не так, как она рассчитывала. Началось всё с того, что перед ней возник невообразимо красивый мужчина - герцог тоже был хорошо собой, но рядом с тем, кто сейчас перекрыл Зине обзор, он и рядом не стоял. Высокий сероглазый блондин, сложенный настолько гармонично, что это казалось невозможным, завладел рукой Зины:

- Графиня, - произнёс он с придыханием, прикасаясь полными горячими губами к её руке, отчего по телу девушки побежали мурашки, - безмерно рад вас видеть! Вы подумали над моим предложением?

Восхищение, которое испытала Зина при виде столь привлекательного субъекта, сменилось удивлением и паникой. О каком

предложении идёт речь? Что она должна ему ответить? Боже, да она даже имени этого красавца не знает! И титула! Как к нему обращаться?

Незнакомец, видя гамму эмоций на лице Зины, истолковал её по-своему. Прижав руку к груди в театральном жесте, он воскликнул:

- Как же так, миледи? Не хотите ли вы сказать, что не читали моё письмо? Ах, вы ранили меня в самое сердце!

Письмо?.. "А не тот ли это ловелас, что сделал мне в письме неприличное предложение?" - подумала Зина, и оказалась права. В следующий миг блондин приблизился к ней и жарко прошептал на ушко, касаясь того губами:

- Я рассчитываю отныне видеть вас в своей спальне так часто, как мы оба этого захотим.

Зина отшатнулась от красавца и возмущенно выпалила:

- Не знаю, за кого вы меня приняли, но вы ошиблись! Я - честная девушка!

Граф Даниятский - а в том, что это именно он, у Зины не осталось сомнений - рассмеялся, как будто улышал хорошую шутку.

- Дорогая моя, когда вы были девушкой, я только учился держаться в седле!

Зина же к этому времени взяла себя в руки и попыталась отшить графа:

- Невежливо напоминать леди о возрасте, милорд. Простите, но, кажется, я вижу знакомых.

С этими словами Зина обошла мужчину и направилась в толпу гостей. Разумеется, никаких знакомых она там не увидела - да и откуда бы им взяться, она же не Эжения - но понадеялась, что граф отвяжется и не пойдёт за ней. Так и вышло: красавчик лишь рассмеялся ей вслед, но что-то подсказывало Зине, что он так просто не оставит её в покое.

Увы, её тактическое отступление привело к тому, что Зину заметила какая-то рыжеволосая леди в красном платье, которая подхватила девушку под локоть и поволокла её куда-то, при этом тараторя:

- О, дорогая, ты всё-таки решила пойти! Какой мужественный поступок с твоей стороны. Мы ждали, что ты подашь весточку - и готовы были проигнорировать этот бал вместе с тобой, но ты молчала... Так что мы здесь. Хотя наша Клодия всё равно бы пошла -

баронессе не с руки идти против герцога, ты же понимаешь... Но мы с Мари тебя бы непременно поддержали.

Пока женщина - а подхватившая её под руку была скорее женщиной лет тридцати, чем юной девушкой - продолжала свой монолог, в голове у Зины в усиленном режиме крутились шестерёнки. Мари... Клодия... Неужели она попала в лапы закадычных подружек Эжени? Похоже, что так.

- Леди, смотрите, кого я вам привела! - жизнерадостно воскликнула рыжая, подводя Эжению к группе из двух молодых женщин. Обе брюнетки, но, если одна выглядит старше и уверенней, то другая кажется её бледной робкой тенью. Выходит, одна из них - Мари ле Фондани, графиня Канопорская, вторая - баронесса Клодия Шарде, а притащившая её сюда леди, методом исключения, является маркизой Лилиан де Бокенфорт? Но как понять, кто из брюнеток кто? Логичнее было бы предположить, что более робкая - это баронесса, как обладательница наименее значительного титула в их компании, но Зина не спешила с выводами. Характер от титула не всегда зависит.

- Приветствую вас, леди, - кивнула Зина обеим брюнеткам сразу, выбрав наиболее общую форму приветствия, чтобы не произносить имён, в которых до конца не была уверена. В ответ та из брюнеток, что покрупнее и держится более высокомерно, кивнула в ответ, а более худенькая и робкая - едва уловимо присела, скорее обозначив реверанс, чем действительно его сделав. Выходит, Зина оказалась права в своём изначальном предположении: робкая - это баронесса. Только ей из присутствующих по титулу полагается приветствовать графиню подобным образом. Как же хорошо, что Зина не теряла времени даром и изучила брошюрку по этикету. Самой ей проще - реверанс она должна делать только перед герцогом или королём. Есть плюсы в высоком титуле, как ни крути.

Глава 6

Стоя в кругу закадычных подруг Эжени, Зина искала и не находила повода, чтобы сбежать. За время их общения, леди перемыслили косточки всем аристократам, попавшим в поле их зрения. И, хотя для Зины было полезно узнать об окружающих её людях, она сомневалась,

есть ли в тех сведениях, которыми снабдили её "подруги", хоть доля правды. Не потому, что леди сознательно стремились ввести её в заблуждение - а потому, что сами этим заблуждениям с удовольствием верили. Ну не могла Зина принять за истину информацию о том, что маркиза Сусанна ле Потер - почтенная матрона шестидесяти с лишним лет и весом за сотню килограмм, имеет пятерых любовников - и это при том, что она замужем, есть дети и даже внуки. Причем любовники не из простого народа - а сплошь аристократы, поговаривают даже, что сам герцог Ланттарский в её постели отметился.

Зина на это лишь закатила глаза: чего только люди от скуки не придумают. Лилиан заметила этот жест, но поняла его по-своему:

- Ой, прости, - затараторила она, делая притворно-сочувствующее лицо, - нам не стоило упоминать герцога. Но всё-таки, Эжени, что ты теперь будешь делать? Станешь бороться за Кастлера?

- Нет, Лили, - Зина уже поняла, что между собой женщины общаются без лишних формальностей - и сама стала этому следовать. - Герцог сделал свой выбор, о какой еще борьбе может идти речь?

Лица сплетниц вытянулись. Зина мысленно себе дала себе подзатыльник, осознав, что, видимо, Эжени рассказывала о своих коварных завоевательских планах подругам. И почему она не читала книгу более внимательно? Так нет же, Зину интересовали, в первую очередь, отношения главных героев, а второстепенные моменты она просто пролистывала - так хотела пораньше закончить читать, чтобы успеть выспаться. Выспалась.

- Я знаю, в чем причина такой резкой перемены планов Эжени, - хитрым тоном начала Мари, - она решила обратить свой взор на другого герцога.

- Но как же? - удивилась Клодия. - Ведь у нас всего трое свободных герцогов: один - это герцог Ланттарский, а два других...

Мари в ответ ехидно захихикала, а к ней присоединилась Лилиан. Зина же сохраняла невозмутимый вид, хотя ей было интересно, чем вызвана такая реакция сплетниц.

- В самом деле, Эжени, - проговорила Лили с издевательской ухмылкой, - почему бы тебе не обратить внимание на герцога Таргионского? Он весьма хорош собой - жаль, проживёт недолго. Впрочем, тебе ведь не привыкать? Твой первый муж был ненамного моложе, если не ошибаюсь.

Зина проследила за взглядом Лилиан и увидела седого и сморщенного старичка, который сидел в окружении пожилых дам на специально расставленных для этой цели по периметру зала стульях. Это и есть герцог Таргионский?

Зина только головой покачала: вот тебе и подруги. Разве будут стараться настоящие подруги ужалить побольнее, как это сейчас сделала Лилиан? Это Зине без разницы, что она там говорит про замужество Эжени, которое никак нельзя назвать счастливым, а самой Эжени наверняка было бы больно и неприятно подобное напоминание. Как и намёк, просквозивший в словах "подруги".

- Или, может, - подхватила Мари, - ты заинтересовалась мрачным и нелюдимым герцогом Монтеберским? Что с того, что на лицо урод, и ходит с трудом? Зато богат, да и герцогский титул, опять же.

Зина снова проследила за взглядом - на этот раз Мари - и увидела темноволосого мужчину среднего роста и возраста, который стоял в одиночестве, небрежно прислонившись к колонне. Даже издали было заметно, что всю левую сторону его лица пересекает ужасный багровый рубец с рваными краями. Зина содрогнулась при мысли о том, в результате какого несчастного случая мог появиться такой шрам.

Её дрожь не укрылась от собеседниц, и те довольно заулыбались.

- Что ты такое говоришь, Мари! - в притворном ужасе воскликнула Лилиан. - Ты ведь знаешь, что герцог Монтеберский убил свою первую жену! Говорят, это она оставила ему эту жуткую отметку на лице - бедняжка отчаянно сопротивлялась...

- А я слышала, будто он пытался спасти её, но не смог и сам при этом пострадал, - робко вклинилась Клодия в разговор.

- Не говори глупости, Кло! - одёрнула её Лили. - Это всё сказки для наивных простачков - надо же как-то оправдать, почему герцог до сих пор на свободе. А правда в том, что он просто оказывает королю какие-то важные услуги - вот тот его и не трогает...

Последние слова Лилиан произнесла, сильно понизив голос и оглядываясь по сторонам. Сплетни сплетнями, но про короля такие вещи вслух лучше не произносить.

Зина вновь взглянула на герцога Монтеберского, пытаясь угадать, какая из двух озвученных версий ближе к истине. Скорее всего, никакая - едва ли кто-то из посторонних знает правду о том, что

произошло в семье герцога и с ним самим. В этот момент герцог, словно почувствовав, что на него смотрят, поднял глаза - и встретился взглядом с Зиной. Девушка смутилась, поняв, что мужчина застукал её за разглядыванием его шрама - и поспешила отвести взгляд, понимая, что такое поведение с её стороны может быть неприятно мужчине. Ей внезапно стало очень стыдно за то, что она стоит тут и слушает сплетни об окружающих людях - пусть даже сама ничего плохого ни о ком не говорит, но раз стоит и слушает - значит, поощряет. Бросив ещё один взгляд на герцога, она не увидела на его лице недовольства - лишь кривую усмешку. Должно быть, мужчина уже привык к повышенному вниманию, которое вызывает его лицо.

Зина уже решила сказать, что ей надо отойти в дамскую комнату - и сбежать таким образом от милейшего общества гадюк, но тут разговоры смолкли, а в центре зала появились виновники сегодняшнего торжества - герцог Ланттарский со своей невестой, графиней Траутской. Милена была одета именно так, как описывалось в романе: её платье казалось, было отлито из чистого золота, что на смуглой коже графини смотрелось просто великолепно. Её чёрные кудри были распущены в этот вечер - такова традиция для тех, кто становится невестами, а глаза, хоть Зина их и не видела, но знала, что они должны быть "цвета клейкого зеленого листочка, только появившегося после суровой зимы". Она даже наизвусть запомнила эту строчку, так ей понравилось сравнение. Правда, Зина не могла представить себе, что глаза могут быть такого цвета, но это было так красиво и поэтично описано, что на такие мелочи она решила не обращать внимания. Сейчас же ей было интересно поглядеть поблизи на цвет глаз главной героини.

В остальном Милена полностью соответствовала описанному в книге образу: невысокая, очень женственная фигурка, рядом с массивным темноволосым герцогом она смотрелась ещё более хрупкой, чем была на самом деле.

"Какая красивая пара!" - восхищенно подумала Зина, даже порадовавшись в тот момент тому, что попала в роман и смогла увидеть главных героев своими глазами. Не каждому читателю удаётся увидеть такую визуализацию героев!

Но тут взгляд главной героини обратился прямо на неё - и всё очарование как ветром сдуло. Милена смотрела на Зину настороженно и с изрядной долей презрения.

"Донесли уже!" - мысленно вздохнула Зина, понимая, что дружбы у неё с главной героиней, скорее всего, не получится. Какая девушка в своём уме станет дружить с любовницей мужа, пусть даже бывшей? Нет, наверное, найдутся и такие, но вряд ли главная героиня к ним относится. Да и самой Зине лучше держаться от неё и от её мужа подальше - во избежание, так сказать.

Тем временем герцог представил свою невесту, объявил о помолвке, а также открыл бал танцем с будущей герцогиней. После чего бал начался уже для всех, её собеседницы оживились, а сама Зина стала потихоньку пятиться в направлении столиков с закуской. Если она возьмёт в руки бокал с соком или тарталетку, едва ли кто-то её в этот момент станет приглашать. Потанцевать, конечно, хотелось, но опозориться при этом - не очень.

Отступая спиной, Зина случайно на кого-то наткнулась - и тут же почувствовала чьи-то руки на своей талии. Обернувшись, встретила взглядом с серыми глазами наглого блондина.

- Графиня! Какая удача - и сама плывёт мне в руки! - Пошутил граф Даниятский. - Позвольте пригласить вас на танец.

Зина хотела отказаться, но граф, фактически, не оставил ей выбора, выведя на середину зала и не убирая руки с её талии.

Зазвучала музыка, и Зина, до этого момента переживавшая, что своим неумением танцевать выдаст себя, поняла, что танец даётся ей на удивление легко. Тело словно само знало, что надо делать, а граф оказался превосходным танцором, и вёл вполне уверенно. Впрочем, Зина не сомневалась, что граф делал превосходно всё, что так или иначе связано с соблазнением женщин. Танцы определенно входили в этот список.

Расслабившись, Зина стала получать настоящее удовольствие от танца - даже не смотря на то, что красавчик граф не просто держал её за талию, но и легонько поглаживал, очевидно провоцируя. Об этом говорила его коварная ухмылка и внимательный взгляд, которым тот следил за реакцией девушки. Зина же не обращала внимания на графа - она просто наслаждалась: танцем, движением, тем, как закручивается вокруг ног её юбка, повторяя с запозданием движения тела. Вот теперь

она - точно Золушка, жаль только, что "принц" не замуж её хочет, а просто хочет. И не её даже, а тело, в котором она оказалась.

Поглядев на блондина, Зина ослепительно ему улыбнулась, благодарная за этот танец. Молодой человек как-то сразу расслабился и усмехнулся в ответ. А то до этого он странно её рассматривал, словно сомневаясь, тот ли перед ним человек. Но сейчас Зине, видимо, удалось усыпить его бдительность.

- Благодарю за танец, графиня, - с легким поклоном, граф поцеловал её руку. - Так я могу рассчитывать на ваш положительный ответ?

- Я бы не хотела говорить об этом сейчас, - уклончиво ответила Зина, не представляя, как ей всё-таки избавиться от настойчивого внимания графа. Любовницей его она точно не собиралась становиться - и вообще, образ жизни Эжении ей был совершенно не по душе. Вероятно, надо что-то делать для исправления её репутации. Или не надо? Сегодняшний вечер наглядно показал Зине, что сплетни всё равно будут - так стоит ли стараться?

- Что же, я буду ждать вашего решения, графиня, - снова поклонился блондин, и неожиданно подмигнул ей, добавив, - но не слишком долго.

Зина невольно рассмеялась: вот прохвост! Пожалуй, с ним было бы интересно общаться, если бы он оставил свои смущающие девушку поползновения в её сторону - уж с ним общаться всяко веселее, чем с гадюками, то есть, "подругами".

Глава 7

После танца с графом Даниятским, Зину еще несколько раз пытались пригласить, но девушка отказывалась, поскольку не была уверена в танцевальных навыках предполагаемых партнёров. Это с графом у неё всё получилось, а если остальные пригласившие совсем неважно танцуют? Словом, девушка всё-таки продолжила свой маршрут по направлению к закускам - тем более, что на нервной почве ей на самом деле захотелось есть.

Зина уже успела увидеть, как кушают леди: двумя пальчиками берут тарталетку и откусывают от неё понемногу, хотя сама Зина

сунула бы её в рот целиком - что там откусывать-то, когда та по размеру на один укус? Но этикет есть этикет, приходится соответствовать.

Так что стояла она, точила потихоньку тарталетки одну за другой, никого не трогала. Как вдруг увидела надвигающуюся на неё катастрофу в лице главной героини.

В романе эта сцена была несколько иной - там Эжения сама искала возможности поговорить с главной героиней с глазу на глаз, а потому Зина решила, что если не будет проявлять инициативу, то и разговора никакого не состоится. Но, судя по решительному виду Милены Севаньон, разговора избежать не удастся. Ну, хоть того, что должно последовать дальше, не случится: по книге во время этого разговора, Эжения специально подставит девушке ножку, та споткнется, для удержания равновесия ухватится за скатерть стола, и опрокинет на себя блюдо с пирожными.

И тут происходит невероятное: Милена всё-таки спотыкается, начинает падать, хватается за скатерть - и пирожные приземляются ей на голову, стекая кремом по лицу и одежде. Миг - и Милена, вся заляпанная кремом, орешками и джемом, сидит на полу, хлопая глазами, которые оказались тёмно-зелёными, как бутылочное стекло - сравнение не самое поэтичное, но зато самое удачное и близкое. "Вот кому бы подошли изумруды" - возникла в голове у Зины несколько неуместная в данной ситуации мысль.

Однако другие мысли отказывались приходить: Зина просто не могла понять, как так получилось? Она ведь ничего не делала, не ставила подножку. Почему главная героиня упала? Неужели... сюжет не изменить? И, что бы Зина не делала, а финал всё равно будет один? От этой мысли Зину пробрала дрожь. Впрочем, она подумает об этом позже, а сейчас надо помочь Милене, которая затравленно озирается на хихикающих и перешептывающихся гостей, даже не пытаясь при этом подняться. Нет, вот ведь какие гады! Ни один не попытался помочь, хотя открыто смеяться над будущей герцогиней тоже никто не решился, но и их тихих смешков было вполне достаточно.

Зина шагнула к графине Траутской, протягивая той руку, и тут...

- Что здесь происходит?! - буквально над ухом раздался рык, от которого Зина подпрыгнула и развернулась на месте, как была - с вытянутой рукой. Узрев перед собой герцога Ланттарского, Зина

поспешно опустила руку - поскольку это выглядело, будто она собиралась обменяться с герцогом рукопожатием.

- Эжжже-эния! - прорычал герцог её имя, сверля девушку гневным взглядом. - В чём дело?

- Ни в чём, милорд, - спокойно ответила Зина, придя в себя, и в спешном порядке изобразив реверанс. - Графиня оступилась, и я хотела ей помочь подняться.

Её слова нисколько не уменьшили гнева в глазах герцога, но к гневу добавилась подозрительность. Герцог так и застыл, сверля её взглядом, а в Зине с каждым мгновением росло недоумение.

- Милорд? - Не выдержала девушка. - Вы не собираетесь помочь своей невесте?

Кастлер Оделл словно опомнился, бросил на Зину еще один испепеляющий взгляд - и обратил, наконец, внимание на будущую герцогиню, которая так и продолжала сидеть на полу. Сделав шаг к Милене, герцог протянул ей руку:

- Миледи, - проговорил он, и та ухватилась за протянутую ладонь, - вы сильно пострадали?

- Нет, это пустяки, милорд, - дрожащим голосом проговорила девушка, поднимаясь и кидая ненавидящий взгляд в сторону Зины.

"Не поняла? - захотелось завопить той. - Что я ей сделала-то, что презрение сменилось ненавистью? Я ведь далеко стояла, она должна понимать, что это не я ей подставила ножку!"

Кстати, вот вопрос - кто это сделал? Зина обвела взглядом зал, увидела своих "подруженок", который стояли с довольными улыбками - их, видимо, радовали любые нерястности, происходящие с другими людьми. Увидела и остальных, с кем успела познакомиться сегодня - очно или заочно. Все стояли полукругом, освободив место происшествия, и сказать, кто именно толкнул графиню - не представлялось возможным. Она могла даже сама запнуться - ведь смотрела на Зину, а не себе под ноги, когда шла. Впрочем, последнее маловероятно: споткнуться на ровном полу бального зала - это надо сильно постараться.

Из романа Зина знала, что против кандидатуры Милены Севаньон в герцогини были многие столичные аристократы. Ведь Миленка - приезжая, даже её смуглая кожа и слишком тёмный цвет волос отличали девушку от местных аристократок, которые мазались

различными кремами и носили широкополые шляпы, чтобы избежать загара. Брюнетки тут были, но их цвет волос был не слишком тёмным. Черноволосых же не было вовсе.

Но и это еще не все: главная причина всеобщего недовольства - это то, что герцог пренебрег местными леди, привезя графиню из провинции. Тот факт, что графиня - юная невинная девушка, а на местных леди пробы ставить негде, аристократией не учитывался. Тем более, что во времена своей бурной молодости герцог лично "опробовал" практически каждую из присутствующих аристократок, так что мог бы и выбрать одну из них. А ему, видите ли, чистоты и невинности захотелось! О том, что герцог был связан договором помолвки, из высшего света практически никто не знал, а те, кто знали - особо не распространялись. Самому же герцогу жена была не нужна - ни невинная, ни "виновная". Это потом, узнав свою будущую супругу получше, герцог проникнется к ней чувствами, а пока что его волновали только его статус и репутация - именно поэтому он злился, что его будущая жена подверглась такому унижению, а на чувства самой девушки ему было плевать.

Зина всё это знала из романа, но всё равно не могла понять, почему герцог первым делом не бросился к невесте. Похоже, он ещё больший чурбан, чем ей казалось. Такой вообще никакой жены не заслуживает: и Милена, и Эжения - обе слишком хороши для него.

Уведя свою жену, герцог Ланттарский практически сразу вернулся в зал - и это тоже не добавило ему очков в глазах Зины. Она понимала, что он не может бросить гостей совсем - в конце концов, это его гости - но он мог бы задержаться, утешить девушку, на которую и так столько всего навалилось. Узнать по достижении совершеннолетия, что ей предстоит выйти замуж за незнакомого человека - уже само по себе является шоком. А то, что этот человек даже не пытается наладить отношения - угнетает ещё больше. Еще и это унижительное падение!.. Неужели герцог настолько чужд любых проявлений эмпатии?

Покачав головой, Зина отбросила всякие мысли о Каствере Оделле, чувствуя, что разочаровывается в главном герое. В книге переход от холодности к влюбленности и нежности был описан так постепенно, так плавно, что вопросов не возникло. Но сейчас, глядя на

герцога, Зина думала о том, что люди не меняются в такие короткие сроки. Ведь до свадьбы осталось меньше трёх месяцев - и к этому моменту у героев должна уже появиться взаимная симпатия. Даже на самой неплодородной почве растут растения - но тут почвы нет, сплошной лёд. Откуда же вырасти чувствам?

Однако куда больше отношений героев, Зину волновало её собственное будущее. В монастырь не хотелось категорически. Но, если события книги идут так, как должны - вне зависимости от действий самой Зины, то есть риск, что это - её реальное будущее. Ведь в книге говорилось, что против Эжени не было прямых улик, что не позволило судить её по закону, а потому её просто сослали в монастырь. А если прямых улик не было, девушку вполне могли подставить - недоброжелателей у Милены хватает, как, впрочем, и у герцога. Да и у самой Эжени они наверняка имеются. Те же сыновья графа Синопского, вдовой которого она была. Да и мало ли еще кто - завистливые подруги, отвергнутые поклонники.

В общем, обвинить в попытке покушения на жену герцога его бывшую любовницу - самый очевидный вариант. Мотив у неё имеется, а остальное уже мало кого волнует. Вывод: Зине надо сделать так, чтобы всем стало очевидно, что никакого мотива вредить герцогине у неё нет. А вот как это сделать - вопрос, над которым предстоит подумать. Можно, конечно, еще попытаться предотвратить покушение на герцогиню Ланттарскую, но Зина опасалась, что тем самым сделает только хуже. В книге Эжени, сделав подножку Милене, не пыталась помочь ей подняться, а просто отошла в сторонку вместе со всеми. В итоге, никто её не подозревал, кроме самой Милены. А в этот раз она оказалась в кругу рядом с Миленой - и, естественно, у герцога возникли подозрения. Наверняка и остальные гости, кто не видел, что именно произошло, а видел только результат, подумали, что это бывшая любовница специально унизила будущую жену.

Таким образом, пытаясь избежать событий в книге, Зина сделала себе только хуже. Теперь все точно поверят обвинениям против неё. Значит, нужно не просто избегать событий сюжета, а сделать нечто такое, что никак в него не сможет вписаться. Что-то такое, что сделает невозможным даже саму мысль, будто покушение на герцогиню могла заказать Эжени.

От невеселых мыслей её отвлек граф Даниятский, который вновь подошёл пригласить её на танец. И Зина с радостью согласилась, ухватившись за возможность отвлечься и прогнать дурное настроение. Граф на этот раз не предпринимал никаких попыток к соблазнению, а был на удивление мил, обходителен и весел. После танца он отвёл девушку на место, но не покинул её, а продолжил развлекать разными смешными историями из жизни. Зина хохотала так, что забывала порой, где находится - и лишь недовольные взгляды прочих аристократов, обращенные на них, заставляли девушку вспомнить о приличиях.

"Вот может же быть милым, если захочет, - думала Зина, слушая очередной рассказ графа и любясь его очаровательной улыбкой, создающей ямочки на щеках. - Вот кто чутко чувствует настроение окружающих и пытается им помочь. Жаль, что бабник, а так - отличный парень. Не чета Кастлеру Оделлу."

Когда графа окликнули его друзья, и тот, извинившись, оставил Зину, она решила, что с неё на сегодня хватит. И так её визит на бал должен был быть намного короче - но всё пошло не по плану.

Решив так, Зина направилась к выходу. Прощаться она ни с кем ни стала - по этикету это не обязательно, а желания видеть кого-либо у неё самой не было. Выйдя в холл, девушка направилась к дверям, но тут её окликнул знакомый властный голос:

- Эжения!

Обернувшись, Зина устало взглянула в глаза герцогу Ланттарскому. Ну, чего ему еще от неё надо?!

- Да, милорд? - вымученно улыбнулась девушка, мечтая только о том, чтобы побыстрее свалить домой. Приседать в реверансах перед герцогом она не стала - виделись уже, в этом случае повторного реверанса не требуется. Брошюрка по этикету всё же сильно выручила Зину - без неё, она бы просто не знала, как себя вести.

- Что это было, расскажешь? - сузив глаза, обманчиво спокойно спросил герцог. Выдавали его гневные искорки в глазах.

"Ну, началось!" - подумала Зина. Сейчас герцог начнёт её пытаться на тему, чего она добивается, унижая его будущую супругу - и всё в таком роде. И ведь не объяснишь ничего - всё равно не поверит.

- Не понимаю, о чём вы, милорд, - тем не менее, ответила Зина. Однако герцог начал говорить что-то совсем странное.

- Не понимаешь?! - Рыкнул Кастлер Оделл. - Не ожидал от тебя такого легкомыслия! Зачем он тебе, Эжени? Ты ведь знаешь его репутацию - ни одной юбки не пропускает. Еще не хватало тебе что-нибудь подхватить от него...

При этих словах герцог брезгливо сморщился, а Зина поняла, что ничего не поняла. Ясно только то, что герцог говорит не про свою будущую жену. А про кого тогда?

Зина впервые видела герцога так близко - в то утро, когда она оказалась в этом мире и, одновременно, в спальне герцога, она была слишком озадачена, хотя это и не помешало ей оценить его мужскую красоту. Сейчас же она впервые могла детально рассмотреть его лицо: упрямый подбородок, чувственные губы, крупный, немного мясистый нос, тёмные густые брови, нависающие над переносицей, будто крылья хищной птицы, а под бровями - пронзительные, гневные карие глаза. Довершали образ широкие скулы и короткие пряди тёмных волос, падающие герцогу на лоб в художественном беспорядке. "Такая прическа герцогу очень идёт," - как-то машинально отметила Зина.

- Эжениа, граф Даниятский - не лучший кандидат в любовники! - подвёл итог своей странной речи герцог, чем расставил, наконец-то, всё на свои места. Правда, Зина от этого потеряла дар речи. Так это он про Даниятского говорил? Должно быть, видел, как они с Эженией мило беседовали и как она смеялась. Но, какое, спрашивается, герцогу до этого дело?!

- Простите, милорд, но почему вас это беспокоит? - прямо задала Зина вопрос, ответ на который не могла найти.

- Я... - начал было герцог, но потом запнулся. - Я просто волнуюсь за тебя, Эжени. Всё-таки, не чужие люди. Не хочу, чтобы твоя репутация пострадала.

- Пострадала сильнее, чем сейчас? - Зине стало весело. - Что ж, пожалуй, я прислушаюсь к вашим словам, милорд.

Тот, довольно кивнув, развернулся, чтобы уйти, но Зина добавила:

- Возможно, вы, на правах старого знакомого, тогда порекомендуете мне кандидатуру получше? Раз уж граф Даниятский вас не устроил?

Герцог скрипнул зубами и снова обернулся к ней.

- Я полагаюсь на ваш вкус и ваше благоразумие, графиня, - сквозь зубы ответил он, и, развернувшись, размашистым шагом направился обратно в бальную залу.

Зина лишь головой покачала. Ну и ну! Что это вообще такое было? Вместо того, чтобы утешать свою невесту, или пытаться выяснить, кто её толкнул - герцог принимает участие в выборе следующего любовника для своей бывшей. И пусть сама Зина не собиралась заводить вообще никаких любовников, ситуация показалась ей до смешного абсурдной.

Забравшись при помощи Блеза в нанятую карету, Зина откинулась на спинку сиденья и порадовалась, что этот безумный день наконец-то закончился. Впереди горячая ванна и сон!

Глава 8

Зина бежала со всех ног, но понимала, что не успевает. Она видела, что внимание Милены приковано только к очаровательным ребятишкам из приюта, которых она приехала навестить. Позади неё служанка доставала из кареты корзину со сладостями и игрушками, а Милена спешила к детям, не замечая, как прямо на неё несётся всадник с лицом, замотанным черным платком.

- Милена! - крикнула девушка в отчаянии, понимая, что не успевает спасти главную героиню, и надеясь, что сможет хоть криком дать ей понять о приближающейся опасности.

Милена услышала, затормозила и посмотрела в её сторону.

- Беги! - из последних сил, задыхаясь, крикнула ей Зина. - Сзади!

Милена начала повочариваться, но медленно, слишком медленно. Секунды, на которые она отвлеклась, услышав крик Зины, стали для неё роковыми: всадник затоптал несчастную девушку прямо на глазах у детей - и поспешил скрыться. Выжить после такого было нереально: Зина своими глазами видела, как копыто лошади опустилось на кудрявую головку главной героини.

Дрожа, Зина опустилась в пыль, в ужасе прижимая руку ко рту. Что же она наделала? Хотела помочь, а в итоге убила главную героиню! По книге ведь та не должна была умереть! Если бы Зина её не отвлекла своими криками - та вовремя бы заметила опасность и

отскочила. Ведь стук копыт невозможно не услышать! По книге преступник лишь задел её по касательной!.. Она выжила и даже не потеряла ребёнка. А теперь Зина виновата в гибели двух ни в чем не повинных существ...

Откуда ни возьмись появились мужчины в форме королевской полиции. Тело герцогини накрыли простыней, часть мужчин опрашивала находящуюся в шоке служанку, часть - персонал детского приюта. Двоё подошли к Зине, подхватили её под руки, заставляя встать, и один из них чеканным голосом проговорил:

- Графиня, вы арестованы по обвинению в убийстве герцогини Ланттарской. Свидетели в один голос утверждают, что это вы помешали ей спастись. Более того, есть улики, указывающие, что это вы наняли убийцу. Вам грозит лишение титула и смертная казнь. Пройдёмте.

Зина покорно плелась за представителями закона. Смертная казнь. Не монастырь. Правильно, она заслужила. Она убийца. Последнее, что видела Зина в своей жизни - это палач, опускающий топор на её покорно склонённую голову...

Зина в ужасе открыла глаза, села, пытаясь отдышаться и огляделась вокруг. Немного успокоилась, осознав, что находится в спальне - к сожалению, не в своей собственной, а в спальне Эжени. Но, к счастью, смерть главной героини, её неродившегося ребёнка и собственная казнь - всё это ей только приснилось.

Интересно, это подсознание вытацило её собственные страхи наружу - или же это на самом деле вещей сон? Кто-то или что-то - возможно, сам мир или же автор книги - таким образом сообщает Зине, что её вмешательство в сюжет приведёт к катастрофе. Возможно такое? Раньше Зина сказала бы, что невозможно. Но после попадания в мир книги, Зина готова была поверить даже в зелёных человечков, вооружённых людей на опыты, чего уж говорить про вещие сны.

Придётся принять за рабочий вариант то, что автор не хочет, чтобы Зина вмешивалась в сюжет и пыталась спасти главную героиню. И он чётко дал понять Зине, что такая попытка приведёт к обратному результату. Даже если Зина всё надумала, и ничего такого не произойдёт - проверять страшно.

Милена по книге выживет в любом случае - значит, смысла особого спасать её нет: серьёзно она не пострадает. А вот в случае

вмешательства Зины - может произойти всё, что угодно. И не факт, что события сложатся наилучшим образом - тут и снов вещей не надо, чтобы это понять.

Что же это значит? Что Зине надо смириться с ролью злобной бывшей любовницы и покорно уехать в монастырь, когда придёт срок? Ну, уж нет! Так и быть, Зина не будет вмешиваться в сюжет во всём, что касается главной героини и их истории любви с герцогом. Пусть всё идёт, как идёт - текст романа не пострадает. Но! Во всём этом есть одно "но": повествование в романе идёт от лица главной героини. А это значит, что сама Эжения появляется только в нескольких ключевых моментах, остальную жизнь этого персонажа читатели не видят! Эжения в романе - словно не живой человек, а чертик из табакерки, выскакивающий только тогда, когда надо сделать какую-то пакость. А своей собственной жизни у неё как будто и нет.

Именно поэтому Зина ничего не знает о том, что за человек была Эжения, с кем общалась, как звали её слуг... Кто её друзья и кто враги. Вся задача Эжении в тексте романа сводилась к тому, чтобы пакостить главной героине и строить против неё козни, а под конец - отправиться в монастырь в качестве получившего по заслугам зла. А то, что у остальных персонажей романа, помимо главных героев, тоже есть своя жизнь - так об этом упоминать не стоит, роман же не о них.

Что же это значит? А это значит, что Зина-Эжения может творить в свободное время всё, что душе угодно - важно лишь появляться в поле зрения героев в те же моменты, в которые это происходит по книге. Пакостить Зина не собиралась - да в этом и не было необходимости, как она поняла: это совершенно ни на что не влияет. Главная героиня всё равно получит свой набор пакостей - сюжет об этом позаботится.

А это значит, что в своей собственной жизни Зина всё-таки более-менее свободна. И это радует!

Следующие несколько дней Зина просидела в кабинете, читая книги, которые там хранились, и вникая в своё финансовое состояние, которое оставила ей настоящая Эжения - если та вообще когда-либо существовала. А то, возможно, мир романа ожил только потому, что Зина в него попала? Это как в компьютерной игре - те локации, в которых в данный момент игрока нет, не прогружены, и "оживают" только в момент появления в них игрока. Правда, если верить такой

теории, то все люди вокруг неё - не настоящие. А это несколько... пугает.

Нет, всё же Зина решила считать реальностью то, что с ней происходит. Она мыслит, осознаёт себя и окружающий мир, взаимодействует с ним. Если это - не реальность, то, что тогда считать реальностью вообще?

Словом, Зина разбиралась в записях Эжени, занималась подсчётом финансов и пряталась от графа Даниятского.

Да-да, настойчивый граф буквально осаждал её дом, ежедневно отправляя девушке букеты, а то и приезжая сам. Зина предупредила всех слуг в доме, что для графа Даниятского её нет, а сама жалела, что не дала на балу решительный отказ. Если бы она знала, к чему это приведёт!.. В собственном доме прячется, как в осажденной крепости. Одна надежда - что графу рано или поздно надоест, и он поймёт, что ему тут не рады. Нет, Зина была бы не против общаться, дружить, но столь бесцеремонные попытки навязать девушке своё общество - откровенно раздражали, особенно, учитывая, с какой целью они предпринимались. Если бы мужчина с таким рвением добивался её руки - она бы, пожалуй, не восприняла это в штыки. И уж точно дала бы шанс им узнать друг друга получше. Но ничьей любовницей она быть не собиралась - ни в своём мире, ни в этом. Зачем ей бесперспективные отношения? Ей любовь нужна, чувства, свадьба, дети. Семья, одним словом. Зачем ей чужие посторонние мужчины? Зачем те нужны были Эжени, Зина уже поняла. Проведя ревизию всех имеющихся средств, оценив доходы и расходы, девушка пришла к неутешительному выводу: денег им хватит всего на несколько месяцев. Если не найти источник дохода, графиня Эжениа де Лавиньяк отправится по миру. Если раньше её в монастырь не упрячут или вообще не казнят. Мда...

Но Зина по жизни была оптимисткой, а потому привыкла не сидеть и переживать из-за проблемы, а искать способы её решения. Нет денег и не готова быть чьей-то любовницей на содержании? Выход один - деньги нужно заработать. А что умеет Зина лучше всего? Стричь, заплетать, красить, завивать. Сколько себя помнит, Зина мечтала открыть свой парикмахерский салон, даже деньги откладывала на эту цель. Но копить ей таким образом лет десять надо

было, не меньше. А тут - помещение есть, деньги - пока что тоже есть. Считай, все условия. А для начала неплохо бы разведать обстановку.

Тем же вечером, перед сном, когда служанка расплетала ей косу на ночь, Зина аккуратно поинтересовалась:

- Мила, а кто тебя научил делать такие красивые причёски?

- Мама, миледи.

- А кто у тебя мама по профессии?

- Так горничная, Ваше Сиятельство. Она работает у маркизы ле Потер.

- А бабушка?

- Бабушка тоже была горничной и работала у Маркизы ле Потер, но сейчас стала слишком старая и живёт в деревне. У неё своё хозяйство небольшое. Десяток кур, корова, пара свиней...

- Так-так, отлично, - перебила её Зина, не желая слушать о том, какое хозяйство у бабушки Милы. - И что, все в твоей семье были горничными?

Прямо династия горничных какая-то!

- Все женщины, миледи. Мужчины по-разному: отец конюхом был, дед - лесорубом...

- Хорошо-хорошо, - снова перебила разговорчивую девушку Зина, и вернулась к тому, что интересовало её, - значит, тебя научила мама делать причёски, а её - твоя бабушка и так далее, да?

- Да, миледи?

- И что, все горничные умеют так? - спросила Зина.

- Конечно, - недоуменно ответила Мила, - иначе кто её, неумеху, возьмёт на работу?

- То есть, всем леди делают причёски горничные?

- Ну, да.

- А если леди не хочет такие причёски, которые делает её горничная? Что тогда?

- Тогда леди меняет горничную, - пожала плечами Мила, расчёсывая волосы Зины. Внезапно Мила напрыглась:

- А почему вы спрашиваете, миледи? Я... Вы... Вы хотите меня уволить? Вам не нравится, как я вас заплетаю?

Казалось, девушка вот-вот расплечется, и Зине пришлось её успокоить, заверив, что выгонять она никого не собирается. По

крайней мере, пока есть чем платить зарплату слугам - но это Зина вслух не сказала.

- Значит, в городе нет такого места, куда бы леди могла прийти и сделать прическу? А как же простые дамы. не аристократки?

- Те, кто побогаче - тем тоже горничные делают, а остальные к цирюльнику ходят или сами справляются, - охотно ответила девушка, убедившись, что никто её не увольняет.

- Ага! - обрадовалась Зина. - Значит, цирюльни тут есть?

- Есть, конечно, как не быть? Только благородным леди, вроде вас, там делать нечего. Там и стригутся-то в основном мужчины - матросы, обросшие за время плавания, шахтёры, вернувшиеся с вахты, простые горожане. Девушки всё же либо сами за волосами ухаживают, либо просят помочь маму, сестру, подругу. Я вот сама заплетаюсь, а на праздники мы с Данкой помогаем друг другу сделать красивые прически.

Так, а вот это уже не слишком хорошая новость для Зины. С одной стороны - никакой конкуренции, а с другой - услуга-то, как таковая, и не нужна. Зина успела на балу оценить прически знатных леди: там были и завитушки, и разного вида косы, и сложные "многоэтажные" прически, какие они с девочками в салоне обычно на свадьбу делали или на выпускной. Похоже, что горничные в этом мире - на все руки от скуки. То есть, не от скуки, конечно, а от желания иметь кусок хлеба на день грядущий.

Получается, Зине нужно что-то совершенно новое, что могло бы заинтересовать местных аристократических красоток. Что-то, чего в этом мире не делает больше никто. Но что? Модные современные стрижки точно не зайдут: леди явно предпочитают причёски, и чем сложнее - тем лучше. Зина не могла себе представить леди в пышном платье и со стрижкой "Боб". Даже простой каскад не впишется в реалии этого мира - распущенные волосы леди носят либо на помолвку, либо дома. Для прогулок волосы укладывают попроще, чем для приёмов, но всё равно укладывают.

Можно еще попробовать ввести в моду афрокосы и боксерские косы с канекалоном - их можно уложить в элегантные причёски - будет смотреться очень интересно. А еще плести брейды - на них можно будет цеплять афрокосы и сенегалки, а также, возможно, они придутся по вкусу мужчинам: многие из лордов носят довольно длинные

волосы, заплетая в обычную косу или просто убирая в хвост. Пара брейдов на висках добавят причёске шарма. Да те же локоны или объёмные косы можно крепить на брейды - это должно заинтересовать тех леди, кого природа не одарила густыми и длинными волосами. Этакая альтернатива парикам, при том, что парик может слететь, а локоны, закрепленные на брейды - точно не слетят.

Дреды тоже вряд ли найдут своих клиентов - слишком сильная будет ассоциация со спутанными и грязными волосами бродяг. Этот мир еще не настолько прогрессивен, чтобы носить рабочую форму простых работяг в качестве модной одежды, да еще дырки на коленках в ней протирать. Так что дреды тут тоже будут преждевременны.

В целом, идея с салоном и новыми причёсками показалась Зине довольно свежей - по-крайней мере, стоящей того, чтобы её обдумать. Весь вопрос в том, где в этом мире и в этом времени взять канекалон?

* Канекалон - искусственные синтетические волосы, весьма похожие на натуральные. Бывают как естественных оттенков, так и ярких, цветных.

* Брейды - тугие косички, заплетенные по голове. Брейды можно носить, как сами по себе, так и крепить к ним при помощи специального крючка пряди волос, локоны, африканские или сенегальские косы и т.д.

*Афрокосы, или африканские косички - причёска, состоящая из множества тонких тугих косичек, заплетенных с добавлением канекалона. Другой вариант плетения - когда на брейды при помощи специального крючка цепляют уже сплетенные косы из канекалона. В последнем случае косы можно снимать, хранить и, при желании, использовать повторно.

*Сенегалки, или сенегальские косички - причёска из тонких, туго скрученных по типу каната косичек. Их также можно крепить на брейды, снимать, а затем использовать повторно.

* Боксёрские косы - две объёмные французские косы, заплетенные по голове, с вплетением канекалона.

* Дреды или дредлоки - искусственно спутанные пряди волос.

Глава 9

Чем больше Зина думала, тем больше ей нравилась идея с собственным парикмахерским салоном. С утра она еще раз обошла дом, выбрав помещение на первом этаже, которое можно переоборудовать под салон. Сейчас это был своего рода склад ненужных вещей: тут была составлена старая и сломанная мебель, лежали какие-то тюки, рулоны старых штор и ковров. Зачем Эжения всё это складировала, Зина не знала, но преодолагала, что, будучи ограниченной в средствах, графиня периодически что-то оттуда продавала. Среди аристократов ведь тоже не все сплошь богачи: кому-то проще купить дешевый стол с отломанной ножкой и починить, чем выкладывать кучу денег за новый.

Зина решила перебрать весь этот хлам - вдруг там есть вполне нормальные вещи, которые можно оставить и использовать для оформления парикмахерского зала? Их она отложит, а остальное сдаст какому-нибудь старьевщику по оптовой цене. Горничные Мила и Дана - считай, готовые парикмахерши, их просто надо немного подучить, показав причёски, которые умеет делать Зина. В дальнейшем, можно еще нанять горничных, раз они все владеют в той или иной мере парикмахерским искусством.

Однако во всём её плане было одно большое "но": все услуги, за которыми современные Зине женщины ходили в салоны, в этом мире и в это время леди получали, не выходя из дома. Массаж, притирания, маникюр, педикюр, причёски и прочее - это всё умеют делать горничные. И любая женщина предпочтёт довериться уже проверенному специалисту, чем обратиться к человеку, мастерство которого ей неизвестно. Да и не в мастерстве дело, а в привычке и в удобстве - зачем выходить из дома, когда все услуги можно получить на дому от собственной горничной, к которой уже привыкла?

Даже если Зина придёт на бал в какой-то новой, не свойственной этому миру причёске - например с собранными в высокую элегантную причёску африканскими косами, то что помешает тем дамам, которые заинтересуются её причёской и захотят повторить, приказать своим

горничным сделать такую же? Разобраться и понять механику того, как делается то или иная причёска, для опытного мастера - не проблема.

Кроме того, даже пригласив к себе какую-то леди и пообещав, что её горничные сделают ей такую же причёску, как намекнуть, что это будет платная услуга?

Сначала она хотела сделать так, как сделала бы в своём мире: открыть на первом этаже своего дома салон, повесить вывеску, дать рекламу и ждать клиентов. Но, обсудив свою идею с мажордомом Карлом, поняла, что это - плохой вариант.

- Ваше Сиятельство, - медленно, подбирая слова, произнёс усач, - не поймите меня неправильно, но, будь вы вдовой или дочерью купца, торговца или ювелира, к примеру, - никто бы вам и слова не сказал. И дамы, вполне возможно, с удовольствием бы пользовались вашими услугами и рекомендовали бы их подругам... Но если этим займётесь вы - то вас подвергнут остракизму.

- Но за что? - удивленно спросила Зина. - Какая разница, кто заправляет салоном - купчиха или графиня? Разве не приятней для леди из высшего общества посещать салон, которым владеет такая же леди?

Мажордом смерил её странным взглядом, а затем пояснил:

- Это вызов обществу, леди. Вас съедят, вашему салону объявят бойкот - и ваше дело прогорит. Либо вам придётся обслуживать простых горожанок, что еще сильнее ударит по вашей репутации. Вас перестанут принимать в обществе. Высокородные леди не должны заниматься такими вещами.

Зина нахмурилась, поджав губы: значит, работать и иметь своё дело леди не может, а жить за счет подачек от любовников - вполне? Что за нравы!

Впрочем, в её время многие женщины тоже предпочитают жить именно так - просто самой Зине этот вариант не подходил. Она из простой рабочей семьи: отец-строитель погиб на стройке из-за несчастного случая, когда Зина пошла в первый класс, так что мать всю жизнь хваталась за любую работу - чтобы обеспечить дочке нормальное существование. Даже полы мыла в общественном туалете - а с шестнадцати лет и Зина мыла, после уроков - надо же было матери помочь. Но, видимо, работа наизнос подкосила мамин иммунитет - иначе как объяснить, что она сгорела за неделю от

банального воспаления лёгких? С двадцати лет Зина жила одна - и, по примеру родителей, не чуралась любой работы. Благодаря матери успела отучиться в парикмахерском колледже, который закончила с отличием, приобрела довольно денежную специальность. Конкуренция, конечно, большая, но и клиентов много - на жизнь хватало, и даже откладывать получалось. Зина просто не могла представить, что можно жить за чужой счёт, не работая. Одно дело, когда мать содержит ребёнка, так как тот еще маленький, либо, когда муж содержит жену и детей, потому как жена сидит с малышами и следит за домом - тут всё понятно. Но почему мужчины соглашаются содержать взрослых работоспособных женщин, которые им не жены и не родственницы - Зина понять не могла. И представить себя на месте такой женщины - тоже. Не в её это характере, не так её воспитали родители. Впрочем, и лезть со своими принципами к другим людям не торопилась - если всех всё устраивает, ей-то какое дело? Но, видимо, где-то глубоко в душе она осуждала такой образ жизни - за что, кажется, теперь и расплачивается, оказавшись в теле такой вот, осуждаемой всеми, женщины.

Затем Зина задумалась о перспективах. Может быть, и впрямь спровоцировать скандал в обществе? Пусть Зину изгонят, исключат из этого их высшего света - она едва ли об этом пожалеет, учитывая контингент. Ничего плохого в том, чтобы обслуживать незнатных горожанок, она не видела. Даже наоборот: у дочерей промышленников и предпринимателей, наверняка, финансовое состояние получше, чем у многих аристократов. От того, что её перестанут считать своей в серпентарии, расстраиваться она не станет: зато не придётся увольнять слуг и продавать дом, когда кончатся деньги. Единственное, что её беспокоит - это как такое решение скажется на сюжете?

С одной стороны, Эжениа перестанет вращаться в обществе - и спихнуть на неё покушение на герцогиню, будет сложнее. А с другой - её же могут окрестить сумасшедшей и спихнуть на неё не только это преступление, но и еще парочку нераскрытых дел. К тому же Зина просто обязана появиться на нескольких приёмах и балах, которые являются ключевыми для сюжета. После своего странного сна и собственных догадок, она не рискнёт вмешиваться в события романа.

Обдумывая всю эту ситуацию, Зина чувствовала, как у неё начинает болеть голова: так много и интенсивно она даже на экзаменах не думала. И, главное, всё в холостую - выхода из ситуации она не видела.

- И что же делать? - спросила Зина у мажордома. Для чего-то же он ей это всё рассказал - может, и выход какой-нибудь предложит?

- Вы можете предложить леди обмен, - помявшись, ответил Карл.

- Обмен?

- Именно. Вы одалживаете леди свою горничную, которая помогает той с причёской, а она вам дарит какое-нибудь понравившееся вам украшение. Исключительно в виде благодарности и симпатии к вам.

Зина в восхищении смотрела на своего мажордома: вот ведь интриган! Такую схему предложил, что и не подкопаться. И налоги платить не надо! Теперь остается только подумать над тем, как заманить леди в свой салон, и тем, как правильно намекнуть о вознаграждении.

Первое, о чем подумала Зина - это предложить нечто такое, чего не смогут воспроизвести горничные. Что-то, технологией чего будет владеть только Зина. У дам не останется выбора, кроме как прийти к ней. Тут-то Зина и подумала про канекалон. В это время синтетические ткани и волокна еще не изобрели, так что надо было найти какую-то близкую замену канекалона. Его можно ведь вплетать и в обычные причёски, добавляя тем объёма и цвета. Местные леди чего только не вплетают в свои причёски, так что цветным прядям должны обрадоваться, по идее. А вот технологию Зина раскрывать никому не станет. Хотя, не исключено, что, если сама Зина найдёт подходящий материал, то и другие люди со временем что-нибудь похожее подберут. Но хотя бы первое время к ней будут ходить, пока не разберутся. А потом, возможно, привыкнут?

Второй "заманухой" могли бы выступить сплетни. Зина уже поняла, что великосветских красавиц интересуют громкие новости и скандалы, связанные с жизнью других аристократов. И ради такой цели, Зина даже была готова предоставить им возможность посплетничать о ней самой. А что? Если пригласить сюда даму - под предлогом создания причёски, и намекнуть, что Зина готова рассказать кое-что о своих отношениях с герцогом Ланттарским, то дама не

просто придёт, а прибежит, теряя от любопытства туфли. А уж прибавить новую сплетню к той массе, что о ней и так уже гуляет - не такая уж высокая цена за финансовую стабильность и раскрутку салона. Лучше она будет продавать сплетни о себе, чем своё тело - ведь сплетни в этом случае всё равно идут в комплекте. Только надо быть осторожней, чтобы своими словами не задеть репутацию герцога и не настроить против него его невесту - иначе это уже вмешательство в сюжет будет. Можно, например, придумать себе нового любовника - и пустить соответствующий слух. Это может ей, кстати, в дальнейшем помочь: раз она так быстро переключилась на другого, значит, не сильно дорожила герцогом - и смысла мстить ему у неё не было, как и желать смерти его жене.

Кстати, граф Даниятский прямо просится на роль фиктивного любовника. Вот только одна проблема - сам он хочет быть не фиктивным, а настоящим.

Глава 10

Загоревшись своей идеей, Зина решила покататься по городу и поискать что-то, что заменит канекалон, а заодно посмотреть, какие средства и инструменты для ухода за волосами тут имеются. Попросив Карла послать кого-нибудь за экипажем, Зина поймала Милу и сказала девушке, чтобы та помогла ей одеться, и сама тоже собиралась: они едут по магазинам!

То, что экипаж каждый раз приходится нанимать, было не очень удобно, так как не всегда можно было найти свободный поблизости. Однако дом у Зины был не слишком большой, и места для кареты, как и для лошадей, просто не было. К тому же это явно было девушке не по карману. Так что, как правило, кто-то из лакеев бежал на площадь и, если по дороге не встретился свободный извозчик, то на площади всегда стояло несколько свободных карет, которые можно было нанять.

В принципе, ничего страшного в отсутствии собственного экипажа не было: в городских домах мало кто из аристократов их держал - просто не было места. То ли дело в загородном имении - там у наиболее богатых представителей знати имелось по нескольку карет

и огромные конюшни. Увы, Зина-Эжениа не могла похвастаться чем-то подобным, так как никакого загородного имения у неё не было вовсе.

Быстро собравшись, Зина и Мила вышли из дома - как раз к тому времени, как подъехала карета.

- Мила, не подскажешь, где продаются нитки, ткани и всё прочее, что требуется портнихам? - задала вопрос своей горничной Зина.

- Так в Пассаже, - пожала плечами девушка в ответ, - там всё есть. Еще в лавке госпожи Франковец, наверное...

- Отлично. Матис, - обратилась она к лакею, который и нашёл в этот раз экипаж, - сообщи кучеру, что мы едем в Пассаж, а затем в лавку госпожи Франковец. И поедешь с нами: нам понадобится помощь, чтобы донести покупки.

Лакей поклонился, помог девушкам забраться в карету, а затем направился к кучеру, чтобы сесть рядом с ним. Если горничная ещё могла ехать в одной карете с леди, то для лакея существовало место либо рядом с кучером, либо на запятках кареты.

В Пассаже действительно обнаружилось несколько прилавков, торгующих пряжей, тканями и швейно-вязальными принадлежностями. Зину в первую очередь интересовали крючки, а также пряжа, которой можно было бы заменить канекалон. И такая пряжа нашлась: Зина застыла у витрины и не могла глаз отвести от тончайшей шелковой пряжи разных расцветок. Попросив угрюмую немолодую продавщицу показать товар поближе, Зина провела рукой по мотку с нитками и покатила нить между пальцев. Да, пожалуй, эти шелковые нити лучше всего подойдут. Вот бы им еще придать оттенки, свойственные натуральным волосам... Надо будет посмотреть, какие тут есть красители. Впрочем, цветная пряжа тоже подойдёт: Зина решила, что цветные прядки в волосах будут смотреться свежо и вполне могут разнообразить прически. Сейчас чего только не вплетали дамы в свои волосы, начиная от обычных шелковых лент, заканчивая нитками жемчуга и даже бриллиантами. Немного красок в волосах прическам точно не повредит.

К слову о красках: насколько Зина помнила из истории развития парикмахерского дела, которую им преподавали в колледже, то краски для волос были известны с древнейших времен. Правда, в основном это были либо натуральные красители, либо жутко токсичные химические, а вот массовое химическое производство относительно

безопасной краски для волос наладилось только в двадцатом веке. Но какая-то краска должна быть уже сейчас! Тем более, что этот мир - только калька с нашей истории, причем не очень хорошая, и многие вещи тут всё-таки отличаются. Например, обращение "леди" - свойственно для англичан, а вот имена и фамилии больше похожи на французские, да и название денежной единицы - франки... Кажется, этот мир - некий собирательный образ представлений автора об определенной исторической эпохе. И, раз уж тут имеется привычная Зине косметика, то и краска для волос должна быть. Поэтому следующим местом, куда направились девушки, были косметические лавки здесь же, в Пассаже.

Красок для волос, к сожалению, было немного. Осветляющая краска на основе обычной перекиси водорода, черная краска на основе свинца, а также известные всем хна и басма. Свинцовую Зина приобретать не стала, решив, что басма прекрасно может её заменить, а вот свинец опасен для здоровья. Остальные краски были куплены, да не в единичном экземпляре. Учитывая, сколько пряжи Зина уже купила, получился приличный куль, который и отнёс в карету Матис.

Помимо краски, Зина приобрела множество средств для ухода за волосами и укладки, щипцы для завивки волос, которые надо было нагревать на углях, несколько видов бигуди разного размера, кучу расчесок и ножниц, а также нашла местечко, где скупали и продавали натуральные волосы. Их пока Зина приобретать не стала, но на заметку взяла. Всегда найдутся леди, желающие добавить густоты или длины собственным волосам, а шелковые нити, при всех своих замечательных качествах, всё-таки не слишком похожи на волосы при ближайшем рассмотрении, и до канекалона им далеко.

В лавке госпожи Франковец Зина смогла, наконец, выбрать наиболее подходящий крючок, а еще купила там несколько мотков шерсти для валяния и несколько пакетиков разных красителей. Эту шерсть, если покрасить в яркие цвета, тоже можно было использовать в качестве цветного канекалона.

Возвращалась домой Зина вполне довольная собой и покупками. Она даже присмотрела по дороге мебельный магазинчик, где можно выбрать зеркала, столики и кресла для будущей парикмахерской. Вот только заказывать пока рано, ведь помещение еще не готово.

Подъехав к дому, Зина, при помощи Матиса, вышла из кареты, и, оставив их с Милой забирать покупки, поспешила к себе в кабинет: надо было подсчитать расходы и прикинуть, сколько еще свободных средств она сможет вложить в открытие салона. Если что, всегда можно продать что-то из драгоценностей, но эту меру Зина оставила на крайний случай.

Не успела девушка открыть бухгалтерскую книгу и начать вписывать туда расходы, как появился мажордом Карл и сообщил, что её хочет видеть граф Даниятский.

- О-о-о-ох, - простонала девушка. - Да что же он не отлипнет никак! Вы сказали, что меня нет дома?

- Сказал, Ваше Сиятельство. Но граф видел вас выходящей из кареты.

- Черт! - выругалась Зина, понимая, что на этот раз графа придётся принять. - Ладно, проводите его в гостиную, Карл. Я сейчас спущусь.

Граф сидел в гостиной, развалившись на диване, как у себя дома, и небрежно закинув свои длинные ноги на пуфик прямо в сапогах. Зина поморщилась при виде этого, но ничего не сказала. Как-то не принято тут было просить аристократов разуться при входе в дом и надеть домашние тапочки.

- Граф Даниятский, добрый день, - поздоровалась Зина, кивком головы приветствуя гостя, как равного. - Чем обязана?

- Графиня! - воскликнул тот, тут же подсакивая с дивана, и склоняясь в нарочито изящном поклоне, хотя тоже мог ограничиться легким кивком. - Прошу вас, зовите меня Леопольд.

- Леопольд... - эхом повторила Зина, вспомнив вдруг, что это имя на страницах романа встречалось. Про графа Даниятского в нём не было ни строчки, а вот Леопольдом звали того щёголя, с которым целовалась Эжениа на одном из приёмов, когда их застукала главная героиня. Милена была шокирована увиденным, а вот Эжениа решила воспользоваться моментом для беседы с соперницей, и попросила "милого Леопольда" подождать её в общем зале. Выходит, настоящая Эжениа всё же закрутила с графом роман после расставания с герцогом? Но при этом всё равно отчаянно жаждала вернуть бывшего любовника... Как всё запутанно.

Взглянув на графа Даниятского, Зина увидела на его лице довольную улыбку и поняла, что произнесла его имя вслух, вроде как согласившись таким образом на более неформальное общение.

- Простите, но мне кажется, это будет неуместно, граф, - попыталась исправить свою оплошность девушка.

- Ну, отчего же? - Возразил навязчивый кавалер. - Я буду только рад, если вы позволите называть вас Эжения.

Её имя он произнес с таким придыханием и так проникновенно глядя ей при этом в глаза, что девушка невольно покраснела.

- Итак, зачем вы хотели видеть меня, граф? - Не поддаваясь на провокацию, повторила свой вопрос Зина.

- Да всё за тем же, несравненная миледи, - соблазнительным голосом продолжил этот казанова, - я устал ждать ваш ответ и пришёл получить его лично.

- Что ж, в таком случае, мой ответ - нет, - строго сказала Зина, чувствуя, как с её плеч упал тяжелый груз. Всё-таки надо было сразу отказать - тогда не пришлось бы мучиться. Однако граф оказался из тех мужчин, что принимают женские отказы за уловку.

- К чему кокетство, милая? - приторно-сладко протянул блондин. - Мы оба знаем, что вам нужны деньги, а я уж всяко не беднее вашего герцога, и смогу обеспечить вам не только безбедную жизнь, но и все эти милые дамскому сердцу сверкающие безделушки, наряды... Кроме того, я хорош собой: ни один мужчина высшего света не сравнится со мной в красоте. Так чего же вам еще надо?

- "Вы привлекательны, я - чертовски привлекателен, так чего терять время?" - пробормотала Зина себе под нос цитату из известного фильма.

- Вот именно! - подхватил граф, явно услышав бормотания Зины.

- Простите, милорд, но мне это не интересно.

- Но почему? - опешил тот, явно не ожидая, что Зина продолжит упорствовать.

- Потому что я хочу замуж. Мне двадцать шесть, граф. Сколько еще я смогу быть достаточно привлекательной для предложений, подобных вашему? А потом что? Голодная одинокая старость? Так что - извините, но если у вас нет серьезных намерений, то мой ответ вам - нет.

Зина намеренно выбирала именно те аргументы, которые, на её взгляд, должны впечатлить такого человека, как граф. Начни она говорить о чувствах, о взаимной любви, романтике, о детях - и тот её явно бы не понял. А вот простые и прагматичные доводы заставили его задуматься.

- Что же, - протянул граф, отводя взгляд в сторону, - я понимаю вашу позицию, миледи, и отношусь к ней с уважением. Простите, но я пока не готов расстаться с холостой жизнью - даже ради обладания такой красавицей, как вы.

На этом месте он улыбнулся, но как-то скованно, словно внезапно почувствовал себя неловко - что для человека с его характером выглядело немного странно. Как если бы вся его распушенность и веселость - только маска.

- Пожалуй, не смею вас больше задерживать тогда, - поклонился граф и направился к выходу.

- Граф, - окликнула его Зина, и тот обернулся, не сумев скрыть мелькнувшей в его глазах надежды.

- Вы можете заезжать ко мне просто по-дружески, - предложила ему девушка.

- Боюсь, ваш будущий жених не одобрит такой дружбы, - криво усмехнулся граф Даниятский, - но спасибо за предложение.

Граф уже покинул её гостиную и её дом, а Зина всё не могла отойти от разговора. Как-то ей было жаль красавчика графа - потому и предложила ему в последний момент свою дружбу. Ну и еще потому, что он был довольно веселым и приятным собеседником, а друзей у Зины не было вообще никаких. Но то, что графу нужна не дружба - весьма очевидно, так что вряд ли он воспользуется её предложением.

На этом Зина оставила свои терзания и отправилась заполнять бухгалтерские книги. А к ужину Карл принёс ей очередное приглашение - на этот раз на приём, на котором она обязана присутствовать по сюжету.

Глава 11

Приём - это не то же самое, что бал. Бал, на котором была объявлена помолвка - это одно, а приём в честь помолвки - это другое.

Ну, это как поняла Зина.

И вот теперь ей надо было сшить платье еще и для приёма. Да на этих платьях разориться можно! Когда Зина подсчитывала свой бюджет, она никак не брала во внимание расходы на платья, учитывая, что у неё их целый гардероб. Однако, Мила и Дана в два голоса твердили, что эти платья её сиятельство уже надевала, а повторно появиться в одном и том же в свете нельзя. Когда же Зина посетовала на необходимость экономить, девушки подсказали ей приемлемый выход: перешить одно из уже имеющихся платьев.

Так она и решила поступить. Зина пригласила в гости госпожу Лавинию - ту самую портниху, что шила ей бальное платье - и вместе они перебрали гардероб Эжени, чтобы выбрать платье и обсудить, какие изменения в него внести. В итоге выбрали пышное бальное платье из вишневого бархата, которое госпожа Лавиния сделает менее пышным - так как фасоны для приёма отличаются от фасонов для бала - а также добавит к нему золотых деталей. Например, треугольник лифа сделает золотым, добавит золотую вышивку на рукава и подол, пустит по краю подола золотое кружево.

Прическу Зина тоже обдумывала тщательно - ведь это будет начало её рекламной кампании. В итоге по её просьбе Мила заплела ей вокруг головы французскую косу с добавлением алой шелковой пряжи и вытягиванием "ушек" - для большего объёма. Конец косы они закрутили в улитку на затылке, закрепив шпильками. Золотые волосы Эжени с добавлением алых прядей смотрелись шикарно - и отлично гармонировали с нарядом. Зина специально подбирала цвет пряжи так, чтобы она отличалась по оттенку от цвета платья - иначе прическа и наряд сливались бы. Но при этом всё вместе не смотрелось аляписто и безвкусно. Единственное, что беспокоило Зину - так это то, что бордовый с золотом - исконные цвета королей. Не сочтут ли её наряд слишком дерзким? Или уже не то время? Наверное, не то, иначе портниха бы подсказала - уж она-то знает, кому и что можно шить.

В оставшиеся дни до приёма Зина готовила будущую парикмахерскую. В выбранном зале она вместе с горничными перебрала и пересмотрела все складированные там вещи, а затем поручила мажордому большую часть вещей вывезти и продать. Остальные были вымыты, выстираны, отремонтированы и

использованы по назначению. Заказала Зина и необходимую мебель, которую как раз должны были доставить за день до приёма.

Сам зал тоже был вымыт и отреставрирован: стены по просьбе Зины красиво драпировали цветной тканью, тяжелые портьеры раздвинули, а окна завесили лёгким тюлем, пропускающим дневной свет. Зина решила, что днём света из огромных, до потолка, окон, ей вполне хватит, а вечером надо будет сдвинуть портьеры и зажечь свечи. К сожалению, электричество, хоть и было уже изобретено, но еще не вошло в обиход, так что все по старинке пользовались свечами, да керосиновыми лампами. Уличные фонари работали на газу, но в доме Эжени газowego освещения не было, а Зина не знала, стоит ли его прокладывать, хотя такая возможность, как она поняла, была. В итоге девушка решила, что это не такой уж насущный вопрос, а потому не требует срочного решения.

Получившийся зал порадовал Зину: просторный, элегантный, рассчитанный на пять рабочих мест (хотя горничных у неё было всего две, но Зина мыслила и на будущее тоже). В углу Зина поставила передвижной столик, чтобы можно было угощать клиенток чаем прямо на месте - например, пока они ждут, когда окрасятся волосы. Здесь же Зина организовала и уголок для мытья головы, установив раковину и умывальник над ней - правда, воду придётся греть и носить сюда ведрами. Холодная вода была проведена только в одно место - на кухню, оттуда и распределялась по всему дому. Ведрами, да. Ну, хоть канализация была - и то ладно. А то, будь это реальный исторический роман, Зина ведь могла оказаться и в Лондоне времен великого зловония.

К слову, уделила Зина время и для того, чтобы побольше узнать о месте, в которое её занесло. Выяснилось, что страна, в которой она проживает, носит название Конкордия, и расположена она на территории современной Европы, а если точнее, то занимает её полностью, ещё и часть России прихватывает. Никакой Франции, никакой Англии тут не было и в помине - была одна страна, поделённая на герцогства. Интересно, что в романе об этом не говорилось вообще. Ни название страны, ни где она расположена территориально - только герцогства да графства упоминались. При этом действительность во многом была заимствована из нашей истории - расположение материков, времяисчисление, стороны света,

календарные месяцы и многое другое. Основной религией являлось христианство, и год от Рождества Христова шёл тысяча восемьсот пятьдесят шестой.

Что касается других материков и стран, то Северная и Южная Америки тут носили объединённое название - Индеанополис, на их территории обитали только разрозненные индейские племена, а территория России и Азии была объединена под флагами единого государства - Варнавии, с которым у Конкродии сто лет назад была кровопролитная война. Австралию же либо ещё не открыли, либо её просто не было. Единственный континент, сохранивший своё название - Африка, но там не было никаких колоний, просто дикие и не очень африканские племена. С африканскими и индейскими племенами торговали и Конкордия, и Варнавия, но вот установить на тех континентах своё влияние эти страны друг другу не давали. Наверное, только поэтому африканцы и индейцы могли до сих пор жить спокойно.

Надо ли говорить, что все эти подробности в книге тоже не упоминались? А вот имя правящего короля в романе фигурировало - звали его Георг Второй Понтаклер, по прозвищу Решительный. Понтаклеры, к слову, были правящей династией уже три столетия.

Зина подумывала также и о том, чтобы взять уроки танцев, но вот как это объяснить окружающим, которые прекрасно знали, что Эжения превосходно танцует - этого она не представляла. Может, походить инкогнито в какую-нибудь танцевальную студию, если таковые здесь имеются?

Но это всё - далеко идущие планы, а между тем, вечер приёма настал. Вновь Эжения стоит на подъездной дорожке герцогского замка и пытается заставить себя сдвинуться с места. Если в первый свой визит сюда Зина волновалась из-за массы вещей: не проколится ли она где-то, не опозорится ли, если её пригласят на танец, не обидится ли на неё кто-то из знакомых Эжении за то, что она его не узнала, - то сейчас её волновало только одно. А именно: как бы не сделать чего-то такого, из-за чего нарушится сюжет, но, в то же время, предпринять определенные действия, чтобы вывести из этого сюжета своего персонажа. Говоря проще: как бы спастись самой, не запоров при этом

роман - поскольку автор дал понять, что в этом случае и её ничего хорошего не ждёт.

Приём проходил в другом помещении - более камерном, да и приглашенных в этот раз поменьше. В зале были расставлены кресла и горел большой камин, возле которого тоже стояло несколько кресел. Играли приглашенные музыканты, официанты подавали прохладительные напитки.

Гости перемещались по залу, здоровались, общались. К моменту прихода Зины-Эжени уже образовались три основных кружка по интересам: в одном дамы обсуждали живопись, в другом мужчины говорили о политике, а вот в третьем была смешанная компания - и обсуждали они творчество незнакомых Зине поэтов.

Постояв возле каждой группы и послушав немного, Зина не нашла эти беседы интересными и, заметив в толпе подруг Эжени, поспешила скрыться за колонной, пока те её не заметили.

- Прячетесь? - раздался позади приятный мужской голос.

Зина обернулась, встретившись взглядом с удивительно синими глазами герцога Монтеберского, которого девушка тут же узнала по шраму. Шрам оттягивал внимание на себя, но Зина не могла отвести взгляда от завораживающих глаз герцога, что казались немного разными: правый чуть темнее, а левый - светлее и ярче, отчего напоминал Зине камень в её кольце.

"Так ведь это же и есть камень! - ахнула про себя Зина, осознав, что вместо левого глаза у герцога Монтеберского - протез. - Видимо, глаз он потерял тогда же, когда заработал этот ужасный шрам."

Затем, спохватившись, что слишком пристально рассматривает мужчину, который, между тем, ждёт её ответа, Зина решила ответить вопросом на вопрос:

- А вы?

- И я, - улыбнулся герцог, указывая рукой на кресла рядом с собой и приглашая тем самым Зину присоединиться к его компании. Сам он сидел так, что за колонной его совершенно не было видно, но он при этом мог видеть почти весь зал.

Зина присела рядом, стараясь, чтобы и её было не особо заметно.

- Почему вы же прячетесь? - спросила Зина без задней мысли - и тут же устыдилась своего вопроса: должно быть, герцогу просто неприятно повышенное внимание к его шраму.

- Не люблю светские вечера, знаете ли, - невозмутимо ответил тот, сделав вид, что не обратил внимания на смущение девушки.

- Так зачем же вы сюда пришли? - недоуменно спросила Зина. - Ладно я - мне по статусу положено присутствовать, отказаться не могу, а вы-то сами герцог, вам никто, кроме короля - не указ!

Мужчина тепло улыбнулся её словам, явно сочтя их забавными - так взрослые с умилением улыбаются каким-то детским выходкам. Зина вновь зарделась, понимая, что своим поведением выдаёт себя с головой: ну, не аристократка она! Ни разу! Говорит то, что думает, хотя правильнее было бы думать, что говорит. И герцог этот явно её раскусил - либо находится в шаге от этого.

- О, - ответил герцог Монтеберский, - я тут с определенной целью.

- И какова же эта цель? - не удержала любопытства Зина, даже понимая, что ей стоит помалкивать, чтобы не выдать себя ещё больше.

- Женидьба, - коротко бросил герцог.

- О-о-о-о, - протянула Зина, не зная, что сказать. В романе ни о каком герцоге Монтеберском или герцогине со шрамом не упоминалось. Тем более, не упоминалось о его женидьбе. Хотя такой колоритный персонаж должен был быть упомянут хотя бы раз. Но, то ли Милена не интересовалась сплетнями, то ли была больше занята своей личной жизнью, то ли ещё что, а о герцоге Монтеберском роман умалчивал - впрочем, как и о многом другом.

- Что, вы даже не спросите, кто невеста? - иронично уточнил герцог, приподняв ровную бровь, что была одного цвета с его тёмно-каштановыми волосами.

- Полагаю, вы сами скажете, если на то будет ваша воля, - осторожно подбирая слова, ответила Зина. Кажется, ей пора менять укрытие, а то этот герцог начинал её немного напрягать: девушке казалось, что он видит её насквозь - и вот-вот встанет и заявит на весь зал, что она - самозванка.

- Хм, действительно, - согласился с её доводом мужчина. - Но проблема в том, что никакой невесты пока ещё нет. Вот, присматриваюсь. Вы тут, наверное, всех знаете, может быть, подскажите, на кого стоит обратить внимание?

Тут Зина откровенно испугалась: она ведь почти никого не знает! Что ей ответить? Впрочем, даже если бы она знала всех

присутствующих, вряд ли стала бы поддерживать подобный разговор и на полном серьёзе что-то советовать. Эта мысль Зину и успокоила:

- Простите, милорд, но я не знаю ваших вкусов. А, кроме того, не хочу давать оценку молодым леди - вряд ли я вправе это делать. Полагаю, вы в состоянии сами разобраться.

Герцог обратил на неё заинтересованный взгляд - и вдруг без перехода спросил:

- Мы ведь не были представлены друг другу, миледи? Позвольте исправить эту оплошность: Жак Ванрелл, герцог Монтеберский.

С этими словам герцог поднялся - было видно, что это действие вызвало у некоторое затруднение - и слегка поклонился.

- Эжения де Лавиньяк, графиня Синопская - по мужу, - Зина подскочила с кресла и сделала реверанс, как и полагается при знакомстве с герцогом - пусть оно и произошло несколько нестандартным образом.

- Вы замужем? - теперь приподнялись в удивлении обе герцогские брови.

- Я вдова, - коротко ответила Зина, потупившись. Кажется, так полагается вести себя скромной вдове? Впрочем, Эжения скромной вдовой не была - это герцог, видимо, ещё не в курсе местных сплетен, а то бы не спрашивал. Понятное дело, если он приехал из своего герцогства недавно, и впервые появился в обществе только на балу у Ланттарского, то мог и не слышать ничего. Хотя о нём самом сплетни уже всю гуляют. Да уж.

Глава 12

- А как насчёт вас? - спросил герцог Монтеберский, и Зина, ушедшая в свои мысли, не сразу поняла, к чему был задан вопрос.

- Простите? - переспросила девушка.

- Вы сказали, - начал объяснять герцог, - что вам неприятно сплетничать о других леди. Тогда, возможно, вы могли бы рассказать что-то о себе?

Зина моргала, глядя на мужчину, и не могла понять, о чём он вообще. Герцог что, ждёт, что Зина начнёт расхваливать себя в

качестве кандидатки на роль герцогини? Или что он сейчас имеет в виду?

- Что именно вы хотите услышать, милорд? - осторожно уточнила Зина.

- Разумеется, вашу оценку своей персоны в качестве будущей супруги, миледи, - подтвердил герцог самые безумные её предположения.

- Боюсь, себя в этом плане оценить мне будет еще сложнее, чем окружающих леди, - проговорила Зина, качая головой и удивляясь тому, как их разговор принял столь странное направление.

- Почему же? - продолжил настаивать герцог Монтеберский.

- Потому, что по отношению к себе еще труднее соблюсти беспристрастность, - пояснила очевидное Зина. - Тут всё зависит от характера человека: скромный будет принижать свои достоинства, тщеславный - преувеличивать, и, если даже попадётся такой человек, который сможет дать себе объективную характеристику, то как понять, что она объективна, если вы не знаете этого человека?

Зине показалось, что Жак Ванрелл одобрительно улыбался, пока она выкладывала ему свои соображения и, судя по тому, что тему эту он более не поднимал, ответ его действительно устроил. Непонятно, правда, почему - ведь Зина так ничего о себе и не рассказала в итоге.

В этот момент Зина услышала знакомый, крикливый и властный, голос своей "подруги" - графини Мари ле Фондан.

- Милорд, миледи, - громко обратилась та к Кастлеру Оделлу и Милене Севаньон, которые были хозяевами вечерами, - приглашенные вами музыканты играют превосходно, но почему мы не слышим пения? Предлагаю попросить спеть для нас всех мою подругу, графиню Эжению де Лавиньяк - вы же знаете, какой у неё чарующий голос. Уверена, она не откажет. Графиня?..

После этих слов все собравшиеся лорды и леди стали крутить головами в поисках леди Эжени, а Зина в этот момент тоже оглядывалась, только с иной целью: в панике она искала, где бы спрятаться. У Зины совершенно вылетела из головы эта сцена: её подруги специально вызвали Эжению спеть, чтобы продемонстрировать герцогу Ланттарскому, насколько тот ошибся с выбором невесты. У Эжени и в самом деле, согласно роману, был

чарующий, с лёгкой хрипотцой, голос, и великолепный слух. Вся беда в том, что самой Зине еще со школы не раз говорили, что ей медведь по обоим ушам потоптался, а когда девушка, забывшись, пела в ванной, ей начинали стучать по батарее соседи. Словом, из Зины певица была никакая, и повторить сцену с выступлением Эжени никак не могла - несмотря на то, что обладала её телом и, следовательно, голосом. Но едва ли стоит надеяться, что это ей как-то поможет, что тело само вспомнит, что надо делать, как это было с танцем. Ведь в танце её вёл умелый партнёр, а тут она даже слов той песни не помнит. Что-то о любви, выборе и летящих вдали белоснежных птицах, кажется? Да и слух-то у неё остался прежним, и необходимые навыки отсутствуют...

Поскольку её уже заметили, то прятаться было поздно. Зина медленно поднялась, сжимая в кулаки и разжимая вспотевшие ладони, решая, выйти ли ей сейчас и спеть "От улыбки станет всем светлей" - опозорившись на весь высший свет, или же срочно что-то придумать, чтобы отказаться. Может, если она споёт их рук вон плохо, то главная героиня поймёт, что Зина ей не соперница? Или так нельзя делать, ведь по сюжету они должны быть врагами?

- Скажите, что вы сегодня не в голосе, - раздался позади неё шепот герцога Монтеберского, о присутствии которого Зина уже успела забыть.

- Благодарю вас, дорогая, за комплимент, - громко начала Зина, решив последовать неожиданному совету, - но сегодня я что-то не в голосе. Возможно, нас порадует своим пением хозяйка вечера? Что скажете, графиня?

Последние слова Зины были обращены к Милене. Та заметно смутилась, но отказываться не стала. Зина же с облегчением опустилась обратно в кресло, шепнув герцогу Монтеберскому "Спасибо!" Заинтригованный герцог Ланттарский приказал музыкантам подыграть и... Волшебный голос юной девушки очаровал всех присутствующих. Зина вообще сидела, затаив дыхание, не чувствуя, как по её лицу катятся слёзы - настолько грустная и волнующая была песня, настолько голос главной героини проникал в самую душу. Весь зал словно замер, перестав дышать - и только когда отзвучали последние аккорды и стих неземной голос Милены - только тогда раздался дружный вздох.

Зина, словно очнувшись, ощутила влажные дорожки на щеках - и тут же перед ней возник белоснежный платок. Не оборачиваясь, девушка поблагодарила герцога Мотеберского - а это именно он оказался столь любезен и предусмотрителен - и аккуратно высморкалась в платок, стараясь особо не трубить при этом. Однако по тому, какими взглядами её окинули ближайшие лорды и леди, и как усмехнулся по-доброму сам герцог - Зина поняла, что снова что-то сделала не так. Брошюрка по этикету была довольно тонкой и о том, как правильно сморкаться леди на приёме, там написано не было.

Использованный платок девушка, разумеется, возвращать герцогу не стала, а убрала в сумочку, попутно достав зеркальце и убедившись, что тушь не размазалась по щекам. Только после этого Зина смогла взглянуть в глаза сидевшему по соседству мужчине:

- Спасибо, что выручили, - произнося эти слова, девушка сама не знала, за что благодарит - за платок ли, или за подсказку насчет голоса. Наверное, за то и другое вместе.

- Не за что, - отозвался герцог. - Мой долг - помочь прекрасной леди в затруднительной ситуации.

И, хотя лицо герцога было серьёзным, Зина явственно ощутила смешинки в его голосе.

"Этот герцог смеётся надо мной? - Задумалась Зина. - Но, даже если так, видно, что делает он это не зло. Кажется, он хороший человек."

После трогательного выступления Милены еще несколько леди изъявили желание спеть и сыграть на музыкальных инструментах - но повторить успех графини Траутской им не удалось. Понятное дело - не второстепенным персонажам тягаться с главной героиней. По роману та должна была петь после Эжени - и затмить её выступление своим. Зина решила, что, поскольку пение Милены явно очаровало всех, включая её будущего мужа - вон какими глазами герцог Ланттарский пожирает свою невесту, то ничего страшного в том, что Зина сама уклонилась от выступления, нет. Сюжет в целом не пострадал - всё идёт, как надо.

Они с Жаком Ванреллом успели еще немного поговорить, прежде, чем всех позвали к ужину. Герцог Монтеберский, как и полагается галантному кавалеру, поднялся и предложил Зине локоть, чтобы

проводить девушку к столу. Зина, разумеется, не стала отказываться, но, пока они шли в столовую, успела почувствовать, что герцог еле ощутимо хромает. Со стороны, наверное, это было и вовсе незаметно, но девушка держалась за его руку и чувствовала небольшую заминку перед каждым шагом и напряжение мужчины при этом.

Подведя Зину к месту, где стояла табличка с её именем, герцог помог девушке сесть, поцеловал ей руку - и отправился на своё место, которое было по правую сторону от герцога Ланттарского, занимающего со своей невестой места во главе стола. Зина же оказалась примерно в его середине. По правую руку от неё села какая-то пожилая леди, а вот слева, поменяв таблички, плюхнулся граф Даниятский.

- Что вы делаете? - прошипела Зина, заметив, каким взглядом их прошил герцог Ланттарский, от внимания которого не ускользнул этот маневр графа. Тот же лишь широко ухмыльнулся в ответ.

- А что я делаю? - невинно спросил Леопольд. - Что страшного в том, что я хочу сесть рядом со своей подругой?

Зина поперхнулась.

- С кем? - откашлявшись в многострадальный герцогский платок, хрипя переспросила девушка.

- С подругой. Вы же предложили мне дружбу, помните?

- А вы отказались, - напомнила в свою очередь Зина.

- Не отказывался, - возразил Даниятский, - просто сказал, что это вряд ли понравится вашему будущему жениху. Но потом я решил, что во мне не так уж много благородства, чтобы отказываться от такого предложения ради вашей личной жизни. Да и зачем вам муж, который запрещает общение с друзьями, не так ли, дорогая?

Зина не удержалась от смешка. До чего же этот граф обаятельный прохвост! И ему всегда удаётся её рассмешить, что удивительно - ведь шутки его далеки от тех, что обычно нравились девушке. Однако в его присутствии девушка начинала чувствовать себя свободно, легко и непринужденно - особенно после того, как он перестал к ней прикасаться и жарко шептать на ухо всякие вольности. Стоило Зине об этом подумать, как её левого уха коснулись горячие губы графа, а томный голос шепнул:

- Вдруг вы всё-таки передумаете и станете моей лю...

Договорить граф Даниятский не успел, так как ему в бок врезался Зинин локоть. Граф отпрянул и, как ни в чем не бывало, отпил из бокала с шампанским, перед этим приподняв его и многозначительно взглянув на Зину, словно намекая, что пьёт за их будущие отношения. Зину такое поведение и бесило, и смешило одновременно. Она уже поняла, что граф неисправим, и ей придётся мириться с его своеобразной манерой общения. И в глубине души она была рада, что он всё-таки принял её предложение о дружбе.

Благодаря графу, ужин для Зины прошёл вполне сносно. Граф делился своими наблюдениями о присутствующих и, как ни странно, эти наблюдения хоть и были весьма меткими - всё же они не были ни язвительными, ни злыми. Зина слушала с интересом, не забывая отдавать должное поварам герцога Ланттарского. Благодаря книжечке по этикету, Зина не путалась с основными приборами, а если подавали что-то непонятное, то смотрела, как это едят остальные - и повторяла за ними.

А вот после ужина наступал самый неприятный момент этого приёма: мужчины удалялись пить виски, курить и играть в азартные игры, а женщины - на заседание клубка гадюк, травить и жалить главную героиню. И в этом действе Зина должна была принять весьма активное участие - согласно сюжету. Разумеется, называлось это действие "выпить кофе возле камина в гостиной" - но все дамы прекрасно понимали, что на самом деле это значит.

Глава 13

Как бы Зине не хотелось удрать с этого светского мероприятия, она понимала, что этого делать нельзя: полной уверенности, что сюжет отомстит за отклонение от него, у неё не было, но и проверять особо не хотелось. Лучше придерживаться выбранной стратегии: потихоньку менять свою собственную жизнь, не меняя при этом ключевых моментов сюжета, связанных с главными героями.

Этим Зина и занялась. К ней уже подходили некоторые леди и интересовались её прической, да и цветные пряди в волосах вызывали у них любопытство. Зина всех приглашала к себе в гости, обещая попросить свою горничную сделать высокородным леди причёски не

хуже. По поводу цветных пряжей Зина туманно отвечала, что это её находка, которую она хотела бы сохранить в тайне, но вот, если леди её навестит, то в качестве исключения, чисто по-дружески... Только материал довольно дорогой, а Зина - вдова, и доход её весьма ограничен... Леди слушали, кивали и обещали как-нибудь навестить свою новую подругу. Возможно, перед следующим балом?..

В целом, своей рекламной кампанией Зина пока что была довольна. Намеки на высокую стоимость материала и невысокое материальное положение вдовы возымели эффект: леди быстро поняли, что к чему. И, даже если кто-то из них намеренно решит проигнорировать более чем прозрачный намёк на вознаграждение, то Зина просто откажется в следующий раз делать причёски халывщицам. Тем более, что цену Зина не устанавливала, посчитав, что финансовое положение у аристократок самое разное, так что пусть их благодарность выражается в доступной для каждой плате. А ей в любом случае будет лучшая реклама - так называемое "сарафанное радио". Да и установление цены автоматически означает торговлю, а так - просто дружеская услуга и дружеская же благодарность. При таком подходе придраться к занятию Зины при всём желании не получится.

Занятая общением с потенциальными клиентками, Зина не сразу обратила внимание на напряжённую атмосферу возле камина, где сидела Милена - хозяйка приёма и, по совместительству, главная героиня. Но уже сами потенциальные клиентки отвлеклись от разговора, переключив своё внимание на разыгрывавшуюся сцену. Зина посмотрела в ту же сторону и мысленно застонала: началось! Её три неразлучные подруженицы колкими и язвительными фразами атаковали графиню Траутскую, а бедная девочка не могла вставить и слова, потому как их трое, а она одна. В романе за неё должна заступиться маркиза Матрона ди Ширле - бездетная вдова лет сорока. Найдя взглядом эту высокую дородную даму, Зина заметила, что та сидит, нахмутив брови, но пока не вмешивается. Что ж, пока всё идёт по сюжету - за исключением того, что главной атакующей тут должна быть Эжениа, но Зина, даже если бы захотела, вряд ли смогла бы себя вести так, как описано в книге. А она и не хотела.

- Ах, бедняжка, - продолжала тараторить Лилиан в своей обычной манере, - должно быть, нелегко иметь в женихах такого любвеобильного мужчину, как герцог?

- Что вы имеете в виду? - дрожащим от сдерживаемого негодования голосом спросила Милена.

- Ну как же? - вмешалась Мари, изображая недоумение. - Многим из присутствующих дам известна любвеобильность герцога Ланттарского. Это не такой уж секрет, не так ли, дорогая Эжения?

Зина, не ожидавшая, что её попытаются впутать в разговор, промолчала. Но вот Милена всё равно впиалась в неё негодующим взглядом зеленых глаз.

- Впрочем, - продолжала Лилиан, - герцог богат, а это перевешивает многие его недостатки. Опять же, титул... У вас ведь договорной брак, не так ли? Вам повезло, что вашим мужем будет именно герцог, а на его маленькие слабости можно и глаза закрыть. Ведь глупо требовать от садовника, чтобы он ухаживал только за одним цветком, когда вокруг полный сад...

На Милену было больно смотреть: бледная, пришибленная, взгляд затравленный и несчастный, но при этом пытается из последних сил изображать из себя гордую аристократку.

"Держись, держись, - уговаривала саму себя Зина, - сейчас за неё заступится маркиза. Не лезь туда, только зря подставишься. Ты же не хочешь провести остаток жизни в монастыре? Так что, держись давай."

- Дорогая графиня, - вновь вступила Мари, - вы, должно быть, хотите побольше узнать о своём будущем муже? Так среди нас есть леди, которая общалась с ним последние пару лет... весьма тесно. Они хорошие, очень хорошие... друзья. Миледи Эжения де Лавиньяк, поведайте нашей гостеприимной хозяйке, правдивы ли слухи о любвеобильности герцога Ланттарского?

"А Впрочем, подумав, монастырь - там тоже люди живут. Буду монахиням хвосты крутить, в смысле - причёски делать!.." - решила Зина, смерив взглядом своих "подруг". После чего повернулась к главной героине и твёрдо сказала, глядя ей прямо в глаза:

- Нет, не правдивы. Насколько мне известно, герцог - человек чести, и не станет оскорблять невесту порочащими связями. Миледи, мой вам совет - не слушайте никого. Герцог - взрослый мужчина, у него есть прошлое, но это прошлое не должно мешать вашему

будущему. У вас есть все шансы построить счастливый брак, так не упустите их из-за глупых наветов.

Милена смотрела на Зину округлившимися от удивления глазами - видимо, не ожидала поддержки от бывшей любовницы будущего мужа. А вот "подруги" сверлили её взглядами злобными и недоверчивыми, а потому Зина, не удержавшись, развернулась к ним и так же громко произнесла:

- А ваши намёки, леди, неприличны.

- В самом деле, - наконец-то вступила в беседу маркиза ди Ширле, - запугали бедную девочку. Ничего страшного в браке нет, поверьте, графиня. Герцог - достойный человек, и будет хорошим мужем.

Зина села на место, чувствуя, как от выплеска адреналина её потряхивает. Никогда прежде ей не случалось участвовать в женских разборках, но она чувствовала, что поступила правильно. Даже возможное наказание со стороны автора - за нарушение сюжета - и то не пугало. Правда, у неё теперь на троих якобы подруг меньше, и на троих врагов больше, чем до этого. Хотя, скорее на двоих, чем на троих: зачем маркиза и графиня таскают с собой робкую баронессу, ей было непонятно. Та практически всё время молчала.

После этого разговоры текли вяло - всё самое интересное уже закончилось, и леди откровенно скучали. Зина еще немного побродила по гостиной, общаясь с другими леди, но, заметив, с каким решительным видом в её сторону движется Милена - поспешила сбежать. Общаться с главной героиней она пока была не готова. Что она ей скажет? Хотя, рано или поздно поговорить, наверное, всё-таки придётся. Но лучше поздно, чем рано.

Выйдя в коридор, Зина по памяти двинулась в направлении выхода. Свою миссию она на сегодня выполнила, задерживаться дольше смысла не было. Но по-тихому уйти не получилось: в холле она столкнулась с предметом недавнего обсуждения - герцогом Ланттарским.

- Эжения? - удивленно поднял брови герцог, очевидно, не ожидая её здесь увидеть. - Что случилось? Почему вы не с остальными дамами?

- У меня разболелась голова, - ответила Зина чистую правду: от всех этих интриг и пакостей у неё действительно голова стала словно

ватная и гудела. А может, это от духоты? В гостиной было довольно душно, да еще камин горел, и народу много...

- Приказать подать обезболивающего?

- Нет, благодарю, я просто поеду домой. Думаю, сон будет лучше всяких лекарств, - натянуто улыбнулась Зина, стремясь поскорее закончить неожиданную и не слишком приятную встречу. От главного героя она предпочитала держаться подальше.

- Безусловно, вы правы. Позвольте проводить вас, - произнёс герцог так, что стало понятно, что это - не вопрос. Да и то, как он взял её руку и уложил на своём локте, намекало, что её ответа и не требуется.

По пути к двери герцог поймал пробежавшего лакея и приказал тому сбегать и передать кучеру, чтобы подал карету миледи ко входу.

- Давайте пока пройдемся по саду, - предложил герцог, и Зина вынужденно согласилась: глупо отказываться, ведь карета пока не подана.

Герцог повёл её по слабо освещенной аллее, при этом сам мужчина был задумчив и расслаблен, а вот Зина была напряжена до предела. В то, что герцог просто проявил любезность, она не верила: скорее всего, тому что-то надо от неё.

- Давно мы с вами вот так не гуляли, - вдруг произнёс герцог тоном, в котором явно сквозили ностальгические нотки.

- Эм-м-м, - промычала Зина, не зная, что ответить на это.

- Я ведь помню, как увидел вас впервые - в день вашей помолвки с графом Синопским. Такая юная и напуганная... Вы были даже моложе, чем Милена сейчас. Вам было очень страшно?

- А как вы думаете? - поразились Зина. - Считаете, молоденькая девушка должна радоваться, что её выдают замуж за старика?

- Не считаю, - покачал головой герцог, - и никогда не понимал людей, вроде графа. Такая разница в возрасте недопустима. Мне самому было бы непонятно, что делать с такой молодой женой, о чем с ней говорить...

- Вы не знаете, о чем говорить с миледи Севаньон, вашей невестой? - догадалась Зина.

- Не то чтобы... - замялся герцог. - Я просто хотел спросить, вас не обидел наш разрыв?

Зина поперхнулась. И что на это сказать-то?..

- Я понимаю причины, побудившие вас к нему, - осторожно проговорила Зина, чувствуя, что ступает на зыбкую почву. Тем временем, карету уже подали, и герцог повёл девушку в обратном направлении.

- И вам не хотелось... ещё раз встретиться со мной? - прошептал герцог, опалив горячим дыханием её щеку. Зина в ужасе шарахнулась в сторону: это что ещё за ерунда?... В книге такого не было!

- Простите, милорд, - пискнула Зина, пятась от герцога, - мне правда пора домой. Думаю, вы будете счастливы с вашей невестой, она прекрасная девушка.

- А вы? Вы будете счастливы? - герцог Ланттарский перегородил Зине дорогу к карете, продолжая наступать на неё, так что девушка пятилась теперь в сторону входа в замок.

- Ну.. Когда-нибудь... непременно... - лепетала Зина, не понимая, что происходит, и мечтая, чтобы странный герцог уже оставил её в покое. Уперевшись спиной в стену замка, девушка застыла, испуганно глядя на нависающего над ней мужчину.

- Уж не с графом ли Даниятским? - ядовито спросил Кастлер Оделл, и вдруг одной рукой обнял её за талию, резко притиснув к себе, а второй обхватил её затылок, одновременно обжигая губы поцелуем.

Зина замерла и от растерянности даже не сопротивлялась. Да и поцелуй не был таким уж неприятным - чего скрывать. Вот только того, что произошло в следующую минуту, не ожидали ни герцог, ни сама Зина: двери замка отворились, и на улицу, щебеча, выплыла толпа дам. Видимо, решили прогуляться и подышать свежим воздухом, устав от духоты. И Милена была среди них.

Герцог резко отпрянул от Зиной - но, увы, скрыть то, чем они занимались только что, было нереально. Леди замерли, в изумлении глядя на них, а Зина, воспользовавшись всеобщим замешательством, кинулась к своей карете. Оказавшись внутри, с ожесточением отёрла губы платком - тем самым, что тысячу лет назад дал ей герцог Монтеберский. Карета стремительно везла её к дому, а Зина мысленно чертыхалась: автор снова отомстил ей за нарушение сюжета. Этой сцены в романе не было. Вернее, была похожая сцена, но там Эжени сама вешалась на герцога, и увидела их только одна Милена. А здесь их видела добрая половина высшего света! Кажется, теперь репутация Эжени де Лавиньяк окончательно погублена! И всё из-за этого

мутного главного героя, будь он неладен. И ведь это после того, как она почти убедила главную героиню, что никаких видов на её будущего мужа не имеет! Теперь Милена точно никаким её словам не поверит. Да и с клиентками, по-видимому, придётся попрощаться: кто захочет поддерживать общение с такой легкомысленной особой?

Зина в ярости попинала сиденье напротив, представляя, что пинает герцога Ланттарского в коленную чашечку. Почему? Ну, почему из-за идиотизма главного героя должна страдать она, Зина? А она его, кобеля, ещё защищала перед невестой!

Да, всё-таки не стоило идти против сюжета, но как же ей было сдержаться в такой ситуации? Ладно, впереди традиционный летний бал у короля, так что Зина подумает над тем, как исправить впечатление и всё-таки наладить поток клиентуры.

Глава 14

На следующий день Зина проснулась ближе к обеду. Проснулась, но встать не стала. Она лежала, вспоминая всё произошедшее накануне - и ощущала, как на неё наваливается усталость и безнадёга. Что бы она ни делала в этом мире - всё оборачивается против неё! Какой смысл тогда пытаться что-либо делать? Лучше она останется здесь, в спальне - и просто дождётся, когда за ней придут, чтобы отправить её в монастырь или куда-нибудь ещё. Не хочет она участвовать во всём этом - не хочет, и не будет! Роман, который ей во время прочтения показался интересным и понравился, сейчас откровенно раздражал и пугал. Словно Зина попала в кошмар, из которого не выбраться. Чем она это заслужила, за что?

Её мысли переместились к главному герою. Хорош, и целуется неплохо, хотя Зине особо и сравнивать было не с кем. Но он - жених главной героини! И у них в финале должен быть хэппи-энд, "и жили они долго и счастливо" - если по-русски. При этом в романе главные герои оба были симпатичны Зине, и сейчас она испытывала такое чувство, словно целовалась с женихом подруги. Омерзительно, аморально, неправильно! Почему герцог так поступил? Понятное дело, что он пока еще не любит Милену, но ведь полюбит же! Зачем он создаёт такие проблемы? Они ведь расстались с Эженией, что ему еще

от неё надо? Видимо, всё из-за того, что сюжет должен идти так, как задумано: и, если Эжения сама не вешается на герцога, то герцог будет приставать к Эжении - так или иначе, а их постоянно будут видеть вместе, и все попытки Зины обеспечить себе алиби, обречены на провал.

С такими невесёлыми думами Зина и провалялась весь остаток дня в постели. Обед и ужин ей приносили в комнату, Мила справлялась, не надо ли вызвать доктора, но Зина отмахивалась: врач тут вряд ли поможет. А на другой день произошло нечто, что заставило немного отступить охватившую Зину апатию.

Дана после завтрака постучалась к ней, и, получив разрешение войти, зашла и сообщила, что её желает видеть граф Даниятский. Раздумывала Зина около минуты, затем попросила девушку проводить графа в гостиную и сказала, что скоро спустится.

Так как Дана ушла заниматься гостем, а Мила где-то бегала, то Зина умылась и оделась самостоятельно: в конце концов, без корсета это было довольно легко. Признаться, мотивов увидеть графа у неё было несколько: во-первых, тот всегда умудрялся поднять Зине настроение - а это то, в чём девушка сейчас остро нуждалась, а во-вторых, граф мог послужить источником сплетен. Зине очень хотелось знать, что говорят в обществе относительно их с герцогом поцелуя. Самого поцелуя, впрочем, никто не видел - только их самих, стоявших рядом, растерянных и пытающихся отдышаться. Но догадаться о произошедшем было нетрудно. Так что знать, что болтают в обществе, Зине было необходимо.

Граф сидел в своей излюбленной позе - закинув ноги в сапогах на чистый пуфик, но в этот раз Зина даже не обратила на это внимания. При её появлении граф вскочил, коротко поколонился и вперил в неё внимательный взгляд.

- Миледи, вы сегодня очаровательны! - Произнёс мужчина явную лесть, ибо Зина была в домашнем платье, без косметики и с наскоро закрученными в узел волосами. Впрочем, при внешности Эжении, любой её вид можно назвать очаровательным.

- Чем обязана, граф? - сразу после приветствия спросила Зина.

- Да вот, до меня тут дошло, будто слухи о вашем расставании с известным нам обоим герцогом, несколько преувеличены. Зашёл из

первых рук узнать, так ли это? - Граф улыбался, но глаза были серьёзными.

- Это не так. Нас с герцогом ничего не связывает, - твёрдо ответила Зина.

- Вот как, - протянул Леопольд, - чем же тогда объясняются ваши поцелуи по углам?

Зина вспыхнула.

- Простите, граф, но я не обязана перед вами отчитываться! Герцог помолвлен, так что между нами ничего нет и быть не может. И если сам герцог считает иначе - это исключительно его проблемы!

- Ого, - удивился граф Даниятский, - даже так? Ну, тогда у герцога удивительный талант делать собственные проблемы проблемами других людей...

- Точнее и не скажешь, - устало вздохнула Зина, присаживаясь на диван напротив гостя. Граф тоже сел - в то самое кресло, где сидел до этого. Некоторое время они молчали, при этом Зина раздумывала, как бы вытянуть из графа подробности того, что про неё говорят сейчас в свете, а граф разглядывал Зину с таким видом, словно решал какую-то сложную головоломку.

- Вы не поделитесь, что конкретно говорят?.. - начала Зина и одновременно с ней заговорил и Леопольд:

- Что вас тревожит, графиня? Я могу помочь?

Они переглянулись и улыбнулись, затем Зина сказала:

- Да вот это самое и тревожит. Что теперь обо мне говорят в свете?

- С каких пор вам до этого есть дело? - удивился граф.

- С тех пор, как от этого зависит моё финансовое состояние, - проворчала Зина-Эжениа.

- Это как? - заинтересовался Даниятский.

Зина же окинула взглядом графа с головы до ног, особое внимание уделив его длинным, ниже плеч, светлым волосам. После чего загадочно и несколько коварно улыбнулась:

- Граф, вы же хотите поднять мне настроение?

- Больше всего на свете!

- И хотите узнать, что именно я имела в виду?

- Разумеется!

- Тогда пойдёмте со мной.

Заинтригованный граф без лишних вопросов поднялся и последовал за хозяйкой дома. Однако граф Даниятский не был бы собой, если бы не ввернул ехидно:

- Если мы идём в спальню, то должен сообщить, что мы прошли лестницу на второй этаж.

Зина на это лишь закатила глаза и распахнула перед графом дверь, ведущую в уже полностью обустроенный парикмахерский салон.

- Ммм... милый будуар, - отозвался граф, оглядываясь по сторонам и явно недоумевая, что он тут делает.

- Присаживайтесь, граф, - сказала Зина, отодвигая от одного из столиков кресло.

- Зачем? - подозрительно спросил герцог, покосившись на зеркало и лежащие на столике расчески и средства для ухода за волосами.

- Будем делать вам интересную причёску! - Бодро призналась Зина. - Сейчас это единственный способ поднять мне настроение, а вы уверяли, что желаете этого больше всего на свете.

- Графиня, - в замешательстве произнёс Даниятский, - я, конечно, не против почувствовать ваши пальчики в своих волосах, но как-то иначе себе представлял обстоятельства, при которых такое могло бы произойти. Может, не надо?

- Не бойтесь, граф! Смелость украшает мужчину! - подзадорила его Зина, на что граф оскорблённо вскинулся:

- Вы подозреваете меня в трусости?

- Ни в коей мере! - отозвалась Зина. - Иначе бы даже не подумала предложить что-то подобное. Я уверена, что вы храбрый человек, и не побоитесь рискнуть.

Пойманный в ловушку граф рассмеялся и всё-таки сел, а Зина приступила к тому, о чём мечтала еще с первой встречи с Даниятским: к созданию его причёски. Зина с первого же взгляда поняла, что миловидному графу не хватает некоторой брутальности в образе: он выглядел едва ли не ангелочком со своими правильными чертами лица, светлыми волосами и серыми глазами. Обычно граф собирал волосы в хвост или носил распущенными, но Зина своим профессиональным взглядом определила, какая причёска ему пойдёт больше. В итоге Зина сделала графу с левой стороны брейд-висок: три косички, которые начинались от височной доли, шли вдоль головы до середины уха, а

потом свободно свисали вместе с остальными прядями волос. Для объёма Зина вплела в косички серую шелковую пряжу - предлагала красную, но граф заупрямился и сказал, что на такие эксперименты пока не готов. Когда Зина закончила, она дала графу полюбоваться своим новым образом.

- Ну, как? - спросила девушка, с любопытством ожидая реакции.

- Интересно, - разглядывая себя в зеркале, протянул Даниятский. - Я похож на пирата.

- Не хватает серьги в ухе, - согласилась Зина.

- Пожалуй, мне нравится, - развернулся к ней Леопольд и широко улыбнулся. - Но при чём тут ваше финансовое состояние?

- При том, что вам, как другу, я оказала услугу бесплатно, а остальные клиенты будут её оплачивать, - гордо произнесла Зина, а блондин нахмурился.

- Только не говорите, - начал медленно он, - что вы собираетесь собственноручно делать причёски леди и лордам? Вы понимаете, что это куда более неприлично, чем то, что о вас говорят сейчас?

- Успокойтесь, граф, - легкомысленно пожал плечами Зина, - я не буду делать причёски сама - для этого у меня есть горничные. Для вас было сделано дружеское исключение.

- И я ценю это, - легко поклонился граф. - Что касается вашего вопроса, то вы и сами, наверняка, представляете, о чем говорят в свете. Вы теперь - разлучница, бесстыдница, а графиня Траутская - несчастная жертва.

- Надо же, - горько хмыкнула Зина. - Еще день назад они готовы были загрызть эту "несчастную жертву" - только за то, что она не местная.

- Обстоятельства изменились, - пожал плечами Леопольд.

- Граф, - начала Зина и замялась, - а я могу вас попросить об услуге? По-дружески.

- Я вас слушаю.

- Если вы согласитесь, то поможете мне восстановить репутацию. Пожалуйста, вы можете пустить слух, что мы с вами встречаемся?

Последние слова Зина выпалила, не глядя на графа - ей было неловко от такой просьбы. Граф же в ответ расхохотался:

- Обычно такие слухи только портят репутацию леди, о том, чтобы спасти её подобным образом, я до сих пор не слышал. Но зачем

же ограничиваться слухами, миледи? Мы ведь можем и в самом деле...

- Нет! - Резко ответила Зина. - Простите, граф, но нет. Эту тему мы закрыли, и я не желаю к ней возвращаться. Я не буду вашей любовницей. Согласны помочь - спасибо, нет - ничего страшного, что-нибудь ещё придумаю. Но на этом - всё.

Граф Даниятский несколько мгновений рассматривал Зину с задумчивым интересом, после чего сказал:

- Для меня честь, миледи, что вы выбрали меня для помощи в столь деликатном деле. Я вас не подведу.

- Спасибо, милорд, - выдохнула Зина с облегчением.

- Должен же я отблагодарить вас за причёску, - тряхнул Леопольд своими косичками и улыбнулся.

- Вы по-прежнему можете собирать волосы в хвост, - сказала Зина, переключаясь на деловую волну, - так ваша причёска тоже будет интересно смотреться.

После ухода графа Даниятского, Зинину апатию как рукой сняло. Настроение было на высоте: Зина верила, что граф сможет должным образом пустить слухи - так что, скоро к ней начнётся паломничество из леди, желающих получить не только интересную причёску, но и свежие сплетни из первых рук.

Глава 15.

Решив, что нечего хандрить и раньше времени сдаваться, Зина позвала своих горничных и предложила им заняться подготовкой материала: пряжу надо было превратить в подобие волос. Зине повезло, что смотана была пряжа именно в мотки, а не в катушки - это существенно облегчало и ускоряло процесс. Будь пряжа просто намотана на катушку, пришлось бы отмерять отрезок нитки длиной около двух метров, обрезать - и отмерять следующий. Так на каждую прядь тратилось бы довольно большое количество времени. Но мотки были скручены так, что Зина без труда разматывала весь моток, оставалось только разрезать его с одной стороны - и в руках у девушки оказывалась прядь длиной около метра - в сложенном состоянии, а если вытянуть, то как раз метра два и получалось. Но для вплетения в причёску нужна была именно сложенная вдвое прядь - так её легче

крепить и она не будет вылезать из причёски. Поэтому и отрезки такие длинные были бы нужны, что их всё равно потом складывать вдвое.

Частично девушки уже успели поколдовать над пряжей, ещё до приёма - именно эти заготовки использовала Зина для своей причёски и для причёски графа Даниятского. Но основная работа была еще впереди - и за неё Зина взялась вместе с горничными. Аристократов тут, кроме неё, нет - так что и осудить её за это некому. А то, что никто из слуг особо не удивлялся, что графиня работает наравне с ними, наводило Зину на мысль, что, какой бы ни была Эжения, а снобизмом она точно не страдала. И работать ей приходилось частенько, помогая слугам. Вообще, чем больше Зина узнавала о жизни своей предшественницы, тем больше та вызывала у неё симпатии. Настолько, что, если бы Зина сама в то утро не проснулась в постели герцога, она бы решила, что и слухи об их романе - всего лишь сплетни, не более. Но Зина понимала, что это она мыслит иначе, поскольку пришла из другого, более развитого мира, а живи она тут изначально - неизвестно, смогла бы найти другой источник дохода. И ведь Эжения не уволила ни одного слугу и не понизила им жалование ни разу с того времени, как получила в своё пользование этот дом вместе со слугами от покойного супруга. Даже наоборот - регулярно поднимала зарплату в соответствии с ростом цен, что можно было чётко проследить по аккуратно заполненным бухгалтерским книгам.

Конечно, можно предположить, что привыкшая к роскоши графиня просто не желала остаться без слуг, но Зина видела в этом прежде всего ответственность. Ответственность начальника перед подчиненными, которую и в её мире нечасто встретишь.

Весь этот день и следующий Зина и её помощницы занимались подготовкой материала. Войлочную шерсть тоже делили на пряди и развешивали на специальной стойке с крючками - её Зине сделала на заказ. Вторая стойка, с крючками по бокам, служила для натягивания нити, на которой будут плестись афрокосы и сенегалки. Зина решила, что лучше всего сделать заранее более объёмные сенегальские косы, которые называются мамбо-твисты, и которые, если уложить в высокую причёску, будут весьма интересно смотреться, а главное - это вполне впишется в местную моду. В который раз девушка пожалела, что в этом мире нет канекалона - этот материал подошёл бы для её задумки гораздо лучше. Но придётся исходить из того, что есть. Увы,

тонкая шелковая пряжа тут не подойдёт, придётся съездить за шерстяной пряжей - видела Зина и такую, притом как раз таких оттенков, которые ближе всего к цвету наутральных волос. И чего сразу не купила? Но вот что-то не сообразила в тот момент, сгодится ли ей такая пряжа, хотя отметку в голове всё же сделала.

А на третий день после визита графа Даниятского потянулись первые любопытные клиентки. Зина не знала, как действовал граф, пытаюсь убедить общество, будто у них роман - но это сработало.

Первой заявила виконтесса Адальги - да не одна, а с маменькой. Кажется, сама Эжения была с ними знакома, но не близко, а Зина знала обеих только благодаря остроумным комментариям графа Даниятского во время ужина на приёме у герцога. Гости усердно делали вид, что зашли просто попить чаю, но вот за чаем всячески старались повернуть разговор в сторону интересующих их тем.

- Ах, у вас была тогда такая интересная прическа! - воскликнула виконтесса, когда речь зашла о недавнем приёме.

- Да-да, - подхватила её мать, баронесса Шанси. Обе женщины были замужем, так что фамилии и титулы носили разные, но вот фамильное сходство было налицо - обе светлокожие, светловолосые и склонные к полноте.

- Меня еще тогда заинтересовало, что за цветные пряди были в ваших волосах? - продолжала виконтесса Адальги. - Это так необычно!

- И представьте наше удивление, - вмешалась мать виконтессы, - когда на приёме у вдовствующей герцогини Илианской мы заметили у графа Даниятского в волосах точно такие же пряди! Да и прическа у него на этот раз была такая необычная... Прямо как ваша...

Зина усмехнулась про себя таким явным намёкам, но внешне старалась сохранять невозмутимость.

- Скажите, графиня, это ведь не совпадение? - вкрадчиво поинтересовалась младшая из женщин.

- Нет, это не совпадение, - спокойно улыбнулась Зина, поднося чашку с чаем ко рту.

- Ох, милая! - Всплеснула руками старшая. - Но ведь не собираетесь же вы помогать с прическами и мужчинам? Это неприлично!

- Разумеется, не собираюсь, - всё так же спокойно ответила Зина. - Для графа было сделано исключение - ввиду его особого для меня положения, если вы понимаете, о чём я.

Женщины закивали головами, показывая, что да, понимают. Зина же едва сдерживалась от смеха: и ведь не сказала же ни слова неправды: она действительно сделала для графа Даниятского исключение в виду его особого положения - по дружбе, то есть. Остальное леди прекрасно додумали сами.

После этого гости изъявили желание опробовать на себе таланты горничных графини Синопской, так что Зина проводила их в салон, и, выслушав их пожелания, предложила дамам на выбор несколько вариантов прически и несколько расцветок искусственных волос, которые им вплетут в прически. Когда леди определились, Зина оставила их на попечение своих горничных, а сама поспешила в кабинет - убрать туда красивый гранатовый гарнитур и простое на вид золотое колечко с мелким бриллиантом. И то, и другое было замаскированной под подарки платой за услугу. Первый заработок Зины в этом мире. И гарнитур, и кольцо не выглядели так уж дорого, но это было не так важно, как то, что схема работает. Зина надеялась, что новые причёски этих двух леди сделают ей дополнительную рекламу и привлекут новых клиенток. А причёсок Зина знает много разных - и практически в любую можно вплести канекалон - ну или то, что его заменяет.

В этот же день Зину-Эжению посетила одна из её "подруг" - Лилиан де Бокенфорт. Лили тоже напросилась на причёску, выпытала у Зины, действительно ли та переключилась на графа, и даже подарила в благодарность набор шпилек для волос с изумрудами. Хотя Зина думала, что маркиза воспользуется тем, что они вроде как подруги, и ничего не заплатит. Сам набор Зине понравился, пусть личность дарительницы приятной и не была. Девушка не сомневалась, что подруги отправили Лили на разведку, как самую общительную. Что же, они не будут разочарованы.

В течение нескольких следующих дней к ней приходили леди разных титулов и возрастов - юные девушки, замужние дамы, благородные вдовы... И всем хотелось двух вещей - новую причёску и подробности романа Зины и графа Даниятского. Разумеется, никаких

подробностей Зина не сообщала - да и сообщать-то было нечего - а просто наводила тумана, позволяя гостям домысливать всё самим - и те превосходно справлялись со своей задачей. И после каждой гостии оставался приятный драгоценный сувенир, который Зина убирала в сейф, думая о том, что, если так пойдёт и дальше, то придётся либо заказывать еще один сейф, либо продавать часть драгоценностей уже сейчас.

Безмерно удивила Зину своим визитом маркиза Матрона ди Ширле - та самая "заступница" Милены, которая по роману стала для главной героини кем-то вроде старшей мудрой подруги. Эжению в романе та откровенно недолюбливала - потому Зина и была так удивлена её приходом. Еще больше девушка удивилась, когда маркиза не стала у неё выпытывать сплетни о её якобы романе, а в благодарность за причёску протянула не украшение, а мешочек с золотом - небольшой, но всё же.

На вопросительный взгляд Зины, маркиза ди Ширле лишь отмахнулась:

- Милая моя, я прекрасно понимаю, что вам нужны деньги, а не эти безделушки. Я сама вдова, и знаю, каково это. Так что, считайте, что я просто сэкономила вам время, которое вы потратили бы на реализацию очередного кольца или ожерелья.

Постепенно поток посетительниц иссяк, а заодно и близилось время летнего королевского бала. Зина не сомневалась, что многие леди придут с новыми причёсками - конечно же, не теми же самыми, что им сделали Зинины горничные, но похожими - и с той же вплетенной в них пряжей. Прически, которые сделали дамам Мила и Дана так долго не продержались бы - а потому Зина была уверена, что тем же вечером каждая леди дала строгий наказ своей горничной: разобрать причёску и понять, как её сделать снова. И времени для тренировок до бала было вполне достаточно. Но Зина не переживала за то, что её знаниями воспользуются - она за это уже получила неплохую цену. Кроме того, для предстоящего бала Зина задумала кое-что новенькое, что могло не только заинтересовать, но и, даже, вероятно, шокировать местную публику. Зина сомневалась: она не была уверена до конца в том, что общество примет благосклонно её новый облик, но готова была рискнуть.

Глава 16

Накануне бала Мила и Дана в четыре руки плели Зине косички. До этого Зина подробно рассказывала и показывала девушкам, как плести афрокосы, как делить голову на зоны, как закреплять кончики. Повезло, что опыта у горничных в отношении причесок - в том числе и по части косичек - было не занимать, потому они сразу, после нескольких тренировок, взялись заплетать хозяйку. И, хоть плели они вдвоём, но всё равно процесс занял несколько часов. Вплетали они по просьбе Зины шелковые пряди нежного персикового цвета. С её натуральным цветом они смотрелись весьма гармонично, да и переход от одного цвета к другому получился плавным.

Постарались девушки на славу - так решила Зина, когда увидела себя в зеркале. Афрокосы ей в этом теле очень шли. Но, поскольку, в таком виде её причёска показалась бы местным странной и вызывающей, то Зина попросила заплести множество маленьких косичек в одну большую. А на следующий день, перед балом, уложить их в высокую элегантную причёску.

Платье для королевского бала Зина всё же решила сшить новое - нехорошо перешивать старые наряды для такого значительного события: всё-таки там будет сам король! Да и деньги появились - так почему бы и нет.

Госпожа Лавиния на этот раз превзошла саму себя: в бледно-розовом кремовом платье Зина-Эжения выглядела юной и невинной. Пожалуй, сплетницы рискуют испытать когнитивный диссонанс при виде неё: коварная соблазнительница, меняющая любовников как перчатки - и в образе нежного цветка. Впрочем, причёска несколько выбивалась из этого образа: мелкие косички, аккуратно разделенные пробором и поднятые к макушке, где были сплетены в большую косу, скрученную в "бублик" и закрепленную шпильками - выглядели несколько провокационно. Мила и Дана признались, что со стороны кажется, будто вместо волос у миледи - маленькие змейки. Так что образ получился двояким - нежная роза внизу, Медуза Горгона - сверху. Но самой Зине безумно нравилось, как она выглядит.

Дорога до королевского дворца заняла меньше времени, чем до герцогского замка - сам дворец находился в центре города, но Зина в этой части города еще не была. Вокруг дворца была зелёная зона: позади располагался парк, а спереди шла широкая подъездная дорога, по обеим сторонам которой был аккуратно выстриженный газон, по которому в причудливом порядке были разбросаны цветочные клумбы и кусты в виде разных интересных фигур - в основном, птиц и животных.

Вообще, дворец Георга Второго Понтаклера напоминал Зине с виду Букингемский дворец, фото которого было изображено на календаре, что висел над её рабочим столом. И, надо сказать, что дворец ей понравился куда больше "хищного" замка герцога Ланттарского.

Внутри дворец поражал своим великолепием: Зина ни разу в своей жизни не была в музеях, которые прежде служили царской резиденцией - слишком уж далеко она жила от столицы, но зато много раз видела их по телевизору. Но по телевизору - совсем не то, что вживую. Столько золота, блеска, роскоши! Натёртые полы сверкали - и Зина ступала по ним очень аккуратно, боясь поскользнуться.

На этот раз в дверях её встретил церемониймейстер, и громогласно объявил её титул и имя. Зина увидела множество лиц, обращенных к ней, и смутилась. Но затем вспомнила, что сейчас она графиня и должна изображать холодную аристократку - а потому расправила плечи и спокойно прошла в зал. Следом за ней прибыла какая-то супружеская чета - Зина поняла лишь, что это были маркиз и маркиза, а вот имён не запомнила. С этой парой Зина знакома не была. Зато к ней уже спешили через весь зал поздороваться три неразлучных подруги. Зина сделала вид, что не видит их, и двинулась в противоположную сторону, надеясь, что те отстанут.

В том, что маршрут ею был выбран неверно, Зина убедилась почти сразу: навстречу ей с решительным видом шагал герцог Ланттарский. Зина замерла посреди зала, не зная, что предпринять, оказавшись буквально меж двух огней. В итоге всё решило то, что шаг герцога был явно шире, чем семенящие шажки разодетых леди - да и находился он ближе. Словом, герцог оказался подле Зины первым - и той не оставалось ничего другого, как присесть перед ним в реверансе. Герцог же, в свою очередь, поймал её руку и приложился к ней губами,

из-за чего Зина испытала сильнейшее желание выдернуть у него из рук свою ладонь и обтереть о платье. Девушка не забыла, насколько зла на главного героя, чьими стараниями была испорчена её репутация.

- Миледи, - произнёс Кастлер Оделл, заглядывая ей в лицо.

- Милорд, - в тон ему ответила девушка.

- Пройдёмся? - предложил мужчина, подавая ей руку - и Зине не оставалось ничего иного, кроме как воспользоваться предложением. Тут же перед глазами всплыла та сцена в саду, когда герцог Ланттарский точно так же предложил ей прогуляться - и что за этим последовало. Радовало Зину только то, что при таком скоплении народа герцог не решится повторить свой подвиг с поцелуями.

- Я должен просить у вас прощения, Эжениа, - повинно склонив голову, негромко проговорил Оделл. - Я не знаю, что на меня нашло. Кажется, я приревновал вас к Даниятскому.

- Вы же сами дали мне отставку, милорд, - напомнила Зина, возмущаясь поведением герцога до глубины души. Да, отставку он давал Эжениа, но то, как он это сделал, довелось услышать именно Зине. И Зина возмущалась тому, как грубо и холодно мужчина обошёлся с бывшей любовницей. А теперь, он, видите ли, приревновал! - Смею напомнить, что вы помолвлены, и у вас нет права на ревность в отношении меня.

- Я это понимаю, - глухо ответил герцог, - и прошу у вас прощения. Я не имел права ни ревновать вас, ни целовать, ни - тем более - подвергать вашу репутацию угрозе.

- Вы не подвергли её угрозе, вы её уничтожили! - Зина не собиралась спускать мужчине то, что едва не угробило её надежду на нормальную жизнь в этом мире. - Только благодаря благородству графа Даниятского - того самого, от кого вы меня пытались предостеречь - мне удалось исправить то, что вы натворили!

Герцог на это лишь скрипнул зубами, но возражать не стал.

- Я уповаю лишь на то, что однажды вы сможете простить мне мой неосмотрительный поступок, - смиренно ответил Оделл, и, неожиданно остановившись, повернулся лицом к Зине, всматриваясь в её глаза и словно что-то ища в них. - Скажите, как я могу загладить свою вину? Чего вы хотите? Бриллиантовое кольцо? Личный экипаж? Еще один дом в столице?

- Нет! - отшатнулась от него Зина. - Бога ради, не надо никаких подарков от вас! Вы что же, хотите, чтобы о нас с вами снова пошли слухи, которые я с таким трудом старалась пресечь? Да вы издеваетесь, милорд! Если хотите знать, что вы можете для меня сделать, так я скажу: оставьте меня в покое! Не смотрите на меня, не разговаривайте со мной - вообще не подходите. И займитесь, наконец, своей невестой - вы сильно её оскорбляете своим интересом ко мне, а ведь она знает о наших прошлых отношениях! Если вы ничего не предпримете сейчас, то вас обоих ждёт долгая несчастливая жизнь. Однако в ваших силах это изменить и сделать так, что этот брак станет самым счастливым событием в вашей жизни!

Герцог Ланттарский смотрел на Зину так, словно впервые её видел - собственно, в какой-то мере так оно и было, ведь до этого, общаясь с девушкой, он видел в ней Эжению. А сейчас Зина приоткрыла свою настоящую личность, желая дать понять герцогу, насколько он не прав. И Кастлер Оделл с изумлением слушал эту гневную отповедь от той, от кого он её ожидал в последнюю очередь.

А между тем, Зина знала, о чём говорила: она видела за спиной герцога, какими глазами следила за их беседой Милена. Даже на расстоянии можно было понять, что девушка в отчаянии, хоть и пытается изо всех сил сдержаться. Зина помнила из книги мысли главной героини по поводу своего навязанного брака: она надеялась, что они с мужем полюбят друг друга, как это вышло у её родителей. Практически вся знать в то время женилась именно так - и, глядя на количество счастливых и несчастливых браков в этом мире, Зина могла бы сказать, что не видит особой разницы в том, создаются браки по любви или по договору. Стоит только вспомнить, сколько разводов было в её собственном мире - а ведь все эти люди когда-то добровольно вступали в брак и даже думали, что любят друг друга. Но любовь, настоящая - приходит со временем, и не все чувства могут выдержать испытания браком. Так и в договорных браках: кто-то смиряется с судьбой и старается получше узнать и полюбить того, с кем ему предстоит провести жизнь, а кто-то предпочитает клясть судьбу и обращать негативные эмоции против навязанного спутника жизни, не понимая, что тот - такой же заложник обстоятельств. Люди

сами выбирают, как им жить - в любви и мире, или в ненависти и страданиях.

И вот сейчас, глядя в зеленые глаза Милены, Зина понимала, что девушка на грани. По сюжету, Милена, уверившись в равнодушии и "гулящей натуре" своего будущего супруга, решит разорвать помолвку. Правда, по книге, герцог к тому моменту будет в неё уже влюблён, и не отпустит девушку. Зина же видела, что Милена уже близка к решению о разрыве помолвки, а вот герцог ещё даже не начал влюбляться! И это была настоящая катастрофа! Зина боялась даже думать о том, что будет, если сюжет пойдёт не так, как было задумано автором. Потому и постралась сейчас подтолкнуть герцога к правильному решению. И, судя по задумчивому взгляду, который тот обратил на свою невесту, Зине всё же удалось до него достучаться.

Раскланившись с ней, Лантгарский поспешил к Милене, а Зина облегченно выдохнула.

- Bravo, какая страстная речь, она даже меня не оставила равнодушным! - Раздался над её ухом жаркий шёпот. Зина подпрыгнула на месте от неожиданности, едва удержавшись от вскрика. Обернувшись, недовольно просверлила взглядом графа Даниятского.

- Граф! Вам нравится подшучивать надо мной? - сердито спросила Зина.

- Очень! - Откровенно смеясь, ответил Даниятский.

- Значит, подслушивали? - прищурилась Зина.

- Ни в коем случае, - отозвался этот прохвост, - контролировал.

- Что именно контролировали?

- Чтобы никто вас случайно не услышал, конечно же, - невозмутимо отозвался граф. - А то желающих было довольно много.

- О! - не нашлась, что ответить Зина.

- Да-да. Вы ведь назначили меня хранителем вашей репутации, графиня - я не мог вас подвести, - граф Даниятский откровенно паясничал, но, учитывая, сколько он при этом для неё сделал, Зина не сердилась. В который раз она подумала, что за маской этакого шутника и повесы, скрывается иная личность - более серьёзная, что ли. Да и те внимательные взгляды, которыми он время от времени её одаривал, говорили о том, что этот мужчина далеко не так прост, как хочет казаться.

С графом они проговорили ровно столько, сколько было нужно, чтобы поддержать на уровне слухи об их романе. После чего Даниятский вынужден был её покинуть, так как не являлся её спутником на этом балу и не мог находиться всё время рядом. И в этот момент церемониймейстер объявил:

- Король Конкордии Георг Второй Понтаклер и Королева Марселия!

Все мужчины тут же склонились в поклонах, а все леди присели в глубоком реверансе - и Зина поспешно повторила за ними. Минуты полторы-две - пока венценосные супруги шли через зал и усаживались на специально установленных на возвышении тронах, никто не смел разогнуться. Наконец, король дал на это своё высочайшее позволение, и Зина с облегчением выпрямилась, после чего с интересом уставилась на короля с королевой. Она сразу заметила, что оба еще очень молоды - едва ли им больше тридцати лет. "Интересно, есть ли у них дети?" - вдруг задумалась Зина, но потом решила, что, если и есть, то еще маленькие, иначе присутствовали бы на балу. Король взирал на своих подданных с благосклонной улыбкой и абсолютным равнодушием в глазах, а вот королева... Королева устремила заинтересованный взгляд на Зину.

"Черт! - Выругалась про себя девушка. - Только монаршего внимания мне и не хватало для полного счастья! Что же я заинтересовала королеву Марселию? Неужели и до неё дошли сплетни о многочисленных любовниках Эжени?"

Однако думать на эту тему ей было некогда: церемониймейстер объявил начало бала и её уже спешил пригласить на танец первый кавалер. Зина, опомнившись, тут же развернулась, спеша удалиться в противоположную сторону: она так и не придумала, как ей взять хотя бы несколько уроков танцев, так что рисковать не хотела. Опозориться перед королём с королевой - это еще круче, чем на балу у герцога.

Выбрав самый тёмный, на её взгляд, угол зала, Зина вздохнула спокойнее - тут её вряд ли найдут желающие потанцевать с ней.

- Опять прячетесь? - раздался рядом знакомый приятный голос. Взглянув направо, Зина ожидаемо увидела герцога Монтеберского, который приближался к ней с лёгкой усмешкой на губах.

- И вы? - поддержала игру Зина, улыбаясь в ответ.

- Как видите, - развёл руками герцог и улыбнулся шире. - Я могу понять, что вы не желали петь по указу, но почему же вы не танцуете?

- Не было достойного кавалера, - отшутилась Зина. Не говорить же, что она не умеет! Однако, герцог её шутливый тон не поддержал:

- Тогда, возможно, моё приглашение на танец вы примете? - спросил он, предлагая Зине руку, серьёзно глядя ей в глаза. Та, будто зачарованная, вложила свою ладонь в его, в душе приходя в ужас от того, что позволила загнать себя в ловушку. И ведь не откажешь же герцогу! Оставалось надеяться, что ведёт он в танце не хуже Даниятского. Правда, помня о его травме, Зина не была в этом уверена.

Глава 17

Зина и герцог Монтеберский прошли в центр зала и встали лицом друг к другу, держась за руки: её правая рука покоилась в левой руке герцога, а левая, соответственно, в правой. Зазвучавшая мелодия не напоминала вальс, и Зина слегка напряглась, но потом решила расслабиться, доверившись партнёру. Герцог улыбнулся ей, и, развернув её немного в одну сторону, сам, точно так же развернувшись в другую, сделал шаг ей навстречу, не выпуская при этом её рук. Зина автоматически повторила его движение. Затем они синхронно отступили друг от друга, вернувшись на место, а потом повторили всё то же самое, но только в другую сторону. После чего Жак Ванрелл закружил Зину, поймав её на свою правую руку, а затем снова закружил, поймав на левую.

Танец оказался простеньким и очень Зине понравился. Кроме того, Зина поймала себя на мысли, что ей симпатичен герцог. Прикосновение его горячих рук вызывали у девушки волнение, а улыбка, озарявшая его лицо, заставляла что-то дрожать у неё внутри. В танце Зина старалась исподтишка рассмотреть герцога внимательнее - и поняла, что до получения шрама он был довольно красивым мужчиной: крепкий, немного выдающийся подбородок - кажется, именно такие называют "волевыми", губы не тонкие и не полные - средние, но почему-то создавалось ощущение, что они очень упругие, даже твёрдые на ощупь, нос прямой, чуть загнутый книзу, ровные

тёмные брови одного цвета с густой шевелюрой, в которой не было ни единого седого волоска. Из-под бровей сверкали синие глаза - собственный герцогский и искусственный - и в свете множества свечей бальной залы они оба казались живыми и горящими. А ещё Зина сумела разглядеть едва наметившиеся морщинки в уголках глаз и поперек лба. Похоже, что герцог куда моложе, чем показалось ей изначально - ему от силы лет тридцать, может чуть больше. Шрам на левой щеке, начинающийся от скулы и доходивший почти до линии губ, добавлял мужчине возраста. Кстати, шрам Зина тоже рассмотрела - достаточно, чтобы понять, что рану, приведшую к его образованию, не пытались зашивать - именно поэтому шрам и получился такой страшный. Но почему? Вроде бы в нашем мире к этому времени уже знали о том, что если рану зашить, то она заживёт гораздо лучше, да и шрам останется меньше? Или всё-таки нет? Загадка. Как, впрочем, и всё, что связано с этим герцогом.

Несмотря на некоторую хромоту, танцевал мужчина превосходно, так что Зина очень быстро расслабилась в его руках и начала получать удовольствие от танца. Но, где-то уже ближе к концу мелодии, герцог вдруг словно зашнуровался на мгновение и слегка пошатнулся. Зина, испугавшись, что мужчина сейчас упадёт, обхватила его обеими руками - чтобы удержать.

- Что... вы делаете? - сдавленным голосом спросил герцог. Зина же вдруг поняла, что стоит, совершенно неприлично прижавшись к герцогу, уткнувшись лицом в накрахмаленный воротник его рубашки - и обнимает его за талию! Медленно девушка подняла голову и встретилась взглядом с герцогом - и в этом взгляде бушевало столько эмоций, что девушке показалось, будто она попала в шторм. Тут музыка закончилась, знаменуя и окончание танца, и Зина, опомнившись, отпрянула от мужчины, чувствуя, как начинают гореть щеки. Мама дорогая! Да после такого за Зиной точно закрепится слава женщины, меняющей любовников как перчатки!

К чести герцога надо сказать, что он, после короткого замешательства из-за возникшей ситуации, быстро взял себя в руки и проводил Зину на место - и даже ни словом не напомнил о произошедшем. Сама же Зина не знала, куда глаза деть от смущения. С одной стороны, она понимала, что должна объяснить своё поведение, а

с другой - ну как она скажет мужчине, что испугалась, будто он упадёт? Не воспримёт ли герцог это за оскорбление?

Так, в полном молчании они и вернулись в свой укромный угол, который уже перестал спасать от излишнего внимания общества - их провожали взглядами и шептались. Очевидно, что выходка Зины не осталась незамеченной. Девушка нервно кусала губы, когда ощутила вдруг, как герцог легонько сжал её руку.

- Всё в порядке, не надо хмуриться, - тихо прошептал герцог ей на ухо. - Сейчас начнётся следующий танец, и все перестанут на нас смотреть. Потерпите.

Зина с благодарностью взглянула на герцога: хоть она и поставила их обоих в неловкое положение, а герцог всё равно её поддерживает. Конечно, она хотела, как лучше, но вышло так, как вышло...

- Вам лучше потанцевать еще с кем-нибудь, чтобы не бросать тень на свою репутацию, - предложил герцог Монтеберский, серьёзно на неё глядя. И Зина понимала, что он, скорее всего, прав, однако... Однако танцевать она больше ни с кем не хотела - разве что с Даниятским, которого в данный момент нигде не было видно.

- Ой, да что с ней уже будет, с этой репутацией! - отмахнулась Зина. - Вы наверняка уже слышали, что про меня говорят? Думаете, может быть хуже?

- Вообще, кое-что слышал, - при этих словах взгляд герцога скользнул по её волосам, - говорят, будто половина местных дам обязана своими сегодняшними причёсками именно вам. И, глядя на вашу собственную причёску, я склонен этим слухам верить.

- А остальным? - спросила Зина, затаив дыхание. Почему-то ей очень не хотелось, чтобы герцог Монтеберский думал о ней плохо.

- Что касается остальных слухов, - медленно проговорил герцог, - то я предпочитаю верить своим глазам и делать собственные выводы, а не руководствоваться сплетнями. Могу лишь сказать, что для роковой соблазнительцы, которой вас изображает молва, вы слишком часто краснеете. Однако то, как вы меня сейчас обнимали во время танца...

Зина тут же вспыхнула, и герцог негромко рассмеялся:

- Ну вот, я же говорил!..

Девушка сердито фыркнула и отвернулась.

- Не обижайтесь, - примирительно сказал герцог, - я уловил ваш благородный порыв, так что мне не надо объяснять, что и почему вы

сделали. Однако я прошу вас больше так не делать: оставьте мне немного самоуважения - хотелось бы верить, что я вполне способен держаться на ногах без поддержки со стороны прекрасной леди.

- Простите, - опустила Зина вниз вновь запыхавшее лицо, - это вышло рефлекторно. Я не хотела вас обидеть.

- Я понимаю, - мягко сказал герцог, - это полностью моя вина. Нога восстанавливается медленнее, чем мне бы хотелось, но я никак не мог удержаться от удовольствия пригласить вас на танец. Ну, и не рассчитал свои силы.

Зину так и подмывало спросить, что именно с ним случилось, но девушка посчитала, что они недостаточно знакомы для такого вопроса. Однако герцог поднял эту тему сам.

- Вы ведь, наверное, тоже слышали обо мне разные сплетни? - спросил герцог, но с такой интонацией, словно был уверен в этом.

- Конечно, - согласилась Зина.

- И что говорят? - с любопытством спросил Жак Ванрелл. - Не поймите меня неправильно, но мне не от кого узнать, какие слухи ходят обо мне. Мужчины в меньшей степени склонны сплетничать - по крайней мере те, с которыми я общаюсь. А леди с удовольствием сплетничают о других, но стоит их попросить пересказать слухи обо мне, как они начинают жеманничать, и из них и слова не вытянешь.

- Ну, говорят много чего, - протянула Зина, - причём одни слухи противоречат другим.

- Расскажете?

- Сомневаюсь, что вам это понравится, - предупредила Зина. - Некоторые вещи мне даже повторять не хочется.

- Я не вправе вынуждать вас делать то, что вам неприятно. Но всё же мне бы хотелось узнать, хотя бы в общих чертах - чтобы знать, с чем я могу столкнуться.

- Предупрежден, значит вооружён, - задумчиво проговорила Зина. Смысл в словах герцога определённо был.

- Очень точное выражение, - согласился герцог Монтеберский, - слухи - тоже своего рода оружие, которое при должном умении можно неплохо использовать.

- Что ж, - согласилась Зина с аргументами герцогами, - тогда слушайте. Ходят слухи, будто вы убили собственную жену. И этот

шрам оставила вам она, когда защищалась. Но есть и другая версия: в ней вы пытались жену спасти, но вам это не удалось, вдобавок вы и сами пострадали.

- Любопытно, - протянул герцог, - а как же сплетники объясняют тот факт, что я не только не казнён за убийство, но даже не арестован?

- Они объясняют это защитой короля, - нехотя проговорила Зина. Ей не нравилось пересказывать сплетни, но она понимала, что герцог имеет право знать.

- Вот как, - задумчиво проговорил Жак Ванрелл, - и к какой версии склоняетесь вы?

- Ни к какой, - пожала плечами Зина. - Я считаю, что правда известна только вам, остальное - лишь домыслы.

- А вы бы хотели узнать правду? - наклонился к ней герцог, заглядывая в глаза. При этом у Зины создалось отчетливое впечатление, что мужчина вкладывает в этот вопрос гораздо больше, чем несёт в себе сама фраза.

Однако ответить девушка не успела: к ним подошёл Леопольд, граф Даниятский. Раскланившись с герцогом, он увёл Зину танцевать.

- Дорогая, - промурлыкал граф на ушко Зине, кружа её в танце, - вы сводите на нет всю мою работу! Стоило мне отлучиться ненадолго, как по возвращении я узнаю, что вы обнимались с герцогом Монтеберским. При этом я вижу, что вы общаетесь вдвоём и оба выглядите заинтересованно. При таком раскладе никто не поверит, что мы с вами любовники.

- Ну и что, - легкомысленно отозвалась Зина, - свою роль слухи сыграли - у меня теперь полно заказчиц. Так что в слухах больше нет необходимости. Но я от всей души благодарна вам, граф! Кстати, а куда вы отлучались? Я никак не могла вас найти.

- О! Вы меня искали? - Просиял Даниятский. - Это приятно. Что же до вашего вопроса... Джентльмену не пристало распространяться о том, что он уединился в одной из комнат дворца с леди, тем более - в разговоре с другой леди.

И этот прохвост ей подмигнул! Зина только и смогла в ответ, что открыть рот - и тут же его закрыть. Вот ведь бабник! Прямо на королевском приёме! Зина поняла, что даже знать не хочет имени той леди, с которой блондин уединялся. Да она даже о самом факте их уединения знать не хотела!

- Это несколько больше, чем мне хотелось бы знать, - сдержанным тоном высказала всё-таки Зина своё отношение к услышанному.

Леопольд же в ответ весело рассмеялся. Едва танец закончился, по правилам, он должен был отвести Зину туда, где взял - то есть, к герцогу. Но он сделал вид, что безумно хочет познакомить её со своими друзьями - и увлёл девушку в противоположную сторону, шепнув, что слишком долго общаться с мужчиной, не являющимся её спутником - дурной тон. Зина это и сама знала - читала всё же брошюрку по этикету, но как понять, что считать слишком долгим, а что - нет?

С друзьями граф и в самом деле её познакомил - среди них оказались один виконт, парочка баронов и маркиз - на вид, все такие же повесы и прожигатели жизни, как и сам граф. Однако от Зины не укрылся сканирующий взгляд со стороны маркиза - тот выглядел постарше остальной компании и посерьёзней. Имен их запоминать Зина не стала - просто за эти дни на неё обрушилось столько информации, что, казалось, ещё чуть-чуть - и место на "флэшке" кончится. Ну или мозг вскипит.

Немного пообщавшись с друзьями графа, Зина отошла от их компании, поняв, что несколько устала от разговоров. Она рассчитывала отдохнуть в сторонке, но не тут-то было. К ней подошёл лакей и, поклонившись, сообщил, что с ней желает говорить королева.

Глава 18

Подойдя к возвышению, на котором стояли оба трона, Зина вновь присела в реверансе, подумав мимоходом, насколько же проще без всех этих церемоний в двадцать первом веке.

- Встаньте, дитя моё, - красивым и звучным голосом произнесла королева, которая была старше Эжени года на четыре, не больше. Но ей, как королеве, видимо, полагалось считанных подданных своими детьми.

Зина поднялась, вопросительно глядя на королеву Марселию, а та жестом предложила девушке подойти ближе. Зина кинула настороженный взгляд в сторону короля, который тоже сидел на своём троне и со скучающим видом слушал двоих мужчин, которые что-то тихо ему говорили.

"Наверное, это его советники" - подумала Зина, поднимаясь по возвышению и останавливаясь перед королевой.

- Как вы, наверное, знаете, дорогая графиня, - начала королева, - Грандиана считается законодательницей моды. Всё, что потом расходится по городам, появляется сперва в столице, а потом уже во всей остальной Конкордии. И королевский дворец - самое сердце столицы. Именно тут впервые появляются все новинки, будь то фасоны платьев или новые причёски.

С этими словами Марселия окинула взглядом причёску Зины, не оставляя сомнений по поводу того, к чему была эта речь.

- Я рада, - продолжала королева, - что сегодня вы не нарушили это правило. Хотя то, что цветные пряди в волосах появились раньше этого бала, меня огорчает.

- Простите, Ваше Величество, - побледнев, проговорила Зина. Огорчать королеву в её планы точно не входило. - Я не подумала.

- Понимаю, а потому не виню вас, графиня. Насколько мне известно, вас рано выдали замуж, а ваш супруг не слишком стремился показывать публике свою юную жену, а потом еще положенный год траура... У вас не было возможности вникнуть во все тонкости дворцового этикета. Так что считайте это не укором, а намёком - на будущее.

Зина вновь присела в реверансе, благодаря королеву за проявленное снисхождение, в то время как сама пыталась уложить в голове полученную информацию. Значит, Эжения вообще практически не жила светской жизнью до недавнего времени? Зине стало еще больше жаль эту девушку, но, в то же время, она подумала, что на это можно будет списать некоторые странности, которые в её собственном поведении замечали другие люди.

- Ваша сегодняшняя причёска необычна, - продолжила королева, - но вам идёт. А эти цветные пряди выглядят так ярко.. Поделитесь секретом?

Зина не посмела ответить королеве отказом:

- Разумеется, Ваше Величество. Это просто шёлк, цветная шёлковая пряжа, вплетённая в косы.

- Пряжа! - Воскликнула королева. - Кто бы мог подумать? Ни одной нашей моднице и в голову бы не пришло использовать в причёсках

такой материал. Да что там: многие леди, как мне кажется, даже слова такого не знают.

На этих словах королева улыбнулась, но Зину не отпустило напряжение. Она ждала подвоха.

- Должно быть, ваши горничные очень искусны, - продолжила Марселия, не дождавшись от Зины какой-либо реакции, - эти косички - такая тонкая работа...

- Да, они отличные мастерицы, - согласилась Зина.

- И как им в голову пришла такая причёска? - продолжила допытываться королева.

- Ваше Величество... Эти причёски придумала я, - решила всё-таки признаться Зина, опасаясь, как бы королева не отобрала её горничных. Да и протекция королевы могла принести пользу её салону, - а мои горничные оказались вполне умелыми, чтобы понять, что от них требуется.

Рассказывать королеве о том, что сама учила и даже заплетала своих горничных - чтобы показать, как это всё выглядит, Зина не стала. Вряд ли королева это поймёт.

- Вы весьма талантливы, - похвалила её Марселия. - Могу я надеяться, что с этого дня обо всех придуманных вами новинках я буду узнавать первая?

- Конечно, Ваше Величество, - Зина присела в реверансе, надеясь, что на этом аудиенция будет окончена.

- Хорошо. С вами свяжется моя статс-дама - про новинки будете рассказывать ей, а она передаст всю информацию мне. Только после этого я дам добро на использование того или иного нововведения. Но, возможно, вам уже сейчас есть, чем поделиться со своей королевой?

Зина видела любопытство, сквозившее в глазах женщины - а Марселия, несомненно, в первую очередь была именно женщина, а уже потом королева. И это чисто женское желание первой ввести в моду новинку - только подтверждало это впечатление. Зине не хотелось делиться своими секретами, но с королевскими особами не спорят - да и всё одно, теперь на всё требуется разрешение и одобрение королевы. Так что особо и выхода нет.

Рассказала Зина о наращивании волос, которое можно осуществить при помощи брейдов и крепления на них прядей или локонов, заикнулась про парики и шиньоны, но, если насчёт париков

королева категорически высказалась отрицательно - оказывается, эпоха париков тут уже была и закончилась сравнительно недавно, то шиньоны вызвали интерес. Леди с не слишком густыми и длинными волосами могли бы заинтересоваться. После отмены париков таким леди приходилось сложнее всего. В основном они использовали накладные косы, закрученные баранкой, и крепили их на шпильки. Но проблема в том, что такие шиньоны легко слетали в самый неподходящий момент.

Узнав о проблеме, Зина предложила ввести моду на короткие женские стрижки вместо пышных причёсок. Марселия хмурилась, не понимая, как коротко обрезанные волосы можно красиво уложить в причёску. Зина, как могла, пыталась объяснить, но выходило не очень. Наконец, королева сказала:

- Я должна это увидеть. Вы сможете это продемонстрировать?

- Смогу, - задумчиво отозвалась Зина, - но не раньше чем через пару недель.

Зина хотела ещё немного поносить свои косички, а потом можно будет их расплести, дать отдохнуть голове, а заодно и сделать стрижку. Всё-таки, для волос и для головы ношение таких косичек - определенная травма, поэтому подходить к этому вопросу стоит с осторожностью. И ни в коем случае не использовать слишком много материала, а тщательно контролировать его вес. Зина даже утащила из кухни весы, чтобы убедиться, что её волосам не будет слишком тяжело нести тот объём пряжи, который она вплела в них.

В общем и целом, обе женщины остались довольны разговором. Зина видела, какие взгляды на неё бросают "подруги" и прочие леди, от которых не укрылось то, как долго с графиней беседовала королева. В большинстве своём, это были завистливые или любопытные взгляды, нашлось также несколько угодливых, а вот доброжелательных было совсем немного, и один из них принадлежал маркизе ди Ширле.

Улыбнувшись, Зина подошла поприветствовать женщину, вызывающую у неё чувство глубокой симпатии и уважения своими прямоотой и честностью. Та, видно, тоже была рада поговорить с Зиной.

Возвращаясь поздно ночью в карете домой, Зина думала, что этот бал, на удивление, прошёл спокойно. А самое главное - не по сюжету книги. По книге Эжениа вынудила герцога Ланттарского потанцевать с ней - и весь танец прижималась к мужчине, что делало начавшую влюбляться в собственного жениха Милену совершенно несчастной. Но Зина не танцевала сегодня с герцогом. Более того - они поговорили, и, кажется, герцог даже что-то понял. По крайней мере, он оставил Зину-Эжениу в покое, и несколько раз Зина видела их с невестой танцующими. Это дарило надежду на благоприятный исход.

Следующие несколько приёмов прошли тоже без особых происшествий. Милену больше никто не травил - казалось, местное высшее общество смирилось с тем, что она станет герцогиней, сама Зина же старалась с Миленой не пересекаться. Во избежание, так сказать. Однако была в этой бочке мёда и своя ложка дёгтя: теперь гадюшник переключился с Милены на Эжениу. Леди не смогли ей простить её успех и внимание со стороны королевы, а также многочисленных любовников, которых приписывала ей молва. Но и открыто ссориться с той, что так легко создавала новые причёски и слыла на хорошем счету у Её Величества, не рисковали. А потому Зине приходилось слушать в свой адрес завуалированные оскорбления и намёки. И отчего-то в её присутствии дамы часто начинали обсуждать то герцога Ланттарского и его предстоящую свадьбу, то новые похождения графа Даниятского, то слухи о жестокости герцога Монтеберского, якобы погубившего свою супругу. При этом леди бросали на неё такие многозначительные взгляды, что не оставалось сомнений, что эти разговоры при ней затевались намеренно.

Но, если к обсуждению предстоящей свадьбы главных героев и к слухам об очередных победах Леопольда Зина относилась равнодушно - а последние её вообще забавляли, то попытки кумушек очернить герцога Монтеберского её откровенно возмущали и злили. Несколько раз Зина порывалась осадить зарвавшихся леди, но сдерживалась, понимая, что именно такой реакции они и ждут. И всё же её не могло не возмущать такое поведение. Как они могут осуждать человека, ничего не зная ни о нём, ни о той ситуации? Зина и сама не знала подробностей, но была уверена, что на подлость - и тем более, на хладнокровное убийство - герцог Монтеберский просто не способен.

Слишком он благороден для этого. Зина вообще не могла представить, чтобы такой, как герцог, мог даже просто руку поднять на женщину - не говоря уже об убийстве. Да и зачем бы это ему? Его первая жена была графской дочкой - но из не слишком богатого рода. Женитба на ней и её последующая смерть не несла герцогу никакой выгоды. Вдобавок, молодая жена умерла раньше, чем успела подарить мужу наследника, так что теперь герцог вынужден вновь искать супругу. И, что удивляло Зину больше всего, так это то, что, посмаковав кровавые подробности якобы убийства герцогом первой жены, леди тут же начинали строить планы о том, как стать второй. Ни одна из тех, кто свято верил в виновность герцога, даже не подумала испугаться брака с ним. И "отвратительнейшие шрамы" их тоже не отпугнули - всё перевешивали титул и деньги. После подобных рахговоров Зине становилось до невозможного противно находиться в столь циничном и корыстном обществе, и она спешила покинуть его при первой возможности.

Идею Зины с косичками поддержали всего несколько дам: что и говорить, всё-таки такая прическа оказалась для многих непривычной. Зато идея с накладными локонами, которые цеплялись на брейды, многим леди пришлась по душе. Особенно тем, что не обладали от природы густыми и длинными волосами, но хотели похвастаться пышными прическами. Еще для дам это был способ сменить на время цвет волос без окрашивания. Так что Зине в скором времени понадобилось ехать и скупать все натуральные волосы, которые только можно было найти в городе. Вдобавок она договорилась с продавцами, что те дополнительно дадут объявление о повышенной награде для девиц, пожелавших продать свои волосы.

Пришлось Зине также нанять новых горничных. В один из дней, осознав, что Мила и Дана не справляются со своими основными обязанностями, проводя всё время в салоне, Зина позвала их и сказала:

- Девушки! Вы большие молодцы, но скоро наш общий дом зарастёт пылью. Это не упрёк - я вижу, сколько вы работаете, а потому у меня для вас две новости. Первая состоит в том, что я поднимаю вам зарплату. Вы теперь не горничные, а стилистки, так что и оплата у вас должна быть соответствующая. А вторая - вы можете среди подруг выбрать себе учениц и помощниц. А также, я надеюсь, что вы

посоветуете мне кого-нибудь на должность горничных - должен же кто-то делать уборку в доме.

Мила и Дана сперва принялись горячо уверять миледи, что они сами будут всё делать, но, после некоторого раздумья, согласились. И привели четверых девушек, две из которых заняли их место в роли горничных, а две стали ученицами, а потом и полноценными работницами салона. Новеньких горничных звали Ирма и Вилма - они оказались сёстрами, а новых стилисток - Улина и Софи. С их появлением Мила и Дана смогли вздохнуть спокойнее - и работа пошла быстрее.

Зашла к Зине в гости и маркиза Сусанна ле Потер - та самая леди преклонного возраста, якобы имеющая целый табун любовников. Жаловалась леди на залысины и просила Зину придумать что-нибудь, чтобы скрыть эту проблему. Зина, после внимательного осмотра головы маркизы, взялась изготовить несколько накладных прядей и шиньон.

- Спасибо, милая моя, - проговорила маркиза, когда осмотрела в зеркале свой новый образ, - я словно помолодела лет на десять. Ух, теперь мне точно шестого любовника припишут!

Зина закашлялась и с любопытством уставилась на леди, а та, ничуть не смутившись, ей подмигнула:

- А вы как думали? Знаете, как нелегко в моём возрасте поддерживать подобные слухи?

- Но зачем вам это? - недоумённо спросила Зина.

- Затем, что женщине в любом возрасте хочется быть привлекательной и желанной. И эти слухи помогают мне выглядеть таковой.

- Но как к этому относится ваш муж? - осторожно спросила Зина.

- О! Мой муж говорит, что готов мириться с моими любовниками - но только до той поры, пока они вымышленные! - И маркиза довольно рассмеялась.

Глава 19

После веселой маркизы приходило ещё несколько дам, имеющих похожую проблему с волосами - возможно даже, именно по её рекомендации, но затем поток посетительниц иссяк. И Зина поняла, что пора демонстрировать высшему свету еще что-то новое - разумеется, после того, как она покажет это королеве и получит высочайшее одобрение. Если получит.

Всё это время Зина носила свои косички, каждый раз укладывая их по-новому: заплетала, подвязывала шелковыми лентами, украшала искусственными цветами из ткани, жемчугом и драгоценными камнями - именно так украшали свои причёски местные леди. Но желающих сделать себе такие же косички было немного - хотя те, кто сделали всё же, остались весьма довольны, ведь теперь на причёску уходило гораздо меньше времени. Только Зина предупредила девушек, чтобы расплетать косы приходили к ней - лучше, если это будет делать профессионал, а то так и без волос остаться можно. Хотя горничные в этом мире очень умелые парикмахеры, как показала практика, но всё же с таким они дел еще не имели. Сама Зина тоже запланировала снятие косичек на один из ближайших вечеров - дело это небыстрое, ведь она не сажала на брейды готовые косы, а вплетала пряжу прямо в свои собственные волосы. И даже с помощью Милы и Даны этот процесс займёт не один час.

Зина сидела в своём кабинете, используя каждую свободную минутку для изучения важной информации - на данный момент, она пыталась запомнить, как выглядят гербы разных герцогств, графств, баронств и так далее. Но эти гербы были так похожи, что в итоге девушка постоянно путалась. В это время в дверь постучали, и на пороге возник Карл.

- Миледи, к вам посетительница, - проговорил он с поклоном.

- Посетительница? - обрадовалась Зина. В последнее время леди к ней почти перестали заходить: новых сплетен не было, как и новых причёсок. - Так проводи её в салон, я сейчас подойду.

Карл замялся.

- С вашего позволения, миледи... Это не такая посетительница, которые приходят к вам обычно, - произнёс он, чем ввёл Зину в некоторый ступор. Что значит "не такая, как обычно"? И почему её нельзя провести в салон? Лысая она, что ли?

- Дама явно незнатного происхождения, - пояснил мажордом, - и она сказала, что прибыла к вам по делу.

"Вот как? Что же там за дело?" - заинтересовалась Зина, а вслух сказала:

- Тогда, пожалуйста, проводи её в гостиную, Карл. И я прошу тебя остаться во время беседы, хорошо?

- Разумеется, миледи, - поклонился мажордом и вышел из кабинета, оставив Зину в раздумьях.

Карла она попросила остаться по двум причинам: во-первых, она ему доверяла - пожалуй, единственному в этом мире на данный момент. Ну, еще, пожалуй, Миле и Дане - но те совсем юные девушки, а Карл - взрослый мужчина, и уже не раз давал Зине полезные советы. Поэтому при любых деловых разговорах его присутствие рядом было желательно. А во-вторых, Зина элементарно боялась.

Она много думала о сюжете романа, в который попала, и пришла к выводу, что целью некоего злоумышленника, подставившего Эжению - а в том, что её подставили, Зина была почти уверена - могла быть сама Эжениа, а вовсе не герцогиня Ланттарская. Ведь по сюжету у всадника с замотанным шарфом лицом были все возможности довести дело до конца - и спокойно скрыться. Однако он удовлетворился тем, что его лошадь лишь слегка задела главную героиню. Не стал её добивать собственноручно, не развернул коня и не направил его вновь на упавшую девушку. Да, в этом случае конь мог и не подчиниться: одно дело - налететь с разбегу, другое - на ровном месте затоптать человека. Животные в этом смысле благороднее людей и просто так убивать не будут. Хотя, неизвестно, конечно, как воспитывался этот конкретный конь... Да и не в этом дело, а в том, что убийца почему-то не воспользовался шансом. Почему? Ускакать он вполне успевал: единственные лошади поблизости были те, что запряжены в карету, на которой приехала герцогиня, а карете за всадником явно не угнаться. Да и кто бы за ним погнался: растерянный безоружный кучер? Милена тогда проявила упрямство, заявив мужу, что охрана ей не нужна. Герцог скрипнул зубами и с большим трудом согласился, не в силах отказать ни в чём любимой жене. Зину подобные моменты в книгах всегда изумляли - когда вроде бы адекватная героиня совершала явную глупость, за которую в итоге и расплачивалась. Благо, что такие романы обычно заканчивались хэппи-эндом, а в реальности любая

подобная глупость вполне могла стоить героине жизни. И вот теперь Зина сама внутри романа, и что-то он весьма похож на реальность...

В общем, покрутив ситуацию в уме так и этак, Зина поняла, что, возможно, убрать хотели именно её, Эжению. В монастырь или на плаху - неважно. И случай с герцогиней был только ступенькой в плане неизвестного - потому и не стали Милену добивать, что не она была целью.

В то, что Эжениа была настолько глупа и ревнива, что "заказала" счастливую соперницу из мести - Зина не верила. Теперь не верила. Когда читала роман - верила вполне, а теперь, узнав больше о самой Эжениии и о её жизни - засомневалась. Эжениа проявила себя как особа весьма рациональная - самой Зине до неё далеко. То, как скрупулёзно её предшественница вела дела, вызывало у Зины восхищение пополам с завистью. Самой ей ни за что было бы не организовать так работу, если бы не записи Эжениии. Зине просто оставалось дальше вести журналы по заданному образцу, что существенно облегчило ей жизнь. Расходы, доходы, причем каждая графа расходов и доходов расписывалась отдельно - и всё аккуратным почерком заполнено без единой ошибки или пометки. Сама Зина уже успела начертать в журналах. И чтобы вот такая девушка поддалась эмоциям и убила - без всякого на того смысла - другую девушку, которая на тот момент уже стала женой герцога Ланттарского? Ладно бы, спешила устранить соперницу, но ведь ясно же, что битва проиграна, чего бы это убийство решило? Вряд ли герцог, опечаленный смертью молодой супруги, тут же решился бы на повторный брак, да еще с бывшей любовницей. Бред же! И Эжениа не могла этого не понимать.

Да и потом, автор в эпилоге ясно обозначил, что никаких покушений больше не было - ведь злодейка-то в монастыре. Но, если Эжению подставили, и злодейка - не она? Почему тогда никто не пытался убить герцогиню повторно? Герцог, конечно, после того случая окружил её охраной - и возражений слушать не стал, но наверняка возможность можно было найти. Поэтому Зина всё больше склонялась к мысли, что целью была сама Эжениа. И всё это было затеяно лишь для того, чтобы убрать её. Но почему? Кому она помешала? Увы, на этот вопрос она не знала ответа.

Так что теперь Зина боялась. Боялась, что, поскольку, она не включилась в борьбу за герцога Ланттарского, то её могут устранить каким-то иным способом - например, убив. А потому встречаться с незнакомыми людьми предпочитала в присутствии кого-нибудь ещё. Паранойя? Возможно. Но всегда лучше перебдеть, чем недобдеть - тем более, в вопросах жизни и смерти.

Когда Зина спустилась и прошла в гостиную, навстречу ей поднялась молодая женщина, примерно её ровесница - именно её, Зины, а не Эжени. То есть, посетительнице было на вид года двадцать два - двадцать три, но при этом она выглядела именно молодой женщиной, а не юной девушкой - такой уверенный и взрослый был у неё взгляд. Окинув Зину цепким взглядом, девушка шагнула к ней и протянула руку для рукопожатия, представившись:

- Меня зовут Эмилия Фейрмау, я хозяйка дамского салона красоты на улице Купеческой.

Зина на автомате пожала руку гостье и только потом поняла, что происходит что-то не то. Если девушка незнатного происхождения, то она должна была присесть в реверансе, а если знатного и равного по титулу графине, либо выше - то ограничиться кивком. Руку же при знакомстве пожимали только мужчины.

Измученно и с любопытством Зина осмотрела необычную гостью с ног до головы: та выглядела строго, но, вместе с тем, стильно - в своём дорожном светло-зеленом костюме, состоящем из длинной юбки и пиджака, по фасону очень напоминающему мундир. А вот волосы... Тёмно-рыжие волосы девушки были коротко стрижены, причем весьма неравномерно: с правой стороны они были короткие, почти "под мальчика", а с левой свисали длинные пряди - до уровня подбородка, при этом чёлка была завита. Зина сама такую стрижку делала не раз до того, как очутилась здесь, а потому заподозрила в незнакомке такую же попаданку, как она сама. А что: за руку здороваются, причёска, свойственная землянкам, но совсем не свойственная местным барышням - даже простые горожанки не носили таких, уж этот-то вопрос Зина изучила. Но следующие слова гостьи всё расставили по своим местам.

- Я из Варнавии, - объяснила Эмилия, заметив недоумение Зины, - у нас принято одеваться и стричься именно так.

Зина, кивнула, принимая такое объяснение, хотя подозрения всё равно остались. Сама Зина бы тоже отговаривалась тем, что из другой страны, если бы оказалась тут в своём истинном виде, а не в теле Эжени.

- Присаживайтесь, - махнула рукой Зина, приглашая гостью расположиться на диване, в то время как сама опустилась в кресло напротив.

- Карл, ты тоже, - пригласила Зина присесть и своего мажордома, который топтался в дверях.

Когда все устроились, Зина спросила:

- Итак, чем могу быть полезной, госпожа Фейермау?

- Я к вам с деловым предложением. Дело в том, что я недавно открыла салон красоты для обеспеченных горожанок. У меня есть зал для причёсок, зал для косметических процедур и зал для массажа. Я пыталась внедрить несколько причёсок, популярных у меня на родине, но столкнулась с тем, что все богатые горожанки - а другие ко мне в салон и не ходят - хотят причёски исключительно, как у знатных леди. Особенно такие, какие вошли в моду совсем недавно - с цветными прядями. Но мои девочки не умеет делать ничего подобного, поэтому я пришла к вам.

- Ко мне? - переспросила Зина, беря тем самым паузу на осмысление информации. Значит, не одной ей показалось большим упущением, что в городе нет женских парикмахерских. Нашлись желающие занять свободную нишу.

- Да, к вам. По своим каналам я узнала, что авторство новых причёсок принадлежит вам. Это так?

- Так, - не стала отрицать очевидное Зина.

Взгляд Эмилии прошёлся по её косичкам и вновь вернулся к лицу.

- Два процента с дохода парикмахерской, при условии, что вы будете обучать моих сотрудниц всем новым причёскам, которые появятся в высшем свете, - выдала госпожа Фейермау своё деловое предложение.

Зина задумалась. Обучить-то можно, не проблема - Мила и Дана прекрасно справятся с задачей. И у неё будет источник постоянного дохода! А то эти леди - сегодня придут, завтра нет. Да еще и платят украшениями, а тут будут деньги! По сути, Зина ничего не теряет, больше того - она уверена, что работницы Эмилии рано или поздно

сами бы разобрались, но в том-то и дело, что дороже будет стоить причёска "как у знатной леди" сразу же, как только та войдёт в моду, а не когда-то потом. За это ей и собираются платить два процента. А не мало ли?

- Почему именно два процента? Почему не пять? - спросила Зина.

- Потому, что я буду платить вам с дохода всего парикмахерского зала, а не только с каждой вашей причёски. Последнее было бы трудно организовать и трудно проверить. Поэтому я плачу вам два процента, но со всех причёсок. Как вы понимаете, для меня это - риск. Но я готова на него пойти ради привлечения клиенток. Так что, по рукам?

И странная гостья вновь протянула ей руку, которую Зина с удовольствием пожала.

"А что, может, перебраться жить в Варнавию?" - подумала Зина. Если там у женщин настолько больше свободы, то почему бы и нет? Заодно и таинственным злоумышленникам будет до неё не дотянуться. Надо только получше расспросить свою новую знакомую об этой стране.

- Отлично! - обрадовалась Эмилия. - Я составила договор в двух экземплярах, можем прямо сейчас подписывать, а после сходим заверим у нотариуса.

С Этими словами деловая девушка достала из саквояжа договор, с которым Зина и Карл внимательно ознакомились, а после Зина его подписала.

- Когда ждать ваших работниц для обучения? - спросила немного растерянно Зина, не ожидавшая, что сделка произойдёт так быстро.

- Желательно сегодня, - прямо заявила Эмилия, - чем быстрее - тем лучше.

- Что ж, тогда пусть приходят к вечеру, - согласилась Зина. Расплетение косичек можно и отложить на денёк-другой ради такого случая.

- С вашего позволения, миледи, - вмешался Карл, который по большей части молчал всё время её разговора с гостьей, и высказывался только тогда, когда Зина хотела услышать его мнение об условиях договора. - Лучше, если Мила и Дана сходят сами в салон к госпоже Фейермау.

- Почему? - удивилась Зина. - Какая разница?

- Потому, что не пристало графине принимать в своём доме простолудинок. Одно дело - пригласить модистку, - тут Карл кинул взгляд на Эмилию, - и совсем другое - если у вас регулярно начнут ходить простые горожанки. По городу поползут ненужные слухи.

Зина с благодарностью взглянула на своего мажордома - что бы она без него делала? Уже столько времени живёт в этом мире, а всё никак привыкнуть не может. Ей бы и в голову не пришло, что её могут осудить за такое. Мало ли, кто к ней в дом приходит - и по какому поводу?

- Что ж, тогда так и сделаем, - согласилась Зина. - Ждите моих стилисток сегодня к пяти часам. Только отпустите их пораньше, чтобы не в темноте домой возвращались. Если не успеют, пусть лучше завтра еще раз придут.

- Стилисток? - задумчиво переспросила гостья. - От слова "стиль", да? Мне нравится. И не волнуйтесь о ваших работницах - они смогут переночевать у меня, никто их на ночь глядя не отпустит.

За нотариусом Карл отправил одного из лакеев - негоже графине таскаться по конторам. Так что у девушек появилось немного свободного времени для беседы. Зина приказала подать им чай со сладостями, и обратилась к Эмилии:

- Пожалуйста, расскажите о своей родной стране. Какая она?

Глава 20

- О, она великолепна! - с ноткой ностальгии произнесла Эмилия, и принялась расписывать бескрайние поля и леса, реки и озёра, дубы и березки. Но это было не то, что хотелось услышать Зине от своей гостьи. Природа родного края ей была знакома не хуже - всё-таки, Варнавия, по большей части, лежала на той же территории, что и Россия в её мире.

- Да-да, это всё прекрасно, - нетерпеливо вклинилась Зина, едва гостья сделала паузу, - а как насчёт общественного устройства? Я заметила, что вы пожали мне руку. У вас не приняты реверансы?

- Ах, это... - поскущнула Эмилия, - Реверансы у нас давно уже вышли из обихода. Дамы приветствуют друг другу кивком головы или

поцелуем в щеку, мужчины пожимают руку, а мужчина приветствует даму, целуя ей руку. Никто никому не кланяется и не перед кем не приседает - даже перед королём. Перед королём все подданные просто склоняют головы - независимо от пола.

- Тогда почему?..

- Почему я протянула вам руку для рукопожатия? - поняла Эмилия.
- Да это я по-привычке. У нас это было принято... в некоторых кругах.

- Понятно-о-о, - протянула Зина, хотя на самом деле ничего ей понятно не было. Но, раз её гостя не распространяется на эту тему, то настаивать было бы невежливо. - А как же знать? Герцоги, графы - как им выказывают почтение?

- У нас нет такого чёткого разделения, как у вас, - принялась пояснять госпожа Фейермау. - У нас любой богатый и уважаемый господин может выбиться в высший свет. Поэтому знать у нас - это не только придворные аристократы и землевладельцы, как у вас, но и крупные промышленники, например, купцы, ювелиры. Вчерашний мальчишка-посыльный может через двадцать лет разбогатеть, а богатый нынче лорд - обанкротиться и оказаться на самом дне. Так что никаких особых различий в общении между разными слоями населения нет.

Зина слушала и радовалась. Кажется, эта страна ей подходит! Да и территориально это - та же самая Россия: возможно, Зина бы даже смогла поселиться в родных местах, пусть даже этот мир лишь похож на её собственный - всё легче будет свыкнуться. Или лучше, наоборот, не беречь душу - и поселиться подальше? Интересно, а проданных драгоценностей хватит на дом? Впрочем, если соберётся переехать, то она и этот свой дом продаст - тогда точно должно хватить.

Эмилия же продолжала рассказывать, не замечая, что Зина ушла в свои мысли:

- Мы уже всюду используем электричество на производстве, что позволило добиться его автоматизации. Странно, что вы первые до этого не дошли, ведь именно ваш учёный сделал такое важное открытие.

Зина подумала, как ей не хватает электрической плойки и фена для работы. Да и свет от лампы куда ярче света свечей и безопаснее - заодно не оставляет запаха, как керосиновая лампа, и копоти, как свечи.

- Но, к сожалению, права женщин у нас серьёзно ущемляются, - продолжала свой рассказ Эмилия. И, если раньше она говорила словно нехотя, то сейчас явно воодушевилась. - Представляете, до сих пор большинство мужчин считает, что женщины пригодны только для домашней работы и рождения детей! Профессий, по которым могут работать женщины - катастрофически мало. Мне повезло - у меня был свой салон красоты, который я открыла на деньги, доставшиеся мне от родителей. А те, у кого нет такой возможности? Для них одна надежда - выйти замуж и во всём рассчитывать на милость мужа!

- Почему же вы уехали? - Осторожно спросила Зина. - В Конкродии вы вряд ли встретите иное отношение к женщинам. Пожалуй, тут еще хуже дела обстоят.

- Я была вынуждена, - передернула плечами девушка, словно силясь избавиться от неприятных воспоминаний. - В своей стране я - политический преступник, лидер "Женского Движения". Нас преследуют только за то, что мы боремся за свои права! Мы - люди, а не вещи!

"Ух ты! - подумала с восторгом Зина. - Настоящие феминистки! Из тех, что реально борются за права, а не танцуют на площади с голой грудью."

- Как бы я мечтала оказаться в вашей стране! - проговорила Зина, с восхищением глядя на храбрую девушку, не побоявшуюся бросить вызов системе.

- Не советую, - хмуро отозвалась та. - У нас сейчас слишком неспокойно. Революционные настроения бродят не только в умах женщин. Многим власть короля и аристократии не нравится. Полагаю, что скоро произойдёт революция, и иностранным аристократам находиться в этот момент в стране нежелательно - можете попасть под раздачу.

Зина сникла. Ну вот, только она настроилась, только успела порадоваться... Впрочем, о переезде можно будет подумать и потом - когда всё утихнет. И когда она, наконец, разберется с этим дурацким сюжетом. По идее, после того, как закончатся книжные события, Зину уже ничто не будет ограничивать - и она сможет жить, как захочет. Главное - пережить эти несколько месяцев и, по возможности, без особых потерь. Может быть, она даже вернётся обратно, на Землю - как только книга закончится. Надежды мало, но вдруг? Может, её

специально перенесли сюда для какой-то миссии, а, как только она её выполнит, так вернут обратно? Правда, в чём эта миссия могла бы заключаться, Зина понятия не имела. Точно не в том, чтобы испортить сюжет - это она уже поняла. Может быть, в том, чтобы оправдать Эжению и найти настоящего злодея? Вероятнее всего: других вариантов девушке просто в голову не приходит.

Вот только она не Шерлок Холмс, не Эркюль Пуаро и даже не мисс Марпл. Она Зина Осипова, хороший парикмахер - и совершенно никакой сыщик. А, значит, без помощи ей не справиться. Хм, может, нанять частного детектива? Ведь наверняка в это время такие есть? Только это, наверное, будет дорого стоить. Вовремя Эмилия со своим предложением появилась - ничего не скажешь!

Постепенно девушки перешли в разговоре с политики на ту тему, которая интересовала их обеих. Зина с интересом расспрашивала о причёсках, средствах для укладки и ухода за волосами, увлеклась сама и подсказала Эми несколько стрижек, даже зарисовала их для наглядности. Эми поблагодарила, посетовав, что в этой стране не сможет их воспроизвести - слишком сильно отличается мода обеих стран. Зина же только загадочно улыбнулась в ответ: была у неё надежда убедить королеву немного пересмотреть моду. Хотя на такие кардинальные изменения та вряд ли согласится. Тем более, что Конкрордия и Варнавия соперничали, а потому их жители мало общались - и культурного обмена между ними не было. Зину же, между тем, интересовал один вопрос.

- Слушай, Эми, - за время общения девушки успели сдружиться и перейти на "ты", - а как то, что ты содержала салон красоты, согласовывается с тем, что ты борешься за права женщин? Разве не претит тебе мысль, что женщины вынуждены прихорашиваться ради мужчин?

Зина спросила так, потому как вспомнила свой мир и европейских женщин, которые предпочитали не краситься принципиально - чтобы мужчины в них не видели сексуальный объект.

- Пффф! - фыркнула в ответ собеседница. - Женщина прихорашивается не ради мужчины, а ради себя. И знаешь, Эжени, я горда и рада, что смогла дать работу нескольким девушкам благодаря

своему салону, ведь работа в сфере красоты - одна из немногих, позволенных для женщин.

Словом, к тому моменту, как пришёл нотариус, чтобы заверить договор, девушки были уже едва ли не лучшими подругами. Зина радовалась, что в этом мире нашлась хоть одна нормальная девушка, с которой можно было просто обо всём поговорить, не контролируя себя ежесекундно и не ожидая от неё какой-то завуалированной гадости. Мила и Дана тоже хорошие, но статус служанок не позволял им общаться с Зиной на равных, а Зина не смела настаивать, опасаясь, что такое поведение вызовет подозрение. Так что Эми для неё стала глотком свежего воздуха. Отправив с Эмилией Дану и Милу, Зина попрощалась с новой подругой, будучи в прекрасном настроении.

Увы, это была не последняя встреча на сегодня: ближе к вечеру к ней пожаловал отец. Разумеется, речь идёт о бароне Адаме Проскуро - отце Эжени. Когда Карл доложил Зине, что её желает видеть батюшка, та даже не поняла, о ком речь. Почему-то представила себе священника в рясе и с пузиком. Ну, что сказать? Насчёт пузика Зина угадала: мужчина, называвшийся её отцом в этом мире, носил солидный животик. При этом роста он был невысокого - на полголовы ниже самой Эжени, а черты лица его вовсе не выглядели привлекательными. Зина даже усомнилась, что Эжениа - действительно его дочь. А уж когда мужчина открыл рот, эти сомнения окрепли.

- Неблагодарная! - заорал папаша, едва Карл оставил их одних с дочерью. - Я тебя растил, денег не жалел, а ты что? Не смогла окрутить какого-то герцога! Почему я узнаю, что он вскоре женится - и вовсе не на тебе, а?

Зина смотрела на этого так называемого "отца" - и едва сдерживалась, чтобы не выставить его вон. Тяжело с таким папочкой пришлось Эжени. Переждав поток ругани, Зина спокойно спросила:

- Это всё?

- Что? - моргнул мужчина, очевидно, не ожидавшей такой реакции.

- Я спрашиваю, вы всё сказали, или еще что-то осталось? - повторила Зина, стараясь говорить медленно и членораздельно, словно с ущербным умом. Отец начал медленно багроветь.

- Да как ты смеешь! Моя плоть и кровь! Ты поговори у меня! - вид грозящего кулачками раскрасневшегося коротышки не вызывал у Зины ничего, кроме смеха, который она отчаянно старалась сдержать. Своего "отца" Зина не боялась: в доме несколько мужчин, так что, при одном её слове, того выведут под белые руки. К тому же, Зина - графиня, пусть и по мужу, так что её статус выше отцовского.

- И что вы мне сделаете, барон? - Усмехнулась Зина, сложив руки на груди, подчеркивая интонацией титул своего отца, тем самым как бы намекая на разницу в их положении.

Барон выпучил глаза и уставился на Зину, как на что-то, доселе неизведанное.

- Да что с тобой такое, дочь? - Задал он наконец вопрос, совладав с собой. - Это ведь был наш план. Мы так долго к этому шли! Тебе пришлось терпеть этого сморчка графа - лишь бы стать графиней. А теперь, когда у тебя есть все возможности стать герцогиней, ты решила пойти на попятную? Я тебя не понимаю.

- А вам и не надо, отец. Это - моя жизнь, и я в ней решаю, что мне делать и с кем быть. Семейному счастью герцога я мешать не намерена, и в качестве будущего супруга он меня не устраивает. Моё решение окончательно.

- Ты изменилась, - поджав губы, брововорил лорд Проскуро.

- Я выросла, отец, - пожалала плечами Зина, - у вас нет надо мной власти: вы сами лишились её в тот день, когда решили выдать замуж за старика.

- Ты была не против! - Воскликнул барон.

- А вы бы стали слушать мой отказ? - Спросила Зина и, по бегающему взгляду мужчины поняла, что попала в цель.

- В общем, я прошу вас покинуть мой дом и, по возможности, ограничиться письменным общением. Желания видеть вас в ближайшее время нет никакого. - Подытожила Зина.

- Что, даже не спросишь, как дела у матери? - Пробурчал барон, глядя исподлобья. Зина вообще не знала, что у Эжени есть мать - та в романе не упоминалась. Однако не проявить интереса она не могла, а потому всё же спросила:

- И как дела у мамы?

- Всё хорошо, за исключением того, что она уже очень давно не видела своей неблагодарной дочери и скучает по ней. Но тебе,

конечно, нет дела до бедной матери! Ты же у нас теперь графиня! И думать забыла, кому обязана этим титулом. Еще и попрекаешь отца, что позаботился о твоём счастье!

- У нас разные представления о счастье, отец, - вздохнула Зина, помассировав виски - голова от шумного гостя начинала болеть. - Карл вас проводит.

Барон хмыкнул и с гордо поднятой головой удалился, а Зина, наконец-то вздохнула свободно. До чего же неряшливый тип этот барон! Токсичный, как сейчас говорят. От таких родственников точно надо держаться подальше.

Глава 21

Зина ещё долго думала о родителях Эжени. В своём родном мире Зина уже несколько лет жила одна, а тут, оказывается, у неё есть родители - не только честолюбивый барон, но и мать! Мать, о которой в романе не было ни слова. Интересно, какая она? Размышляя об этом, Зина видела только два варианта: либо мать Эжени - робкая и забитая женщина, не смеющая и слова сказать супругу, либо они с мужем - два сапога пара. При всяком ином варианте, любящая мать воспротивилась бы свадьбе юной дочери и престарелого графа.

"Надо будет навестить её, как встану на ноги!" - подумала Зина. Возможно, женщине требуется помощь, защита от мужа-тирана - тогда Зина заберет её к себе. А нет - так хотя бы просто познакомится. Да и надо понять, какая обстановка окружала Эжению в детстве, какие отношения у них в семье. Судя по папаше - не очень хорошие. А, с другой стороны, Эжениа беспрекословно слушалась отца, даже вопреки собственным интересам - так что, возможно, всё же любила своих родителей? Наверное, так и есть - какими бы те не были, а других у Эжени нет.

На следующий день вернулись Мила и Дана, а вместе с ними пришла и Эмилия - ей захотелось взглянуть на то, как обустроила парикмахерский зал Зина. Зина с радостью проводила девушку и всё ей сама показала и рассказала, напросившись на ответную экскурсию. Эмилия сказала, что будет рада продемонстрировать своё детище

новой подруге. В итоге, девушки сами не заметили, как переместились в гостиную, и за чаем принялись снова болтать обо всём на свете.

- Когда ты их будешь расплетать? - с любопытством спросила Эми, имея в виду Зинины косички.

- Сегодня вечером, наверное. Мила и Дана вернулись, они помогут.

- Да, твои девушки - молодцы. Всё понятно рассказали, объяснили и показали. Не отказалась бы от таких сотрудниц.

- Но-но, - шутливо погрозила пальцем Зина, - такие работницы мне самой нужны. Одна я эти косички двое суток буду расплетать. Ну, может не двое - но день на это точно убила бы. Эх, жаль тут нет восстанавливающих масок для волос! Эти косички для волос - настоящий стресс, так что им необходимо хорошее питание и уход. Придётся самой делать маску из яичных желтков, сметаны и касторового масла...

- Зачем самой? - Возразила Эми. - Я привезла из дома несколько баночек с отличной восстанавливающей маской по нашим древним национальным рецептам. Эффект отменный! Попробуй - и если понравится, я для тебя еще закажу.

- Правда? - Пришла в восторг Зина. - Если мне понравится, я закажу крупную партию - не только для себя, но и для клиенток.

- Нет проблем!

- А хочешь, - пришла в восторг Зина от собственной идеи, - я порекламирую твой салон среди аристократок? Ты сможешь им свои средства с хорошей наценкой продавать. Возможно, и за причёсками они к тебе будут ходить. А мне - пятнадцать процентов с каждой приведённой клиентки.

- Но ведь тебе это не выгодно, - засомневалась Эмилия, - так ты получаешь сто процентов, а так - только пятнадцать. Какой в этом смысл?

- Да не получаю я сто процентов, - вздохнула Зина, - леди расплачиваются со мной драгоценностями, а их еще продать нужно. А тебе они будут платить деньгами. Я же не могу брать с них деньги - аристократам в этой стране не полагается работать.

- Кошмар! - Ахнула Эмилия. - Как же они выживают?

- Ну, кого муж и семья кормит, а кого - любовник. Меня вот такое положение дел не устроило.

- И правильно! Я сразу поняла, что мы с тобой - сестры по духу! Жаль, ваше общество пока слишком консервативно, а то бы мы и здесь организовали филиал Женского Движения.

- Я бы была не против, - мечтательно протянула Зина. Кто же откажется стоять у истоков перемен? Но Эмилия права: местное общество к такому пока не готово. Действовать надо постепенно.

В итоге девушки снова вызвали нотариуса и подписали дополнительное соглашение к договору. Согласно этому соглашению Зина получала пятнадцать процентов с каждого визита аристократок в салон Эмилии. Почему с каждого? Да потому, что Эми не хуже Зины знала, что знатные леди предпочитают наводить красоту при помощи горничных, дома. А девушки сообща разработали целую рекламную компанию - в надежде создать моду на посещение салонов красоты. Потому очевидно, что, поскольку из них только Зина возвращается в высшем свете, то все клиентки-аристократки придут к Эмилии именно по Зининой наводке.

Саму Зину всё вполне устраивало: всё равно она не могла принять большой поток клиенток дома, да и уставала она от постоянных гостей. Одно дело - самой стричь, завивать и плести, другое - развлекать гостей разговорами, постоянно пить с ними чай и слушать сплетни. А именно этим вынуждена была заниматься Зина, отчаянно завидуя в этот момент своим горничным, которые просто работали. Да и сбывать драгоценности - целая морока. Она уже просила Карла как-то реализовать часть подаренного - так половина украшений оказались ничего не стоящими безделушками. А за те, что стоили хоть что-то, всё равно не удалось выручить ту же сумму, за которую их леди покупали в ювелирном. Цена отличалась минимум в три раза. Так что пятнадцать процентов от Эмилии - это почти джекпот в её случае. Эми тоже внакладе не останется: девушки решили, что для аристократок цена на все услуги будет дороже - ровно на те самые пятнадцать процентов. Ведь и сами аристократки не захотят обслуживаться за те же деньги, что и простолюдинки. Так что все при таком раскладе будут довольны и получают то, что хотели.

Эмилия перед уходом пообещала, что пришлёт кого-нибудь вечером с маской для волос, на том и расстались. Зина решила не ждать до вечера, а сразу после обеда начать расплетаться, о чём и сообщила своим бывшим горничным, а ныне - стилисткам. Как раз к

вечеру Эми пришлёт восстанавливающую маску - и можно будет сразу вымыть голову.

Расплетали девушки косички в шесть рук, и ушло на это без малого четыре часа - рекорд, можно сказать. Но зато к вечеру Зина стояла перед зеркалом и любовалась получившейся гривой: после расплетения косичек и без того густые волосы Эжениии прибавили в объеме раз в пять, из-за чего девушка сама себе казалась стогом сена на ножках. Разве что сено не вьётся мелкой волной, создавая эффект гофре. И это - несмотря на то, сколько волос девушки вычесали при расплетении. Конечно, ведь за две недели выпавшие волосы никуда не делись, оставаясь в косах - именно их и сняли в достаточно большом объёме с головы Зины-Эжениии.

В этот момент раздался стук в дверь, и Зина поспешила скорее в холл: наверняка это курьер принёс ей маску от Эмилиии! Зина, как никто, прекрасно знала, что волосы после афрокос нужно сразу промыть, используя восстанавливающие средства. Помимо обещанной маски, Зина уже приготовила масло для волос с добавлением трав - его она нанесёт на волосы после всех прочих процедур. В итоге к двери девушка неслась, теряя тапки - и даже обогнала по пути Карла, который степенной походкой шёл, чтобы открыть дверь.

Так что дверь Зина распахнула сама, протягивая руку, чтобы забрать маску у курьера. Вот только никакого курьера за дверью не оказалось. Оторопев, Зина глядела в глаза герцога Монтеберского, который с не меньшей оторопью взирал на неё. С минуту они играли в гляделки, пока герцог, кашлянув, не произнёс:

- Кажется, шокировать общество своими причёсками вошло у вас в привычку, миледи.

Зина, смутившись, попыталась пригладить свою гриву рукой, но, понятное дело, безрезультатно. Тут только мытье волос помогло бы. Затем, опомнившись, что перед ней всё-таки герцог, Зина присела в реверансе, заодно скрывая подолом свои голые ступни - домашние туфли она всё-таки потеряла где-то по дороге. Но, вот незадача - когда Зина распрямилась, подол вернулся обратно, вновь обнажая ступни, на которые герцог тут же с интересом уставился. Зина же, чувствуя возрастающую неловкость, испытывала острое желание поджать

пальчики на ногах - тем более, что из открытой двери тянуло сквозняком.

- Хм, вы не пригласите меня войти? - спросил герцог Монтеберский, по-прежнему не отводя взгляда от её голых ступней, из-за чего казалось, будто и вопрос он задал именно им. Нервно хихикнув, Зина отошла в сторону, пропуская герцога, и запоздало сказала:

- Конечно, милорд. Проходите, пожалуйста, в гостиную, я сейчас подойду. Карл, проводи Его Светлость и прикажи подать чаю.

Позабывшись о гостеприимстве, Зина рванула в свою комнату - переодеться и приводить себя в порядок. За несколько дней она отвыкла от именитых посетителей: граф Даниятский куда-то пропал и больше не заходил - должно быть, увлекся новой пассией, а леди перестали обращаться к ней за причёсками и сплетнями, так как ничего нового Зина им предложить не могла. Вот она и расслабилась. И зачем это герцог пожаловал, интересно? Ох, как неловко-то получилось! И что он теперь о ней подумает?

По пути Зину перехватили Мила и Дана - девушки вручили ей потерянные тапки, а потом помогли переодеться и заплели львиную гриву в простую, но ооочень объёмную косу. А что поделать - не заставлять же герцога ждать, пока Зина вымоет голову? Придётся отложить косметические процедуры. Тем более, маску пока ещё не привезли.

Спустившись, Зина снова присела в реверансе, а поднявшийся при её появлении герцог, поклонился и, завладев рукой Зины, поцеловал её. От этого простого и обычного среди аристократов приветствия, Зина почему-то зарделась и ощутила, как по руке от кисти к плечу побежали мурашки.

- Простите меня, милорд, за мой вид. Я не ждала гостей, - сочла нужным объяснить Зина.

- Настолько не ждали, что открыли дверь вперёд мажордома? - Хмыкнул герцог, разглядывая её с каким-то новым выражением на лице, понять которое Зина пока не могла. От слов мужчины Зина вновь покраснела, и исправилась:

- Я ждала курьера с очень срочным и важным для меня заказом, но не ждала посетителей.

- Да, это моя вина, - признал герцог. - Я не известил вас заранее о своём визите. Я хотел это сделать, но потом решил, что чем раньше переговорю с вами - тем лучше. Я в столице ненадолго, и не могу терять времени, соблюдая все формальности. Как мне показалось, вы не из тех людей, кто придаёт формальностям слишком большое значение?

Герцог произнёс последнее предложение с вопросительной интонацией, и Зина задумалась, пытаясь понять - сделал ли он ей комплимент, или вновь намекнул на то, как она опростоволосилась, кинувшись сама открывать дверь, да еще в таком виде. В итоге Зина просто согласно склонила голову: в конце концов, для неё все эти формальности действительно не играли никакой роли - в отличие от местного общества.

- Но какое же дело привело вас ко мне, милорд? - спросила Зина, тщательно скрывая любопытство.

- О! У меня к вам есть одно предложение, - ответил герцог.

- Деловое? - уточнила Зина, пытаясь прикинуть, в чём это предложение может заключаться. Хочет открыть салон мужских причёсок и надеется на консультацию? Зина могла и по мужским причёскам проконсультировать, она ведь парикмахер-универсал.

- В каком-то роде, - отозвался мужчина. - Как вы смотрите на то, чтобы стать моей женой, Эжения?

Глава 22

Первые несколько секунд Зина просто хлопала глазами: вопрос, заданный герцогом, никак не мог дойти до мозга. А когда дошёл, Зина не поверила своим ушам:

- Простите, милорд... Мне, должно быть, послышалось... Вы не могли бы повторить?

- Я предлагаю вам стать моей женой, - повторил герцог, внимательно и напряженно всматриваясь в её лицо. Поэтому Зина не стала спрашивать, не шутит ли он - мужчина выглядел серьёзнее некуда. Но само его предложение ей казалось абсурдным: да они виделись-то всего несколько раз! Да, беседа с герцогом ей показалась приятной, да и сам мужчина впечатление произвёл, но замуж? Никто

не зовёт замуж после нескольких встреч - уж Зине ли этого не знать! Да они даже не целовались! Кроме того, он что, так и не в курсе её ужасной репутации?

- Я... не знаю, что и сказать на это, - выдавила, наконец, из себя Зина. - Могу я поинтересоваться причинами, по которым вы решили мне сделать такое предложение?

- Разумеется, - немного расслабился мужчина. У Зины сложилось впечатление, что она только что прошла некий тест - но в чём тот заключался, она так и не поняла. - Как я уже говорил, в столице я ненадолго: дела в герцогстве требуют моего присутствия. Но, в то же время, я обязан подумать о наследнике, поэтому мне необходимо жениться. И, ввиду обстоятельств, что я изложил, времени у меня на поиск подходящей супруги, довольно мало.

- Но почему именно я? - не удержалась от вопроса Зина.

- О! Вы мне прекрасно подходите: вы не глупы, не жеманны, хозяйственны и предприимчивы - это я про вашу завуалированную торговлю говорю. Кроме того, вы взрослая женщина, вдова. Это лучше, чем брать в жены юную дебютантку: я, конечно, мечтаю о ребёнке, но я бы хотел, чтобы он у меня родился, а не чтобы я на нём женился. Конечно, то, что вы в первом браке не забеременели, могло бы меня отпугнуть и заставить усомниться, способны ли вы принести мне наследника. Но, зная возраст вашего покойного супруга на момент брака, я не считаю, что в этом есть ваша вина. Да и, беря в жены юную девицу, я ведь тоже не получаю гарантий, что она сможет забеременеть и родить. Внешне вы меня тоже вполне устраиваете - хотя, при всех остальных ваших положительных качествах, на это я смотрел в последнюю очередь. Ну и, кроме всего прочего, вы - единственная, кто нормально реагирует на мой шрам. Остальные леди смотрят на него с брезгливостью, неприязнью, а то и вовсе с ужасом, а у вас я видел только любопытство - да и то поначалу. А теперь вы его будто и вовсе не замечаете.

Зина слушала герцога и испытывала двойственные эмоции: с одной стороны, ей было приятно, что он выделил её среди всех этих кумушек, а с другой - слишком уж деловой у него подход к женитьбе. Словно не жену, а товар выбирает. А как же чувства? Любовь? Зина рассматривала герцога и понимала: ведь красивый мужчина, даже шрам и глазной протез его не портят - при этом он ещё и в общении

приятный. Вполне мог бы жениться по любви, но почему-то выбирает сделку. Ведь иначе, как сделкой, его предложение назвать нельзя. Девушка поймала себя на мысли, что действительно, глядя на герцога Монтеберского, она уже почти не обращает внимания на шрам. Ну есть и есть, что дальше? Она видит его лицо в целом, наблюдает его мимику, слушает его слова - и этот шрам словно бледнеет, уходит на второй план.

- Ладно, - выплывая из своих мыслей и вздыхая, произносит Зина.
- Зачем вам жена и почему вам на эту роль нужна именно я, мне понятно. Но зачем это нужно мне?

Теперь настала очередь герцога непонимающе хлопнуть глазами - Зина даже немного позлорадствовала в душе по этому поводу.

- Простите? - наконец выдал из себя герцог.

- Вы предлагаете мне договорной брак, верно? Потому как вряд ли вы могли влюбиться в меня без памяти за те несколько встреч, что у нас были. Да и то, как вы описывали свою выгоду от нашего брака, сложно назвать признанием в любви. Но договор между двумя людьми означает обоюдную выгоду. Ваша выгода мне понятна. В чём моя выгода?

- Станный вопрос, хотя от вас я мог бы и ожидать чего-то подобного, - хмыкнул герцог, глядя на Зину с такой теплотой, что она невольно смутилась. - Любой другой женщине было бы достаточно герцогского титула и богатства.

- Любой другой - может быть, - пожала плечами Зина, - меня ваш титул не привлекает, мне вполне достаточно своего. Что касается богатства - это, конечно, хорошо. Но это ваши деньги, а не мои. Первый раз я выходила замуж тоже за очень богатого и знатного человека, а что в итоге? А в итоге я еле свожу концы с концами, и мне никак в этом не помогает мой титул - скорей уж, мешает. Так бы открыла свой салон причёсок - и зарабатывала спокойно, но кто подобное позволит леди?

- Но, тем не менее, вы нашли выход, - произнёс герцог с таким искренним восхищением, что у Зины на душе потеплело. - А если я предложу вам брачный контракт, в котором будет прописана пожизненная сумма на ваше содержание, которая сохранится за вами даже в случае нашего развода или моей смерти?

Зина задумалась. Предложение герцога поистине щедрое - настолько щедрое, что видится какой-то подвох. Зачем ему обещать ей такое? Неужели она и впрямь ему так подходит? Или просто у него денег куры не клюют, и ему не жаль выделить часть из них ради достижения цели?

- Милорд... - начала Зина, мысленно подбирая слова.

- Зовите меня Жак, - предложил герцог.

- Милорд, - упрямо повторила Зина, - ваше предложение весьма щедрое, и я его оценила по достоинству, но... Мне бы не хотелось, чтобы меня покупали.

Герцог хотел что-то сказать, но Зина подняла руку, останавливая его.

- Я всегда мечтала выйти замуж исключительно по любви. То есть, после первого неудачного договорного брака, - поправила себя девушка, вспомнив, что сейчас она Эжения, которая вообще-то уже была замужем. - Я боюсь, что ваши условия мне не подходят.

Зина замолчала, герцог тоже молчал, только продолжал смотреть на неё изучающе. Зина не выдержала взгляд мужчины и опустила глаза. Она не знала, правильно ли поступила, отказав ему. С одной стороны, это замужество полностью решило бы все её проблемы - как в плане финансов, так и в плане маячившего на горизонте монастыря. Никто не заподозрит жену одного герцога в попытке убить жену другого. Да и права отправить чью-то жену в монастырь нет даже у короля. Это может сделать только муж. Но, с другой стороны, чем то, что предлагает герцог, лучше монастыря? И так, и так Зина лишается свободы, только в случае договорного брака она еще и принципами своими жертвует. Ведь ей придётся жить с нелюбимым человеком, спать с ним, рожать ему детей - герцог чётко дал понять, что брак, хоть и договорной, будет настоящим, а не фиктивным. Бросив украдкой взгляд на строгое лицо герцога, Зина подумала, что вполне могла бы и влюбиться в него - а это вообще была бы катастрофа. Ведь не факт, что мужчина ответит взаимностью. Но, помимо всего перечисленного, есть ещё кое-что: на самом деле она - не Эжения. Она Зина, попаданка. И, если она права, и её закинуло в этот мир лишь временно - пока не закончится книжный сюжет, то потом Зина вернётся обратно, в свой мир, а замужем за герцогом окажется Эжения. Вряд ли та расстроится,

конечно, но это всё же как-то неправильно. По отношению к обоим - и к герцогу, и к Эжени.

Первым молчание нарушил герцог Монтеберский:

- Не спешите отказываться, Эжени. Я ведь не завтра зову вас под венец. Мы можем заключить помолвку, за время которой узнаем друг друга получше. Вы нравитесь мне - я думал, что это понятно из моих слов. И я вижу, что тоже симпатичен вам. Конечно, это еще не любовь, но симпатия вполне может перерасти в нечто большое. Давайте дадим друг другу шанс? Не получится - просто разорвём помолвку.

"А в этом есть смысл, - подумала Зина. - Помолвка - не свадьба, на помолвку можно согласиться. Статус невесты герцога защитит меня от подозрений и сплетен не хуже, чем статус жены. Зато, если я права, и после того, как случится книжный хэппи-энд, я вернусь домой, то Эжени окажется здесь не женой, а только невестой. А там пусть сама решает, нужен ли ей муж, да и у герцога будет время узнать настоящую Эжению. Пожалуй, это идеальный со всех сторон выход. Но надо еще как следует всё обдумать."

- Милорд, я могу взять пару дней на раздумья?

- О, разумеется, Эжени. И прошу, зовите меня по имени.

- Хорошо, Жак. Тогда я сообщу вам о своём решении на приёме у графини Канопорской. Вы ведь будете там?

- Ради такого случая - непременно, - при этих словах герцог поднялся и поклонился. Зина в ответ присела в реверансе, а затем лично проводила герцога Монтеберского до двери, где тот вновь поцеловал ей руку, а заодно обжёг таким взглядом, что у Зины запунцовели щёки.

Герцог давно ушёл, а Зина всё так и стояла, прижав поцелованную руку к груди и пытаясь успокоить сердцебиение. А ещё Зина отчётливо понимала: если герцог возьмётся за неё ухаживать, её сердце перед ним точно не устоит.

Глава 23

Курьер от Эмилии приехал буквально через десять минут после того, как ушёл герцог Монтеберский. Зина наконец-то смогла вымыть

голову и нанести восстанавливающую маску, которая действительно оказалась выше всяких похвал. А потому наутро Зина, в сопровождении Милы и Даны, отправилась в салон к Эмилии - на обещанную экскурсию и для того, чтобы сделать большой заказ на маски для волос.

- Эжени! - Воскликнула владелица салона красоты на Купеческой улице, ставя ударение на последнем слоге.

- Эми! - Привествовала её в ответ Зина, с улыбкой отмечая, что сегодня её новая подруга выглядит еще более провокационно, чем в их первую встречу. На девушке был длиннополый - почти до колена - приталенный пиджак бордового цвета и бледно-голубые юбка-брюки - широкие и весьма похожие на длинную юбку, но при ходьбе становилось понятно, что это всё-таки брюки. Зине еще не доводилось видеть в этом мире девушек в брюках - ни среди знатных особ, ни среди простолюдинок, а потому она с веселым изумлением следила за приближением Эмилии. Образ молодой девушки дополняла выглядывающая из-под пиджака голубая блузка с пышным жабо, и зачесанные на одну сторону короткие, чуть вьющиеся, рыжие волосы.

В тот момент, когда Зина разглядывала новый образ своей подруги, у неё начала формироваться одна идея... Идея эта была еще сырая, и нуждалась в доработке, но Зина за неё ухватилась, решив, что обязательно обдумает её позже. А пока она с улыбкой обняла Эмилию и поблагодарила ту за подарок, предупредив, что собирается сделать заказ пока что на двадцать баночек - а дальше будет видно.

А затем начался мастер-класс: клиенток с утра было мало, так что Зина продемонстрировала варианты стрижек и причесок из своего мира, а Эмилия - те, что приняты на её родине. В качестве моделей и учениц выступил весь персонал салона, а также Мила и Дана. Стрижки, которые делать было не на ком, девушки, увлечшись, просто зарисовывали на бумаге, попутно объясняя своим работницам, как они делаются.

После обеда начали прибывать первые клиентки, а потому Зина собрала все эскизы, сказав, что она обязана показать их королеве, и отправилась домой. Дану она оставила в помощь Эмилии, а Милу взяла с собой. Она собиралась отправить бывшую горничную с письмом для главной фрейлины Её Величества - королевские указы необходимо исполнять. А вечером Зина собиралась посидеть в

одиночестве и как следует обдумать предложение герцога. Однако, планы пришлось пересмотреть, а решение принять гораздо быстрее, чем на то рассчитывала сама Зина. А всё потому, что, придя домой, Зина узнала, что её дожидается необычная гостья - та, кого Зина никак не ожидала увидеть в своём доме.

- Графиня Траутская, - склонила голову Зина, входя в собственную гостиную и приветствуя поднявшуюся навстречу Милену.

- Графиня Синопская, - в тон ей отозвалась та, тоже кивнув, как и положено, приветствуя равную. Хотя Милену и станет вскоре герцогиней, пока что она такая же графиня, как и Эжениа. Хотя, не совсем такая, конечно: ей графский титул достался от отца, а Эжениа получила его от мужа - но в данной ситуации это не играет роли.

- Чем обязана? - Вежливо поинтересовалась Зина, рассматривая гостью с ощущением некоторого внутреннего напряжения: что ей надо? Зачем пришла? Милену выглядела восхитительно в небесно-голубом платье, оттеняющем её шикарные чёрные локоны и меняющим цвет её глаз с изумрудного до цвета морской волны. И эти глаза цвета морской волны следили за Зиной с такой же настороженностью, с какой она сама следила за Миленой.

- О, я слышала, что ваши горничные создают великолепные причёски. Хотела бы сделать и себе что-то необычное.

Несмотря на беспечный тон девушки, Зина прекрасно поняла, что причёска - лишь предлог. Поток желающих получить новую причёску давно иссяк - а это значит, что горничные уже разобрались, как их делать, либо, что модницам высшего света наскучили Зинины новинки. А будущей герцогине вдруг, спустя столько времени, захотелось сделать у неё причёску? Ну-ну. Разумеется, вслух Зина сказала другое:

- Совершенно верно. Пройдёмте в зал для создания причёсок, там вы сможете выбрать подходящий для себя вариант.

Да, Зина потратила некоторое время и сделала каталог причёсок - разумеется, рисованный, ведь фотографии еще не изобрели в этом мире. И не факт, что вообще изобретут, хоть это и вероятно весьма, ведь этот мир всё-так отражает наш, пусть и не полностью. Усадив гостью в кресло и вручив ей каталог причёсок, Зина стала готовить рабочее место. Милу она всё-таки отослала с эскизами к фрейлине Её

Величества, а причёску Милене решила сделать сама - заодно, они наконец-то смогут поговорить без свидетелей.

Того, что Милену может представлять для неё какую-то угрозу, Зина не опасалась по нескольким причинам: во-первых, по книге Милену - ангел во плоти, который и мухи не обидит, во-вторых, слишком много свидетелей, чтобы та могла что-то сделать Зине, а в-третьих, Зина не верила, что это Милену заказала сама себя: подвергать опасности свою жизнь и жизнь своего ребёнка, которого она на тот момент носила, ради бессмысленной мести - да ни одна женщина, находящаяся в здравом рассудке, такого не сделает. К тому же, чисто физически Эжениа была явно сильнее Милены - более рослая, более крепкая по сравнению с миниатюрной брюнеткой. Словом, за свою жизнь Зина не опасалась, а вот пообщаться с главной героиней и расставить все точки над "и" хотелось. То, что и Милену пришла к ней одна - без компаньонки или подруги - тоже говорило в пользу того, что намечается приватный разговор.

- Я выбрала, - прозвенел чистый голосок Милены, и Зины подошла посмотреть, на какой причёске остановила выбор её "соперница". Оказалось, та хочет брейды.

- У вас такие красивые, длинные и густые волосы, - с сомнением протянула Зина. - Зачем вам это? С брейдами ваши волосы будут выглядеть прилизанными. Да и причёсок, которые можно с ними сделать, не так уж много. Может быть, лучше афрокосы? Те, хотя бы, можно по-разному уложить.

- Нет, хочу такую причёску, - твёрдо заявила Милену, и Зина только вздохнула. Она бы лучше уложила как-нибудь интересно такие шикарные волосы, чем прятать их в брейды.

- Хорошо, - сдалась Зина, - какого цвета пряди вплетать?

- А какие есть? - заинтересовалась Милену, и Зина продемонстрировала весь ассортимент искусственных волос. Графиня Траутская ожидаемо остановилась на зелёных шёлковых прядях.

Разделив голову на восемь условных частей, Зина начала плести. Поскольку брейдов на выбранном Миленой рисунке было всего восемь, то их плетение не заняло много времени, и через час Милену уже могла любоваться на получившуюся причёску.

- Расплести, когда надоест, сможет и ваша горничная. Только пусть работает аккуратно и не вытягивает искусственные пряди, а выплетает их. Ну и после расплетения, необходимо вычесать как следует волосы, чтобы удалить скопившиеся за время ношения таких кос выпавшие волоски, - профессиональным тоном проговорила Зина, рассматривая в зеркале получившийся образ. Да-а-а! Такой она главную героиню точно не представляла. При этом, по лицу самой Милены было непонятно, нравится ли ей непривычная причёска или нет.

- Спасибо, - нейтрально отозвалась та, - это вам.

И девушка протянула бархатный мешочек, в котором было...

- Это же ваше помолвочное кольцо! - ахнула Зина. По сюжету романа, Милена, решив, что герцог ей изменяет, выкидывает помолвочное кольцо. Герцог Ланттарский потом купит ей другое, когда они помирятся. Но такого вот поворота Зина никак не ожидала!

- Да, - спокойно ответила Милена. - И что?

- Но... А как к этому отнесётся ваш жених? - Осторожно поинтересовалась Зина, понимая, что вот оно - вот этот разговор, ради которого всё и затевалось, очевидно.

- Мне плевать, - резко ответила девушка, - как он к этому отнесётся. Так же, как ему было плевать, как я отнесусь к наличию у него любовницы!

Милена с вызовом смотрела на неё, а Зина, в этот момент внезапно почувствовала себя старше своего реального возраста лет на десять. словно она - умудрённая жизнью женщина, вынужденная объяснять очевидное юной и порывистой девушке.

- Вы заблуждаетесь, графиня, - мягко ответила Зина. - Герцог порвал с любовницей в тот же день, как стало известно о вашем прибытии для заключения помолвки.

- А тот поцелуй на приёме?.. - Пытливо вглядываясь в её лицо, быстро спросила девушка.

- На приёме не произошло ничего, что имело бы хоть какое-то значение, - твёрдо сказала Зина.

Милена всё еще с сомнением смотрела на неё, и тогда Зина решилась:

- Графиня, я вам скажу под большим секретом, только прошу вас сохранить эту новость в тайне: я выхожу замуж.

- Что-о-о? - Удивлённо распахнула Милена свои зелёные глазищи, в которых с каждой секундой ширилась паника. Поняв, что Милена превратно истолковала её слова, Зина торопливо продолжила:

- Герцог Монтеберский сделал мне предложение, и я собираюсь ответить ему согласием. Только прошу вас: не говорите никому, пусть для общества это будет сюрприз. Думаю, в скором времени вам придёт приглашение на помолвку.

Милена медленно выдохнула. Паника в её глазах постепенно уходила, сменяясь удивлением. Видимо, чистая и невинная героиня считала, что Эжениа - из тех женщин, на которых не женятся. Что быть чьей-то любовницей - это её потолок. Эти мысли так явно читались на открытом лице девушки, что Зина лишь горько хмыкнула в ответ. Что ж, ситуацию они прояснили, но подругами им всё же не быть. Милену она не винила - сама была не лучшего мнения об Эжении, пока не оказалась в её теле, да не примерила на себя её шкурку - причём, в буквальном смысле.

- О! - Наконец, выдавила из себя Милена. - Мои поздравления. Ну, я пойду.

- Возьмите кольцо! - крикнула ей вдогонку Зина.

- Нет, - покачала головой Милена, - оно ваше.

Прозвучало это как-то многозначительно, Зина даже напряглась немного, но потом расслабилась, решив, что Милена не имела в виду ничего, кроме того, что Зина честно заработала свою плату.

А еще Зина подумала, что, благодаря главной героине, у неё теперь нет иного выхода, кроме как согласиться на помолвку с герцогом Монтеберским. Она должна быть уверена, что со стороны герцога Ланттарского и его невесты ей не будут грозить никакие неприятности. Совесть при этом шептала, что нехорошо использовать в своих целях такого неплохого с виду человека, как Жак Ванрелл. Но Зина успокаивала себе тем, что со стороны герцога это сделка, так что у них просто будет взаимовыгодное сотрудничество. И, даже если Зина не выйдет в итоге за герцога замуж, она сделает всё, чтобы оказаться тому полезной и отблагодарить его за помощь. Ну, кроме того самого - так далеко её благодарность не распространялась.

Глава 24

На следующий день Зина посвятила время сборам на вечерний приём у её якобы подруги - Мари ле Фондани, графини Канопорской. По сюжету книги, на этом приёме не будет герцога Ланттарского и его невесты, зато Эжениа и её подруги якобы именно на этом приёме сговорились о том, как расстроить свадьбу Милены и Кастлера. Естественно, у них ничего не вышло. Зина не знала, должна ли она присутствовать на приёме у своей "подруги", тем более, что отношения с неразлучной троицей у неё испортились. Но Зина решила так: раз в книге упоминается этот приём, значит, надо его посетить. Тем более, на нём она собиралась дать герцогу Монтеберскому положительный ответ по поводу помолвки. Почему-то эта мысль вызывала у девушки ощущение волнительного предвкушения, словно в её жизнь должно вот-вот войти что-то хорошее. Никак рационально она не смогла бы это ощущение объяснить, но душа пела - и Зине было радостно и светло от этого.

Вот в таком настроении она и собиралась на приём, когда Карл доложил о том, что в гостиной ожидает герцог Ланттарский. Настроение Зины тут же спустилось до нуля. Что этому герцогу нужно, она примерно представляла: вот как знала, что не следовало брать кольцо у Милены. Наверняка сегодня девушка не выдержала и "раскололась" перед женихом, что отдала кольцо Эжении. И тот, конечно же, прискакал за ним. Зина бы с удовольствием вручила кольцо Карлу, попросив передать его герцогу - и не встречалась бы с Его Светлостью, но поступить так - значит, проявить неуважение. Поэтому Зина, с тяжелым вздохом, стала спускаться, попутно пытаясь изобразить на лице вежливую улыбку. Но, стоило ей войти в гостиную, как улыбка исчезла без следа: герцог, едва завидел Зину, ринулся к ней с рёвом раненного бизона.

- Что ты сказала моей невесте?! - прорычал он, нависая над порядком струхнувшей девушкой.

- Ч-что? - переспросила, заикаясь, Зина: уж слишком неожиданным стало для неё неадекватное поведение герцога.

- Милена вчера была у тебя, не притворяйся! О чём вы с ней говорили? - Герцог Ланттарский продолжал рычать, но уже явно немного взял себя в руки. Зина тоже успела чуть прийти в себя, и постаралась сказать как можно спокойнее:

- Во-первых, милорд, не могли бы вы для начала сесть в кресло, а не нависать надо мной? Во-вторых, неплохо бы объяснить, в чём суть ваших претензий. Да, графиня Траутская заходила ко мне, чтобы сделать причёску. Ни о чем особом мы с ней не говорили, и я не понимаю вашей реакции.

- Не понимаешь, да? Причёску, да?! - Снова сорвался на рык герцог. - Этот ужас ты называешь причёской?! Думала, что изуродовав мою невесту, добьёшься того, что я откажусь от свадьбы?

- Че-е-го-о-о? - Настала очередь Зины злиться, хотя девушка не могла бы сейчас сказать, чего она больше испытывает: шок от того, что сказал Оделл, либо злость по тому же самому поводу. Да, она сама отговаривала Милену от такой причёски, но хяять свою работу она никому не позволит! Тем более, этому надутому индюку, который возомнил себя пупом вселенной и мечтой всех половозрелых особ. Зина выпрямилась и двумя руками с силой оттолкнула от себя герцога. Кастлер Оделл от неожиданности шагнул назад, запнулся о пуф и упал в кресло. Зина же продолжила грозно наступать на него, и теперь уже она над ним нависала:

- Ужас? Моя причёска - ужас? А вам не приходило в вашу светлую голову мысль, что не все причёски одинаково идут любой из женщин? Моя работа безукоризненна, а причёску выбирала не я, а ваша дражайшая невеста! Я предупреждала её и отговаривала, но она настаивала, а желание клиентки - закон! Прежде, чем врываться ко мне и сыпать нелепыми обвинениями, лучше бы поговорили со своей невестой! И, к вашему сведению, мне до вас обоих нет никакого дела - у меня своя жизнь! И я бы предпочла, чтобы впредь вы выясняли отношения без моего участия!

Высказав всё это, Зина ощутила просто физически огромное облегчение. Герцог же, как упал, так и полулежал в кресле, глядя на Зину-Эжению круглыми глазами. Кажется, такой эмоциональной вспышки он от неё не ожидал. Зина же, спустив пар, отошла от поверженного герцога и села напротив него на диван. Оделл тоже пришёл в себя, сел нормально в кресле и устремил взгляд на Зину.

- Значит, - прокашлявшись, начал он уже спокойно, - это была идея Милены - сделать такую... ммм... причёску?

Герцог явно проглотил какое-то непечатное слово, но Зина великодушно решила ему это простить - вслух же не произнёс.

- Именно.

- И вы ничего ей не говорили о том, что это вы, а не она, станете моей женой? - придя в себя, герцог Ланттарский вспомнил о приличиях и перешёл на "вы".

- Да с чего мне такое говорить? - удивилась Зина. - Откуда вы вообще это взяли?

- А что я должен был еще подумать? - Возразил герцог. - Вчера заявила моя невеста с этой жуткой... жутко интересной, но совершенно ей неподходящей причёской - и без кольца. А на мой вопрос, где оно, ответила, что у той, у кого и должно быть по праву. Кто делает необычные причёски - мне было известно. Да и эти её слова... Сложить два и два не составило труда.

Зина слушала Оделла, слушала - и не выдержала. Где-то на середине его объяснений она начала подхихикивать, а под конец уже смеялась в голос, вытирая выступившие от смеха слёзы. Вот Милена, вот же зараза! Ну, она даёт! Это же надо было так вывернуть ситуацию, что, не сказав ни слова неправды, довела жениха до бешенства! Зина даже предполагала, чем вызван подобный демарш со стороны главной героини: по книге момент, в котором та выкидывает помолвочное кольцо, произошёл после того, как Ланттарский заявил, что ему от неё нужен только наследник. Там было еще много чего, что влюблённые наговорили друг другу в запале - а в том, что герои уже влюблены друг в друга, Зина не сомневалась, слишком уж это было заметно по их поведению, которое перестало отличаться какой бы то ни было адекватностью. И Зина бы искренне за них порадовалась, если бы они не втягивали её в свои разборки. Милена ведь, по сути, подставила её. Да, та хотела насолить жениху, но она не могла не понимать, что её поступок отразится на Зине. Хотя... Может, не зря говорят, что влюблённые резко глупеют? Вряд ли действующая на эмоциях девушка просчитала все последствия своего поступка. Она ведь, фактически, специально столкнула своего будущего мужа с его бывшей любовницей. И чем окончится такая встреча, она не могла знать наверняка. Будь на месте Зины настоящая Эжения - она бы своего не упустила.

- Разве я сказал что-то смешное? - Насупился герцог, из-за чего Зина чуть повторно не рассмеялась - очень уж по-детски это

выглядело.

- Нет-нет, - справившись с очередным приступом смеха, сказала Зина. - Я смеюсь над тем, как сложились обстоятельства. Милорд, произошло недоразумение: многие леди, в благодарность за причёску, оставляют мне разные безделушки. Милена вот оставила кольцо, хотя я отказывалась. Не знаю, что между вами произошло - это не моё дело, а кольцо я вам сейчас же верну.

- Я компенсирую стоимость кольца, - заикнулся было Кастлер Оделл, на что Зина аж руками на него замахала:

- Ни в коем случае! Слухи только-только улеглись, а вы хотите, чтобы поползли новые? По-хорошему, вам и приходить сюда не следовало. Единственное, о чём я вас попрошу, так это впредь решать свои семейные конфликты без меня.

При этих словах герцог Лантгарский смутился, а Зина, вызвав Карла при помощи колокольчика, попросила его принести кольцо из кабинета. Зина как чувствовала, что оно у неё ненадолго - так что даже убирать не стала.

Герцог ушёл с кольцом Милены, а Зина, периодически нервно посмеиваясь, продолжила готовиться к приёму. Сегодня на ней будет светло-салатовое платье - из тех, что были взяты из гардероба Эжени и перешиты. Волосы Зина, для разнообразия, уложила по местной моде: не было времени что-то новое придумывать, да и нельзя использовать новые причёски без ведома королевы. Мила-то письмо с зарисовками фрейлине отнесла, а ответа Зина пока не получила.

Дом графини Канопорской был расположен за городом, а потому ехать туда пришлось больше часа. Сама графиня встречала гостей в дверях вместе с невысоким невзрачным мужичком, который неожиданно оказался её мужем - Клодом ле Фондани, графом Канопорским. Зина вообще считала, что Мари - вдова, а потому несказанно удивилась наличию у неё супруга. Но вида не подала, приветливо поздоровавшись с обоими. Хозяйка вечера была в излишне пышном бордовом платье с воланами на рукавах и достаточно большим декольте - отчего её муж, одетый в обычный черный костюм, еще больше терялся на фоне супруги.

Зину же на этом празднике жизни интересовал только один человек: стоило ей заметить знакомую фигуру герцога Монтеберского, как сердце девушки забилось с удвоенной силой.

Пробираясь через ряды гостей, попутно здороваясь со знакомыми, Зина не отрывала взгляда от герцога - и тот почувствовал, обернулся. Зина ожидала, что Жак улыбнётся ей, но мужчина оставался хмурым, и девушка заволновалась: в душе у неё появилось дурное предчувствие.

Дойдя до герцога Монтеберского, Зина присела в реверансе. Герцог поклонился, поцеловал ей руку по своему обыкновению, но что-то было не так: не чувствовалось привычного тепла во взгляде, не хватало особой улыбки, которую он дарил только ей. И Зина окончательно уверилась, что что-то случилось. Но что? Может быть, герцог ожидает, что Зина ответит ему отказом, вот и выглядит напряженным? Желая поскорее успокоить мужчину, Зина проговорила:

- Милорд, я обдумала ваше предложение, и готова принять его.

На лице герцога не отразилось ничего. С минуту длилось тягостное молчание, после чего мужчина разлепил словно вмиг ставшие непослушными губы и сухо произнёс:

- Прекрасно. Только я думал, вы поняли, что брак будет настоящим. Никаких любовников ни во время помолвки, ни после свадьбы - если до неё дойдёт дело - я не потерплю. Так что обдумайте ваш ответ ещё раз, и хорошенько.

Глава 25

Зина почувствовала себя так, будто её ударили под дых: куда-то резко исчез весь воздух из лёгких, а новая порция живительного кислорода поступать не спешила. Наконец, Зина сумела заставить себя сделать резкий вдох и медленно выдохнула. Прodelав это упражнение несколько раз, девушка почувствовала, как с каждым выдохом понемногу избавляется от охватившей её смеси эмоций, состоящей из обиды, непонимания, разочарования. Уж от кого-кого, а от Жака Ванрелла она таких слов не ожидала. Он выглядел другим, чуждым всей этой насквозь фальшивой толпе: Зине мнилось, что он смотрел прямо в суть и видел её настоящую...

Совладав с эмоциями, девушка сказала:

- Мне казалось, что вам безразличны сплетни.

Она хотела произнести эти слова спокойно, но в её голос всё же прорвалась горечь - и та же горечь, как ни странно, прозвучала в ответе герцога:

- Сплетни - да. Но не верить собственным глазам я не могу.

- И что же такого вы могли увидеть, что позволило вам сделать в отношении меня подобные выводы? - вскинула голову Зина. На герцога она смотрела прямо - взглядом человека, знающего, что за ним нет вины. И в единственном здоровом глазу мужчины промелькнуло сомнение. Тем не менее, он всё же озвучил:

- Сегодня я собирался зайти за вами, чтобы предложить отправиться на этот приём вместе. Но, подъезжая к вашему дому, увидел карету герцога Ланттарского, и его самого - у вашей двери. Видел, как мажордом впустил его. Что, по-вашему, я должен был подумать, особенно учитывая настойчивые слухи, что ходят по поводу ваших отношений?

- Что герцог зашёл ко мне по делу, - отрезала Зина, сложив руки на груди в неосознанном защитном жесте. То, что подобная поза не пристала леди, Зину волновало сейчас меньше всего.

- По какому делу? - Криво усмехнулся Ванрелл. - Я не мальчик, миледи, и прекрасно знаю, по какому делу может заходить к молодой и красивой вдове без пяти минут женатый мужчина. Явно не с целью предложить свои ухаживания и не с целью сопровождения её на приём. Да и не видно что-то Ланттарского здесь.

С этими словами герцог демонстративно обвёл глазами зал. Зине пришлось ещё несколько раз выдохнуть и вдохнуть, прежде чем она смогла ответить. Этот Ланттарский со своей невестой уже в печёнках у неё сидят! И здесь сумели подгадать, пусть и не специально, но всё же. Это с одной стороны, а с другой - хорошо, что данный вопрос всплыл сейчас, а не после помолвки. Всё же они с герцогом Монтеберским еще очень плохо друг друга знают - отсюда недоверие и сомнения. Им надо откровенно поговорить друг с другом - но если и после разговора Жак не сможет ей поверить, что же: значит, им не по пути. Всё это Зина и озвучила пытливо на неё глядящему мужчине, предложив прогуляться по саду вокруг дома и поговорить. Герцог согласился и сам повёл девушку в сад, предложив ей руку.

Какое-то время они просто шли, то ли думая о своём, то ли любуясь цветами, затем герцог заговорил:

- Вы расскажете, зачем на самом деле к вам приходил Оделл?

Зина отметила, что он всё-таки поверил ей - или сделал вид, что поверил. Во всяком случае, готов выслушать. И она начала рассказ - с самого начала, опустив лишь собственное попаданчество. О расставании с герцогом Ланттарским, о его помолвке, о том, что невесте герцога донесли про бывшую любовницу. О навязанном поцелуе тоже рассказала, ощутив, как напряглась в этот момент рука мужчины под её рукой. О том, как помог ей граф Даниятский, с которым они создали фальшивые слухи по поводу их якобы романа - как ни странно, но к этому обстоятельству герцог отнёсся спокойно. И, наконец, о странном посещении её дома графиней Траутской, о нестандартной причёске, которую та попросила сделать, и о помолвочном кольце, оставленном девушкой в качестве благодарности. Так, рассказ плавно перешёл к тому, как в её дом ворвался разъярённый герцог Ланттарский и вывалил на Зину кучу обвинений.

Под конец её рассказа герцог хмурился и кидал на Зину обеспокоенные взгляды.

- Мне не нравится, что вокруг вас плетутся какие-то интриги, смысл которых до конца не ясен, - хмуро сказал он. Не успела Зина возмутиться и ответить, что ей это тоже не нравится и вообще, никто его не держит, как Ванрелл продолжил:

- Я могу вас защитить, но надёжнее всего это сделает моё имя. Сейчас вы беззащитны - за вами нет влиятельных родителей или мужа, но если вы станете моей невестой, то моё имя будет уже достаточной защитой для того, чтобы интриганы, как минимум, выбрали себе другую жертву.

- Я не собираюсь выходить за вас только ради защиты, - сочла нужным предупредить Зина. - Как-нибудь справлюсь сама.

- Не сомневаюсь, - мягко проговорил герцог, и в его взгляде вновь появилась исчезнувшая было теплота, - но всё-таки вынужден настаивать на помолвке. Понимаю, что обидел вас своим недоверием и вы вправе передумать... Но прошу вас не делать этого - ради вашей безопасности, в первую очередь. Клянусь, что разорву помолвку по вашему первому требованию, и не буду ничего от вас требовать.

- Но зачем вам это? - Недоуменно спросила Зина. - Вам ведь нужен наследник, а значит, нужна жена. Зачем тратить своё время на

ту, которая может отказаться таковой становиться?

На это герцог покачал головой:

- Если бы мне нужен был только наследник, я бы вообще, возможно, не женился - можно ведь сделать так, чтобы забеременела любовница, а потом просто признать бастарда. Нет, мне нужна нормальная семья, с нормальной адекватной женщиной. И, думается мне, что я такую уже нашёл.

На этих словах герцог выразительно так посмотрел на Зину, а затем продолжил:

- И, надеюсь, что она сможет простить меня за то, что я усомнился в ней.

Зина ощутила, как пульс ускорился, а во рту пересохло от волнения. Слова герцога о нормальной семье нашли отклик в сердце Зины - именно об этом мечтала и она сама, да и то, что мужчина извинился, говорило в его пользу. Но, оказалось, что герцог еще не закончил:

- Однако, прежде чем спрашивать повторно ваше согласие на помолвку, я считаю, что вы заслуживаете ответной откровенности с моей стороны. Пусть с этого дня между нами не будут стоять никакие слухи - ни о вас, ни обо мне.

- Вы не обязаны... - попыталась возразить Зина, но герцог её остановил:

- Не обязан, но я хочу рассказать вам. Вам ведь интересно узнать, что случилось с моей женой, и откуда у меня эти шрамы? Можете не отвечать, я знаю, что интересно, но вы достаточно тактичны, чтобы не спрашивать меня об этом.

Зине действительно было любопытно, но она опасалась того, что своим любопытством всколыхнёт болезненные воспоминания мужчины, да и не было у неё раньше права на проявление такого рода любопытства - всё-таки герцог был ей, по факту, чужим человеком. Но теперь она станет его невестой - и он прав, будет лучше, если между ними не останется недомолвок.

- Вы говорили, в свете ходит две версии, - начал свой рассказ герцог. - Первая гласит, что это я убил свою жену, а вторая, что я пытался её спасти. Правда же в том, что это она пыталась меня убить.

Зина тихо ахнула и тут же закрыла рот рукой, чтобы не мешать мужчине изливать душу.

- Быть молодой состоятельной герцогиней - чем не предел мечтаний для честолюбивой девушки? - скривил губы в усмешке герцог. - Вот только супруг в эти её планы не вписывался. Я, видите ли, пытался ограничивать её аппетиты, намекал, что пора подумать о детях - не всё же гулять да веселиться. И в какой-то момент супруга решила, что быть богатой вдовой ей гораздо выгоднее и удобнее. Я не знаю, где Элен взяла динамит, и кто надоумил её взорвать мой рабочий кабинет. Но этот человек явно не рассказал ей о технике безопасности. Она, похоже, вообще слабо представляла, как это работает: заложила взрывчатку в кабинете в моё отсутствие, и сразу же подожгла фитиль. Далеко отойти не успела - так что взрывом задело и её. Я бросился в то крыло сразу же, как только взрыв сотряс замок. Элен засыпало обломками и, пока я пытался её вытащить, на меня обрушилась часть стены. Так я потерял глаз и приобрел несколько шрамов, один из которых украшает моё лицо. Другие скрыты одеждой и, сказать, по правде, выглядят не так ужасно, как этот. Элен спасти не удалось - когда завал убрали, она не дышала.

Зина молчала, не зная, что сказать. История, рассказанная герцогом, повергла её в ужас. Правда оказалась куда чудовищнее и, в то же время, реалистичнее любых, самых жутких слухов.

- Вы... любили её? - наконец, тихо спросила девушка - и по взгляду мужчины поняла ответ. Любил. Оттого ему было вдвойне больнее: и потеря, и предательство - и всё в один день. Как можно было такое пережить и не сломаться? У Зины не было ответа.

- Теперь вы знаете всё, - заключил герцог Монтеберский. - Если у вас остались какие-то вопросы, задавайте - я постараюсь ответить.

- Может быть, ваша жена была такой же жертвой? Может, это не она всё организовала?

- Увы, - с болью в голосе ответил герцог, - я бы хотел так думать, но факты - упрямая вещь. Я лично расследовал обстоятельства произошедшего. Единственное, в чём я убежден, так это в том, что Элен на такое кто-то надоумил - сама бы она в жизни не догадалась использовать взрывчатку. Куда проще отравить неугодного мужа. К сожалению, я так и не выяснил, кто это мог быть. У Элен был весьма

широкий круг общения, а динамит тогда только изобрели - и его обсуждали на каждом шагу.

- Так, может, она сама и решила его использовать, наслушавшись разговоров? - предположила Зина, на что Жак лишь пожал плечами, говоря тем самым, что, мол, всякое возможно.

- А те слухи, - вспомнила Зина, - по поводу того, что вы оказываете какие-то особые услуги короне?

- Это правда, - ответил герцог со вздохом, - хотя я и не понимаю, каким образом это просочилось в массы. Я помогаю расследовать дела, связанные с аристократией - то есть там, куда обычной полиции вход заказан. Но это - тайна, и я прошу вас, Эжениа, не распространяться об этом. Вам я сообщил, так как вам надо это знать, если всё-таки решитесь стать моей невестой.

- Разумеется, я никому не скажу, - заверила Зина. А сама подумала, что быть рядом с герцогом, учитывая, чем он занимается, может быть еще опаснее, чем одной. Но почему-то она верила Жаку - безотчётно, интуитивно. Знала, что поможет и защитит.

- Нам осталось проверить только одно, прежде, чем мы объявим свету о своей помолвке, - вдруг сказал герцог Монтеберский изменившимся тоном.

- Что именно? - Нахмурилась Зина, приготовившись сосредоточенно внимать. Но герцог молчал; вместо этого он шагнул ближе, кончиками пальцев провёл по её щеке, попутно убирая выбившийся из причёски локон. Обвёл ласкающим взглядом её лицо, задержался на губах - и в груди у Зины что-то сладко ёкнуло от понимания того, что сейчас произойдёт.

Жак медленно склонился к её губам, его рука скользнула Зине за спину и, обхватив девушку за талию, притянула ближе - теперь они стояли вплотную, прижимаясь друг к другу. Несколько секунд герцог еще помедлил, а затем его губы коснулись её губ. Ни один поцелуй до этого момента не заставлял Зину растворяться в пространстве, забывая обо всём на свете. И поэтому, когда поцелуй наконец прервался, Зина не сразу расслышала хриплый шёпот герцога и не сразу поняла, что он спрашивает:

- Вы станете моей невестой, Эжениа?

- Да, - выдохнула Зина, - стану!

В этот момент Зина забыла, что она - не Эжениа, забыла обо всех проблемах и заботах, и просто искренне ответила мужчине, сумевшему что-то затронуть в её душе.

Глава 26

Весь следующий день и еще несколько дней после приёма Зина провела дома: ей необходимо было подумать. Во-первых, её беспокоила усиливающаяся симпатия к герцогу Монтеберскому: не помогало даже самовнушение, что он, вроде как, вымышленный персонаж - целовался он с ней как вполне реальный мужчина. Во-вторых, события приёма у ле Фондани пошли не по сценарию: никакую каверзу для Милены они с гадючным трио не придумали, зато она теперь невеста - что тоже совершенно не по сюжету книги. И, в-третьих, с появлением герцога Монтеберского вообще не ясно, как теперь пойдёт сюжет. Герцог навещал Зину в эти дни и они договорились, что приём по случаю помолвки будет в городском доме герцога, а вот бал следует провести в родовом замке, который - на секундочку - находится в герцогстве Монтеберра. А это - два с лишним дня пути в карете. Сразу после помолвки Зине предстоит отправиться в родовое гнездо жениха, дабы подготовить всё к балу. Надо ли говорить, что из-за этого она надолго выпадет из сюжета? К чему это приведёт? Непонятно. Но менять планы Зина не хотела: она до смерти устала следить за сюжетом, бороться с ним, решать проблемы главных героев и терпеть всё это высшее столичное общество. Единственное, о чём Зина собиралась позаботиться перед отъездом - это о процветании их с Эмилией общего дела. И у неё были идеи, как всё организовать.

Прежде всего, Зина не теряла на приёме времени даром: она не только договорилась с герцогом о помолвке, но и обмолвилась нескольким леди о том, что у неё есть подруга иностранка, у которой собственный салон красоты. А также рассказала, что подобные салоны - последний писк моды в Варнавии. Конечно, поначалу Зина столкнулась с непониманием: разве может леди держать свою лавку? Это ведь удел мужчин - и не аристократов, а торговцев. Пришлось Зине объяснять дамам, что это не лавка, а дамский салон, и что наиболее успешные торговцы в Варнавии имеют статус не ниже

аристократов. Леди покивали: в их среде тоже нередко аристократы женились на "кошельках" сомнительного происхождения. Так какая разница, как вводить торговцев в ряды аристократии - через брак или иным образом? Главное, что деньги и власть всегда должны идти рука об руку, а остальное - мелочи.

Словом, зерна упали на благодатную почву. Уже вечером следующего дня к ней заехала сияющая Эмилия и сообщила, что целый день у неё был аншлаг, и что она собирается строить дополнительные залы, чтобы аристократок обслуживать отдельно от простых горожанок. Тут-то Зина и поделилась с Эмилией своими планами. Девушка поначалу отказывалась, но, стоило Зине расписать ей все перспективы, согласилась. А Зине оставалось уладить еще один важный момент.

Королева наконец-то дала о себе знать и пригласила Зину-Эжению на чаепитие в узком кругу. Зина поняла это как возможность продемонстрировать новые прически, а потому позвала Милу:

- Помнишь, как делать стрижку "Каскад"? Я показывала вам с Даной в салоне у Эми.

- Помню, Ваше Сиятельство, - ответила девушка.

- Сможешь сделать на моих волосах? - Уточнила Зина. - Ты ведь знаешь, у меня скоро помолвка, и я должна быть с распущенными волосами. Но просто распущенные волосы - это неинтересно, я хочу прическу, да и концы всё равно срезать надо.

Мила думала не дольше десяти секунд:

- Смогу, Ваше Сиятельство.

- Отлично! - Воодушевилась Зина. - Так мы придадим волосам форму, подравняем их, срежем истончившиеся концы - и при этом сохраним длину. Такая прическа точно придётся ко двору - как минимум, для будущих невест. И еще, Мила: тебе надо будет сопровождать меня во дворец. Думаю, что королева захочет посмотреть еще какую-нибудь стрижку из тех, что я прислала ей в качестве экзисов. Тебе придётся поработать личном стилистом фрейлин Её Величества. Справишься?

В этот раз Мила думала дольше. Наконец, неуверенно кивнула. Понятное дело - простая горничная никогда не была во дворце и понятия не имеет, справится ли она.

"Придётся девушку немного поднатаскать" - подумала Зина, и решила, что ей и самой не помешает "поднатаскаться". Подумав ещё, Зина решила, что правильнее будет обучить обеих девушек - не только Милу, но и Дану. Верный Карл по просьбе Зины нашёл для бывших горничных учительницу, а Зина присутствовала на их занятиях - якобы для контроля, а на самом деле, училась сама. Зина осознавала, что теперь, в статусе будущей герцогини, ей придётся куда пристальнее уделять внимание этикету и разным мелочам. Подвести Жака ей очень не хотелось. Учителя танцев Зина решила нанять сразу же, как только приедет в замок своего жениха и начнёт готовиться к балу. Жаку это можно объяснить тем, что она не хочет ударить лицом в грязь в новой роли, а прислуги и близких знакомых, знающих, что Эжениа и так прекрасно танцует, рядом не будет.

Тем временем, дата королевского чаепития приближалась. Зина сотни раз про себя повторила речь, с которой планировала обратиться к королеве, мысленно перечислила все доводы - и удовлетворенно кивнула. Марселия всё еще может отказаться, но при этом Зина сделает всё, что от неё зависит.

И вот момент настал: Зину провожает разодетый лакей, которого легко можно было бы перепутать с каким-нибудь вельможей, если бы не форменная куртка, которая, к слову, тоже отличалась роскошью и изяществом.

Войдя в чайную, Зина приседает в глубоком реверансе, и видит несколько ответных: в комнате, помимо королевы, присутствуют и фрейлины, титул которых ниже Зининого. Титул, но не статус: статус королевской фрейлины очень почётен.

Волосы Зины уложены в высокую причёску и королева хмурится. Рассчитывала, что Зина придёт остриженная под каре? Во время чая дамы ведут ничего не значащий разговор, и только после королева приступает к самому главному, ради чего здесь и собрались бросающие на Зину любопытные взгляды, фрейлины.

- Дорогая, мои фрейлины весьма заинтересовались вашими эскизами. Не откажетесь ли продемонстрировать часть причёсок на добровольных помощницах?

Зина не стала спорить. Кивком головы она подозвала Милу и та стала быстро раскладывать все необходимые приспособления на специально принесённом для такого случая столике. Дамы за всем

наблюдали со сдержанным любопытством. В итоге на радикально короткую стрижку решилась только главная фрейлина, которой явно не хватало объёма волос. Зина оставила женщине длину до середины шеи, и завила волосы, придав им тем самым дополнительный объём. Фрейлина осталась довольна - правда, всё равно попросила закрепить поверх накладную косу. Продемонстрировала Зина и свой каскад, объяснив Её Величеству по секрету, для чего она сделала именно такую причёску. Королева благосклонно отнеслась к предстоящей помолвке, и Зина сочла момент удачным, чтобы упомянуть Эмилию:

- Ваше величество, мне, как будущей герцогине, надо будет уехать в замок будущего мужа...

Марселия кивнула, давая знак, чтобы Зина продолжала.

- Но вместо меня останется моя подруга, у неё гораздо больше новых идей в области причёсок, чем у меня. Она иностранка, а там мода немного отличается от местной... А ещё там популярны салоны красоты, где леди могут сделать себе причёску, макияж, прочие косметические процедуры.

- У нас такое принято, - проговорила королева, - ведь у всех аристократок есть горничные.

- И это очень печально, Ваше Величество! - воскликнула Зина, отчего королева недоуменно приподняла бровь. Зина, тем временем, продолжала: - Ведь это же такие налоги мимо королевской казны проходят! Горничным платят зарплату сами аристократы, государство с этого ничего не имеет. А вот с салонов красоты можно брать налоги, которые будут оплачивать те же самые аристократы. Таким образом, с каждой причёски и с каждой процедуры в казну будет поступать деньги, которые раньше проходили мимо. Как вы считаете, Ваше Величество, нам бы такая мода тоже не помешала?

Королева задумалась - при этом она не сводила глаз с Зины, отчего девушка заметно нервничала: всё-таки, не было у неё привычки разговариваться с венценосными особами. Этикет она не нарушила, но мало ли что не понравится королеве? Словом, поводов для волнения хватало. Однако Марселия пообещала обсудить вопрос с королём и дать знать Зине. На этом аудиенция закончилась, и Зина поспешила к Эмилии - обрадовать подругу тем, что, возможно, вскоре ей придётся расширять бизнес и создавать сеть салонов. Причём, рекламу на себя возьмёт королева. А там по ходу дела можно королеве вернуть и про

всеобщую электрификацию - ведь электричество давно изобрели, и в Варнавии его уже всюду используют в производственных масштабах. Зина бы многое отдала за электрическую плиту - вместо той, что надо нагревать на углях. Но до этого еще далеко.

Закончив с делами, Зина полностью посвятила время подготовке к приёму по случаю помолвки. Это первый приём, который она сама даёт - до этого она только ходила по чужим приёмам. И, так как этого приёма в книге не было, Зина просто не знает, чего ожидать от него, а потому решила, что должна быть готова ко всему. Все расходы по подготовке, включая платье и драгоценности, герцог Монтеберский взял на себя - не взирая на не слишком активные протесты Зины: всё же девушка понимала, что не потянет финансово на должном уровне ни приём, ни, тем более, бал. Жак больше не пытался её целовать с того памятного вечера, но при встрече бросал такие взгляды, что Зина потом с трудом могла сосредоточиться на делах. Зина понимала, что может влюбиться - и пыталась бороться с этим чувством. Но для этого надо было ограничить общение с объектом симпатии, что в данной ситуации просто не представлялось возможным.

Глава 27

Зину не оставляло ощущение дежавю: те же гости, тот же повод, но время и место действия другие. Ещё недавно она была в качестве гостя на приёме по случаю помолвки герцога Лантгарского и графини Траутской, а теперь сама - невеста, и этот приём - в её честь. Если Милена на своей помолвке была в золотом платье, то платье Зины - цвета червлёного серебра. Каскад распущенных светлых волос спускается по плечам, скользит по спине. Юные девушки на своей помолвке должны быть в светлых нарядах, но Эжениа - вдова, а потому её черное с серебром платье вполне подходит. Зина находит взглядом жениха: герцог Монтеберский тоже оделся во всё черное, лишь рукава и воротник сюртука оторочены серебром. Жак, почувствовав её взгляд, улыбается ободряюще. Зина знает, что он тоже волнуется, хоть и не подаёт виду - откуда-то в ней появилось знание настроения этого мужчины.

Гостей Зина и Жак встречали вместе, но сейчас их разделили, и Зина теперь одна выслушивает лицемерные поздравления и пожелания аристократов. Но даже на расстоянии она ощущает поддержку герцога - мужчины, которого с сегодняшнего дня может называть своим женихом. Всё это кажется Зине таким странным, таким нереальным, что она снова начинает сомневаться, не сон ли это. Как это возможно, чтобы она, Зина, простая парикмахерша, стала невестой целого герцога? И не просто герцога, а такого интересного и внимательного мужчины? Пусть даже это всё временно, пусть у них просто договор - всё равно это кажется невозможным.

"Впрочем, - вовремя вспоминает Зина, - я ведь в книге. А в книгах возможно всё." И пусть глаза, уши и другие органы чувств подсказывают, что мир, в котором она оказалась, вполне реален - девушка словно специально выстраивает между собой и этим миром и его обитателями стену. Ведь счесть их реальными людьми - значит, начать привязываться.

И тут Зина видит в толпе гостей ту единственную среди женщин, кого действительно хотела бы видеть на своей помолвке - и понимает, что привязываться уже начала.

- Эжени! - восклицает Эмилия, привлекая к себе всеобщее внимание. Экстравагантная варнавийка сегодня превзошла саму себя: её наряд представляет собой абсолютно прозрачное кружевное синее платье, все стратегические места в котором прикрыты: сверху - тёмно-синим корсетом, закрывающим и грудь, снизу - коротким, всего до середины колена, подъюбником. Сама юбка, как и положено, в пол - но, учитывая её прозрачность, можно сказать, что Эми пришла на приём в экстремально короткой для этого времени и этой страны, юбке. Медные пряди завиты в мелкое колечко, а украшает причёску кокетливая вуалетка всё того же глубокого синего оттенка. Зина успела заметить, как дамы собираются в стайки и шушукаются, глядя на Эмилию - а потом ей стало не до них.

- Эжени, дорогая! - Налетел на неё вихрь по имени Эми. - Как я за тебя рада!

Зина только закатила глаза на это. Она уже сто раз повторила Эмилии, что помолвка договорная, но та ей не поверила. Зина и сама в это уже не очень верила, но продолжала себя в этом убеждать.

- А где же твой красавчик жених? - Продолжала Эмилия, не считая нужным приглушить звук. - Ты должна меня познакомить с ним!

Рядом закашлялось несколько дам - то ли не ожидали, что герцога Монтеберского после полученных травм кто-то назовёт красавчиком, то ли в принципе не одобряли шумного поведения незнакомки.

- Конечно, Эми, - ответила с улыбкой Зина. Появление её подруги - как глоток свежего воздуха. Девушка внезапно поняла, что она больше не волнуется, что присутствие рядом Эмилии добавляет ей спокойствия и уверенности. Зина уже хотела подвести подругу к Жаку, чтобы познакомить, как вдруг перед девушками нарисовался ещё один персонаж, к которому Зина испытывала симпатию - даже не смотря на его ужасную репутацию и легкомысленный характер.

- Граф Даниятский! - Воскликнула Зина. По правде сказать, она уже успела соскучиться по этому прохвосту.

- Графиня, - поклонился ей обаятельный блондин и улыбнулся, захватывая её ручку для поцелуя.

- Я рада, что вы пришли, - совершенно искренне произнесла Зина. Леопольд действительно был одним из немногих людей в этом мире, кого девушка была рада видеть.

- А я весьма недоволен, миледи! - Шутливо воскликнул Лео. - Стоило ненадолго оставить девушку, как она уже собралась замуж выходить!

Зина на это развела руками, поддерживая шутку: мол, извините, но девушка - не статуя, стоять, где оставил, не будет.

Тут Леопольд обратил внимание на вторую девушку - и его глаза сперва удивлённо расширились, а затем заблестели в азарте.

- Графиня, не представите меня вашей очаровательной знакомой?

- Разумеется, - согласилась Зина, хотя про себя отметила, что надо предупредить Эмилию о ветренном характере блондина. - Граф Леопольд Даниятский, позвольте вам представить мою подругу, Эмилию Фейермау, она из Варнавии. Эмилия, Леопольд тоже мой друг, прошу любить и жаловать.

- Особенно любить, - с придыханием произнёс блондин, склоняясь к ручке Эмилии в приветственном поцелуе.

Эми невозмутимо дала поцеловать себе руку, хотя Зина подсознательно ожидала от неё какой-то выходки, а затем обратилась к

подруге, напрочь игнорируя графа:

- Так всё же, дорогая, ты познакомишь меня со своим женихом?

Однако Лео не был бы самим собой, если бы позволил себя игнорировать.

- Прекрасная леди, зачем вам чужой жених? Лучше уделите внимание мне - глядишь, обзаведётесь собственным.

При этих словах Эмилия медленно, прямо-таки царственно, обернулась к графу и произнесла:

- Вы делаете мне предложение?

Леопольд сперва опешил, но быстро взял себя в руки:

- О, вы так прекрасны, леди, что ваша красота заставляет заплетаться язык и путаться мысли!

- То есть, - медленно произнесла Эмилия, - вы сделали мне предложение, а теперь пытаетесь забрать его обратно, оправдываясь тем, что вы своему слову не хозяин?

Зина с большим удовольствием наблюдала, как блондин сперва краснеет, затем бледнеет, и ждала, как же всё-таки этот прохвост выкрутится на этот раз. Кажется, девушка зря переживала насчёт Эмилии: та явно сразу раскусила графа, и теперь тонко издевается над ним.

Выждав приличную паузу и так и не дождавшись ответной реплики от Леопольда, Эмилия взмахнула рукой:

- Не бледнейте, граф! Я не имею на вас видов и не собираюсь заставлять следовать своему слову. Вашей свободе ничто не угрожает. Только прошу впредь избавить меня от своих заезженных комплиментов и заигрываний. Пойдём, дорогая.

Последние слова Эмили адресовала уже Зине, подхватив её под руку и потянув за собой. Зина успела бросить последний взгляд на графа - и ей стало его жалко: настолько растерянного выражения лица она у него никогда не наблюдала. Лео выглядел, как ребёнок, которого поманили конфеткой, а потом отобрали её: примерно такое же недоумение и обида читались в его взгляде.

- Не слишком ли жёстко ты с ним? - шепотом спросила Зина подругу, в душе сочувствуя графу.

- Нет! - Отрезала Эми. - Таких надо сразу осаживать, а то не отцепятся.

В глубине души Зина была с ней согласна, но Леопольда ей было по-прежнему жаль. Она уже поняла, что он - не злой, а просто... слишком жизнелюбивый, что ли. Почти как Эмилия... На этой мысли Зина немного запнулась. Хм... Действительно, её единственный друг в этом мире и единственная подруга - весьма похожи по темпераменту. Может, стоит их свести? Но Зина отбросила эту мысль, едва та возникла: её друзья - взрослые люди, и разберутся сами. Она в их отношения вмешиваться не будет. Тем более, что-то ей подсказывало, что граф Даниятский от Эмилии так просто не отстанет - она явно его зацепила. Так что пусть уж всё идёт, как идёт.

Зина прошлась по залу под ручку с Эмилией, знакомя ту со своими клиентками, и где намекала, а где прямо говорила, что теперь по поводу причёсок стоит обращаться в салон красоты, принадлежащий госпоже Фейермау. Эмилия добавляла, что помимо причёсок, профессиональные визажистки сделают макияж, а еще в её салоне можно попробовать уникальную продукцию из Варнавии: шампуни, крема, маски и так далее.

Познакомила Зина наконец-то Эмилию и с женихом. Герцог Монтеберский вежливо поздоровался с девушкой, поцеловал ей руку, и ни словом, ни жестом не дал понять, что та принадлежит к иному кругу - как это пытались делать некоторые кумушки. На подобные выпады Зина отвечала, что в Варнавии Эмилия имеет статус нетитулованной дворянки - и это действительно было так, ведь там предприниматели приравнивались к аристократии, только что титулов не имели. Сама Эмилия ко всем подобным выпадам относилась равнодушно, как и к попыткам Зины обеспечить ей хоть какой-то статус в глазах местного общества. И эта её уверенность в себе и спокойствие, действовали на окружающих лучше любых слов. Прошло не так много времени, а Эмилию уже окружила стайка молоденьких девушек, с жадным интересом выпытывавших у Эми подробности о жизни в Варнавии. Особый интерес у юных особ вызвало Женское Движение - пример женщин из соседней страны явно вдохновил девушек, в отличие от их матерей, взгляды которых отличались консерватизмом, а потому они лишь поджимали губы, слушая рассказы Эмилии.

Зина, видя, что Эми в безопасности и неплохо справляется, расслабилась и улыбнулась своему жениху. Жак тепло улыбнулся в

ответ, но вдруг его взгляд заледенел, а рука, придерживающая Зинину руку, лежавшую на сгибе его локтя, предупреждающе сжалась. Зина проследила за взглядом мужчины и увидела, как к ним движется парочка главных героев - Кастлер и Милена. Вот уж кого девушке совершенно не хотелось видеть, так это этих двоих! Но делать нечего - приходится нацепить дежурную улыбку и приветствовать герцога Ланттарского с невестой.

Глава 28

Мужчины обменялись короткими поклонами, при этом сверля друг друга такими взглядами, что Зина едва смогла побороть в себе желание встать между ними. Однако внешне всё было в рамках приличий: герцог Ланттарский поздравил жениха с прекрасным выбором ("Словно о покупке лошади говорит!" - возмутилась мысленно Зина), герцог Монтеберский поблагодарил в ответ, и заявил, что его выбор тоже прекрасен. При этих словах Милена смутилась и заалела, а Зина возмущенно фыркнула. "Тоже мне, коневоды!" - потрянула она распущенными белокурыми волосами. Взгляды мужчин сразу переместились на Зину, и, если Жак смотрел с теплотой и восхищением, то во взгляде Кастлера читался вопрос.

"И что это должно означать? - нахмурилась Зина. - Чего он так на меня смотрит?"

Милена тоже подошла поздравить обручившихся, и, если перед герцогом Монтеберским она просто присела в реверансе, то Эжению ни с того, ни с сего бросилась обнимать, словно они закадычные подружки. Зина же так удивилась этому жесту, что даже не воспротивилась. Да и как воспротивиться-то, на глазах у толпы?

Милена же, обняв её, вдруг зашептала на ухо:

- Простите меня! Я не поверила вам по поводу помолвки. Потому и отдала кольцо. Спасибо, что вернули его Касу. И ещё раз простите моё недоверие. Надеюсь, мы подружимся.

Отстранившись, Милена вслух общими словами высказала поздравления - и на этом они с герцогом Ланттарским откланялись. Едва они отошли, Зина наконец-то смогла выдохнуть свободно, а то до этого её сковывало огромное напряжение. Жак, может быть, и

почувствовал бы его, если бы сам не был так же напряжен. Только он-то с чего? Ладно, Зина: перед ней были главные герои, от которых во многом зависит её дальнейшая судьба, но Жак? Ему-то чего напрягаться?

Словом, вопросов у Зины было больше, чем ответов. Странное поведение обоих герцогов, странный вопросительный взгляд Ланттарского, странный напряг со стороны жениха, да еще и Милена со своей дружбой. Если извинения Зина еще могла принять за чистую монету, то к надежде будущей жены подружиться с бывшей любовницей отнеслась скептически. Или Милена, узнав о помолвке Эжени, перестала видеть в той соперницу? Да и они обе - будущие герцогини, им лучше не ссориться. Возможно, именно такими соображениями главная героиня и руководствовалась. Или принципом "держи друзей близко, а врагов - еще ближе"? Непонятно.

Но долго раздумывать над этим Зине не пришлось, ведь вечер встреч еще не окончился. Через весь зал напрямик к ней шла весьма колоритная пара: высокая красивая женщина, чем-то напоминающая саму Эжению, и невысокий округлый человечек с красным лицом, в котором Зина безошибочно опознала отца Эжени.

- Ваша Светлость! Доченька! - Широко улыбаясь, произнёс барон. Он так светился от радости и довольства, что у Зины мелькнула мысль, что папаша перед приёмом хорошенько приложился к бутылке. - Таким приятный сюрпризом было получить приглашение на вашу помолвку! И ведь молчали же до последнего, не сообщали родителям!

Тут барон шутливо погрозил пухлым пальцем, и Зина ощутила острое желание сделать фэйспалм - очень уж тот переигрывал. Но приходилось терпеть и это, еще и изображать радость от встречи. Впрочем, на мать Зина смотрела с интересом - а та в ответ разглядывала её с какой-то болезненной нежностью во взгляде. Женщина, несмотря на возраст, была довольно красива. Впрочем, какой там возраст - ей вряд ли больше пятидесяти: женщины тут выходили замуж и рожали довольно рано. Если бы не усталость во взгляде, её можно было бы принять за старшую сестру Эжени.

- Адам, Софи, - кивнул подошедшей парочке Жак, явно знакомый с семейкой Эжени.

"Значит, Софи?" - мелькнула мысль у Зины, пока она с любопытством разглядывала женщину.

- Доченька, - прошептала бледными губами Софи и протянула к ней руки. И Зина не смогла противиться этому материнскому призыву, обняв по сути незнакомую, но какую-то близкую и родную, женщину.

- Мама, - сипло выдохнула Зина, подавив всхлип. Как давно она не ощущала материнских объятий!

- Надеюсь, в этот раз ты будешь счастлива, - успела шепнуть ей Софи прежде, чем ту увёл барон, сославшись на то, что не выносит женских слёз и объятий. Жена покорно позволила увести себя от дочери, хотя и оборачивалась время от времени.

Зина смотрела им вслед с двойственным ощущением. С одной стороны, она - не Эжениа, и это не её родители. С другой... Софи она не оставит. Это Зина поняла твёрдо. Барон, кажется, совсем затиранил жену. Но при этом баронесса не выглядела недовольной или забитой. Она не вздрагивала от резких движений мужа, не боялась его. Просто не перечила. Кажется, это её собственный выбор - роль послушной жены.

Пока Зина, чуть нахмурившись, размышляла о взаимоотношениях родителей Эжениа, герцог наблюдал за ней.

- Вы не ладите? - Спросил он наконец. - Прости, я не знал, иначе не позвал бы их на нашу помолвку.

- Нет, что ты, - ответила Зина, отметив, что перейти на "ты" с Жаком оказалось на удивление легко, - ты всё правильно сделал. Просто у нас сложные отношения.

Жак тактично не стал развивать тему, и пара продолжила шествие по залу, время от времени останавливаясь, чтобы выслушать очередные поздравления. Проявилась и гадючная тройца "подружек":

- Мои поздравления, милорд, Эжениа, - присела в реверансе Мари, - До меня дошли слухи, что сговор о помолвке произошёл на моём приёме. Пожалуйста, скажите, так ли это? Всегда приятно знать, что хоть немного, но причастен к воссоединению влюбленных.

- Вот как? - Сухо переспросил герцог. - Слухи, говорите? Что ж, слухи в этот раз не обманули.

Зина сузила глаза. Слухи? Откуда бы им взяться? Их с герцогом разговор происходил в саду, без свидетелей - если, конечно, за ними не следили. Но, судя по тому, что сказала Мари - следили, да ещё как. Интересно, она сама понимает, что фактически призналась в шпионаже? Наверняка понимает - душой Мари точно не выглядела,

несмотря на своё поведение. Но понимает также и то, что никто ничего не сможет ей предъявить. Сад - публичное место, любой мог зайти туда случайно и услышать разговор. Так что тут они сами виноваты.

- Ой, я так рада, так рада за нашу Эжени! - затараторила по своему обыкновению рыжеволосая Лили. - Мы уж и не чаяли увидеть её замужем, бедняжку. Такое счастье, что ей встретился такой человек, как вы, герцог!

И вот вроде бы все слова безобидны на первый взгляд, а так и чувствуются в каждой фразе укусы гадюки.

Клодия же, по своему обыкновению, молчала, лишь в начале пробормотав что-то вроде "Мои поздравления, милорд, миледи". Когда заклятые подруженции наконец оставили их, Зина в очередной раз выдохнула с облегчением. Что же это за праздник такой, что не радость приносит, а сплошную нервотрёпку? Да как эти аристократы умудряются выживать в такой атмосфере? Всего несколько встреч, а Зина уже вымотана до предела.

- Потерпи немного, моя радость, - проговорил ей на ушко герцог, и от этого обращения сердце Зины встрепенулось. - Сейчас будет ужин, после ужина разделимся - придётся немного потерпеть общество дам, ведь ты хозяйка вечера - ну а потом мы всех выгоним и сможем отдохнуть.

Почему-то при этих словах Зина ощутила волнение, хотя и понимала, что герцог - джентльмен, и, скорее всего, никакого намёка его слова не содержали. Но мысль, что она останется в его доме, вдвоём с ним - будоражила. Зине даже хватило сил выдержать ужин и кое-как стерпеть пустые разговоры девушек у камина. Зато, когда приём подошёл к концу, ни о какой романтике Зина уже не думала - она мечтала добраться до кровати и завалиться спать. Жак проводил её до дверей в выделенные покои, целомудренно поцеловал в уголок губ, посмеиваясь над её сонным видом. Зина на автопилоте добралась до кровати, вытерпела переодевание в ночную сорочку - при помощи горничных, и уснула, едва голова коснулась подушки. А перед этим почему-то мысленно, в полусне, проговорила знакомую с детства присказку, которую не раз повторяла, когда ей случалось ночевать вне дома: "На новом месте приснись жених невесте".

Глава 29

Снился Зине просторный, роскошно обставленный кабинет - куда просторнее и роскошнее, чем её собственный. И, в то же время, было видно, что кабинет мужской: об этом говорила тёмная кожа кресел и темное же полированное дерево стола, лаконичность в деталях, даже картины на стенах - и те отражали сцены сражений, либо бушующего моря. Было что-то такое в общем и целом в этом кабинете, что говорило о том, что принадлежит он мужчине, а не женщине. И тем контрастнее смотрелась женская фигурка в массивном кресле у стола. Девушка была хороша собой: тонкие черты лица, стройная фигурка в элегантном синем платье, густые каштановые волосы. Было заметно, что девушка нервничает: она спеша просматривала документы, поочередно выдвигая ящики стола, вздрагивала от малейшего шума, замирая и прислушиваясь, и постоянно косилась на дверь. Складывалось впечатление, что она находится в кабинете незаконно, хотя столь изящная и ухоженная леди никак не походила на воровку.

Но вот раздался негромкий ликующий возглас: девушка нашла, что искала. Сложив найденную бумагу в несколько раз, леди спрятала её у себя под корсажем. И крадучись, на цыпочках, покинула кабинет.

Следующей Зина увидела сцену, где в том же самом кабинете та же самая девушка, но уже в нежно-персиковом платье, подносит свечу к длинному шнуру, торчавшему из-под стола. Шнур мгновенно вспыхивает и девушка, видимо, не ожидавшая этого, испуганно вскрикивает и делает шаг назад. А в следующую секунду - вспышка, и гремит взрыв. Когда дым немного развеивается, Зина видит, что от кабинета мало что осталось: кругом обломки, щепы, догорающие книги. Тело девушки под обломками в неестественной позе. Несколько минут ничего не происходит, только тлеют упавшие и изодранные портьеры, да кое-где бродячие огоньки пожирают то, до чего могут дотянуться. Пожара, как такового, нет, но ветерок, ворвавшийся в кабинет вследствие выбитых взрывом окон, грозит раздуть из едва заметных опадающих язычков полноценное пламя.

Постепенно двор за окном наполняется криками и возгласами. Одновременно с этим Зина слышит шаги и звук отодвигаемых обломков. В появившемся провале, который ранее был дверью в

кабинет, Зина без труда узнаёт силуэт герцога Монтеберского - только немного моложе и без жуткого шрама. Лицо герцога сосредоточенно: он обводит внимательным взглядом кабинет и вдруг замечает распостёртое на полу тело. С возгласом "Элен!" мужчина бросается к девушке, пытаясь осторожно убрать с неё обломки. И в этот момент часть отделки стены вместе с лепниной обрушивается на герцога, кидая его на те самые обломки, которые он пытался оттащить...

- Нет! - кричит Зина, протягивая руки к мужчине - и просыпается от собственного крика. Сев в кровати, девушка попыталась отдышаться. Зина прекрасно поняла, какую именно сцену она видела во сне - тот самый момент, когда Жак потерял глаз и заработал свои шрамы. И, даже зная, что это всё уже свершилось, Зине было мучительно наблюдать во сне эту сцену. Теперь, когда она полностью проснулась, огляделась и поняла, что незнакомая спальня, в которой она сейчас находится - та самая спальня в городском доме герцога, где её разместили вчера, Зина попыталась проанализировать свой сон.

Вспомнила Зина и то, что именно загадала перед сном по привычке. Что ж, по-крайней мере, в качестве жениха ей приснился именно герцог, а не кто-то другой. Вопрос в том, считать ли её сон вещим? Действительно ли всё было именно так, как приснилось Зине - или это работа её подсознания? По ощущениям этот сон был очень похож на тот, что увидела Зина, когда только появилась в этом мире и стала вмешиваться в события романа. Тогда ей приснился сон-предупреждение, что, если она и дальше продолжит менять сюжет по своему усмотрению, это может привести к прямо противоположному результату, нежели тот, на который она рассчитывает. Зина предупреждению вняла и стала менять только то, что касается её собственной жизни. Больше такие сны ей не снились - до сегодняшнего дня.

Если то, что она видела во сне - правда, то Элен не пыталась убить мужа. Она украла у него какие-то бумаги и при помощи взрыва рассчитывала скрыть их пропажу. Однако что-то пошло не так. Зина совершенно не разбиралась во взрычатых веществах и прочем, с этим связанным, но она помнила несколько старых фильмов, где огонь довольно медленно ползёт по шнуру к самому динамиту. Этого времени Элен должно было вполне хватить, чтобы выбежать из кабинета и отбежать подальше. Фитиль же, который подожгла

девушка, вспыхнул мгновенно - буквально за пару секунд - хотя был длиной не менее трёх метров. Почему? Едва ли так должно было произойти - Зина помнила удвиление и испуг, мелькнувшие на лице Элен (это ведь Элен она видела?). Из этого следовало два возможных варианта: либо произошедшее - следствие халатности тех, кто изготавливал динамит, либо тот, кто передал девушке динамит, планировал её убить.

От раздумий разболелась голова, и Зина решила взять паузу. Всё равно она мало что знает, чтобы делать какие-то выводы. Возможно, сон - всего лишь работа её подсознания. То, что ей приснился кабинет в замке герцога и события, случившиеся там несколько лет назад, объясняется очень просто - в ближайшие дни Зина сама должна прибыть в герцогский замок, дабы навести там порядок и приготовить его к балу по случаю их с Жаком помолвки. Жак сказал, что после взрыва всё убрали, кабинет отремонтировали, но то крыло закрыли: ему было невыносимо находится там, а потому он обустроил себе рабочее место в противоположном крыле. А еще герцог Монтеберский давал Зине карт-бланш на любые изменения и преобразования.

- Денег можешь не жалеть, - произнёс Жак за завтраком, - я не проводил в замке никаких балов и приёмов с тех пор, как не стало Элен. Там многое нуждается в замене, обновлении и ремонте. Сам я в этом ничего не смыслю, так что полностью полагаюсь на твой вкус.

Зина ковыряла ложкой кашу и не знала, стоит ли говорить Жаку, что она и сама ничего не понимает в том, как должен выглядеть замок, готовый к приёму гостей. Она никогда не жила в роскоши: в своём мире была обычной рабочей пчёлкой, а в этом, хоть и стала графиней, но тоже не особо богатой. К тому же, Зина была благодарна герцогу за эту помолвку и возможность её расторгнуть в любой момент. Мужчина без всяких условий взял на себя большинство Зининых проблем, так что, помочь герцогу с подготовкой замка к балу - это меньшее, чем Зина может ему отплатить. Тем более, что он и так взял на себя все расходы.

В итоге после завтрака Зина, попрощавшись с Жаком, с самым решительным видом покинула столовую. Тот проводил её заинтересованным взглядом, но допытываться, куда направилась его новоиспеченная невеста, не стал. Жак был доволен уже тем, что эта

необычная и красивая женщина согласилась стать его невестой. Первый шаг на пути к её завоеванию положен. Теперь главное - ничего не испортить, и сделать всё от него зависящее, чтобы Эжениа де Лавиньяк стала его супругой.

Следующие несколько дней Зины были наполнены суетой, сборами и визитами. Первым делом девушка навестила свою подругу, Эмилию. Та едва нашла время, чтобы вырваться на полчаса для разговора: после приёма у герцога Монтеберского, знатные клиентки повалили валом. Эмилия посетовала, что у неё запись уже на месяц вперёд идёт, и ей категорически не хватает обученных работниц.

- Я, конечно, взяла несколько новых девушек, но пока они еще научатся...

- Собственно, поэтому я к тебе и пришла. Точнее, не только поэтому, но и поэтому тоже. Я уезжаю в герцогство Монтеберра - наводить порядок в замке перед балом. Как ты понимаешь, сама я теперь не могу принимать у себя клиенток и делать им прически - то, что прощалось бедной вдове, пусть и графине, не найдёт понимания у общества, если этим будет заниматься невеста герцога. Жених должен быть способен обеспечить свою невесту. Так что все мои клиентки - теперь твои. Но об этом мы с тобой уже говорили. А вот Мила и Дана у меня остались без работы. Девушки талантливы - ты сама знаешь, оставлять их горничными у себя - значит, зарывать их талант в землю. Возьми их к себе, а? У тебе же найдётся для них работа?

- Шутишь? - воскликнула Эми. - Да я сама хотела у тебя попросить девчонок, раз они тебе теперь не нужны. Мои девочки и так без выходных работают, выбиваясь из сил, а теперь хоть вздохнут посвободнее. Да и обучать у Милы и Даны хорошо получается, так новеньких на них скину. А с тобой нам надо успеть к нотариусу до твоего отъезда.

- Это зачем? - нахмурилась Зина.

- Затем, что раз ты отдала мне своих клиенток, то я хочу, чтобы мы это официально оформили. Теперь ты будешь получать фиксированные пятнадцать процентов - столько времени, сколько будет существовать мой салон. Словом, до тех пор, пока я зарабатываю на прическах, тебе будут идти отчисления. Что скажешь?

- Скажу, что это уж слишком. А вдруг через пять лет все мои прически уже потеряют актуальность? Или клиентки, которых я привела, разбегутся? За что ты продолжишь мне платить?

- Ну, так я поэтому и предлагаю тебе фиксированный процент. Твой вклад в моё дело переоценить сложно - не говоря уже о тех драгоценностях, которые ты мне передала и благодаря которым я смогла расширить свой салон. И если всё по какой-то причине развалится, это будет не твоя вина. И знаешь, муж - это прекрасно, но женщина должна иметь свои деньги на всякий случай. Сама понимаешь.

- Спасибо тебе, Эми, - сдавленным голосом произнесла Зина, обняв подругу, - только не надо нотариуса. Плати мне, если хочешь - и до тех пор, пока есть возможность и есть твоё на то желание. Пусть это будет акт доброй воли, а не оформленное обязательство.

Эми покачала головой:

- Подруга, тебе не хватает деловой хватки. Нельзя во всём полагаться на чужую добрую волю и благородство. Люди меняются, а то, что зафиксировано на бумаге - это твоя гарантия.

- Мне важнее человеческие отношения с тобой, - упрямо ответила Зина.

- Ну, как знаешь, - пожала плечами Эмилия. - Но если бы я поступала, как ты, я бы едва ли сделала успешный бизнес. Просто имей это в виду.

Глава 30

Зина уже полдня тряслась в карете, а заночевать ей предстояло на постоялом дворе. Что поделать - до замка герцога больше двух дней пути, а с той скоростью, с какой ползла карета - и того больше.

С Эмилией Зине удалось договориться: Милу и Дану она взяла без вопросов, а вот Улину и Софи - новеньких стилисток - она еще поэкзаменовала. В итоге взяла только Улину, а Софи отказала, так что Зина оставила её в качестве горничной, так как девушка призналась что ей очень нужна работа. Тем более, что одну из горничных - Ирму, Зина взяла с собой, так что Вилме понадобится помощь в её отсутствие. Зина не собиралась распускать прислугу, не смотря на то,

что переехала к герцогу на правах невесты. Девушка считала, что, поскольку это временно, то дом надо поддерживать в порядке. Соответствующие распоряжения она уже оставила Карлу, который, в её отсутствие, был за старшего. Конечно, Зина бы с куда большим удовольствием взяла бы Карла с собой - пусть бы был рядом хоть один знакомый человек, но оставить дом больше было не на кого.

Зина откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Девушке вспомнилось, как они с Эми впервые - нет, не поссорились, но поспорили. С одной стороны, Зина понимала Эмилию и даже в чём-то была согласна с ней: в делах любые сделки следует оформлять официально, чтобы не было потом лишних вопросов. Но в данном был огромный нюанс: они с Эми были не просто партнёрами в бизнесе, а подругами. И если она не может доверять даже близким, то кому тогда вообще верить? К тому же, по большому счёту, Зина не считала, что предложенный Эми договор, справедлив. По сути, всё, что она должна была получить за новых клиенток и новые причёски, Эми уже выплатила. А за украшения рассчитается в ближайшее время. Но пожизненный процент - это уже чересчур. Зина понимала, что подруга просто хочет помочь ей сохранить независимость. И в этом тоже сказывалась предусмотрительная натура варнавийки. Но сама Зина, хоть и была благодарна девушке, всё же не могла позволить той взять на себя пожизненные обязательства: мало ли, как эта самая жизнь ещё повернётся? Лучше они и дальше будут друг друга поддерживать, просто по-человечески. Эми когда-нибудь выйдет замуж, родит детей - и эти пятнадцать процентов ей самой понадобятся. Что касается Зины, то она была уверена, что не пропадёт: руки-ноги при ней, голова тоже на месте - найдёт, как заработать. Может, переберётся всё-таки в Варнавию - там женщинам не зазорно работать, да и знать там о её статусе никто не будет.

Позволив себе немного помечтать о том, как она будет жить, когда закончится сюжет книги, Зина обратилась мыслями к герцогу Монтеберскому. Конечно, Жак ей нравился, но Зина всячески гнала от себя мысли о том, что у них может быть совместное будущее.

"Надо только дождаться конца книги!" - повторяла про себя девушка, как мантру. Книга закончится - и станет ясна дальнейшая судьба Эжени. Книга закончится - станет ясно, останется ли Зина в

этом мире или вернётся обратно в свой. Тогда и надо решать, а пока - запастись терпением.

Зина даже порадовалась, что Жак не смог сопровождать её в этой поездке: мужчина задержался, чтобы уладить все дела. А Зина поехала вперёд, так как ремонт замка и подготовка его к балу - дело не быстрое. В дни сборов Зина успела нанести несколько визитов, один из которых были две маркизы - Матрона ди Ширле и Сюзанна ле Потер. Да, та самая, что в книге должна была стать подругой Милены и та самая, что распускала слухи про своих многочисленных несуществующих любовников. Обе женщины были единственными, не считая Эмилии, кто отнёсся к Зине по-человечески даже тогда, когда про неё ходили самые разные слухи. И обе они вызывали в Зине безотчётную симпатию. Именно к ним девушка и отправилась за консультацией по поводу предстоящего бала. Обе маркизы оказались очень полезны в этом отношении, посоветовав хороших специалистов и подробно расписав, что именно предстоит сделать Зине. То, что аристократка не знает таких вещей, женщин не удивило - весь свет знал историю Эжени. Балов девушка никогда не устраивала - ни будучи дочерью барона, ни будучи женой престарелого графа, ни, тем более, став его бедной вдовой.

Вооружившись полезными советами, Зина рассчитывала сразу кинуться в бой, но дорога так измотала её, что следующий день она провела в состоянии овоща: ела, пила, спала, и только ненадолго выбралась погулять по крепостной стене. Замок герцога Монтеберского не выглядел таким хищным, как замок Лантгарского, но зато было сразу понятно, что он построен не для красоты, а для защиты. Это был даже не замок, а самая настоящая крепость. Подобные Зина не раз видела в интернете в качестве туристических объектов: средневековые крепости на территории России или Европы разной степени разрушенности. Только эта была целой. И, хоть внутри она совсем не напоминала средневековую крепость, но снаружи была один в один. Стояла она тут точно не меньше пары веков и, похоже, принадлежала не одному поколению герцогов Монтеберских.

Зато внутри всё было красиво и уютно. Стены, каменные снаружи, внутри были отделаны деревом, что создавало дополнительный уют. Покои, в которых её разместили по приказу герцога, переданному с доверенным человеком, была спальня, кабинет, гостиная, гардеробная

и ванная комната с туалетом, а также боковая комната для служанки, где и разместилась Ирма.

Из местной прислуги Зина успела познакомиться только с Наилей - женщиной средних лет, которая разместила их с Ирмой сразу по приезду. Без герцога что-то начинать менять в его доме, Зина не решалась, а потому пока просто изучала замок, пытаясь понять, что и где надо поменять. Попыталась аккуратно выспросить у Наили, где "тот самый" кабинет, но женщина строго смерила её взглядом, и порекомендовала обратиться с этим вопросом к Его Светлости. То, что прислуга тут - не сплетники, и явно преданы хозяину, Зина оценила. Хоть это и создало ей определенные неудобства, ведь девушка придумала верный способ проверить, правда её сон или нет. Зина знала, что кабинет потом ремонтировали, но ведь расположение окон и дверей не так просто поменять, не так ли? И если она узнает кабинет из своего сна, значит, это был не просто сон. Осталось только дожидаться Жака.

Жак Ванрелл доделал все дела в рекордные сроки, чтобы поскорее присоединиться к невесте в своём родовом гнезде. Мужчине хотелось как можно больше времени провести с понравившейся девушкой, узнать её получше - и нет идеальней способа для этого, чем проживание под одной крышей. Вдобавок он специально не стал ограничивать ей бюджет: по тому, на что Эжениа будет тратить деньги, будет видно, какой она станет женой. Ему уже хватило Элен, которая слишком много тратила на балы, наряды и развлечения. И дело не в том, что ему было жалко денег, а в том, что хозяйству при этом она совершенно не уделяла внимания. Жаку приходилось все вопросы решать самому, либо нанимать для этой цели посторонних людей. А хотелось бы видеть в супруге ту, которая разделит с ним не только деньги, но и заботу о семейном очаге. Надёжную подругу, жену. Герцог был уже не в том возрасте, когда кровь кипит и эмоции правят разумом, нет: он был открыт для любви, но хотел больше любви спокойной, без эмоциональных качелей, скандалов, ревности и выяснения отношений. И ему казалось, что в Эжении он нашёл родственную душу. И видел, что и сам он не безразличен девушке. Но

предательство первой супруги зародило в душе сомнения: ведь тогда он был молод и красив, а жена всё равно решила от него избавиться. Сейчас же, с этими шрамами, будет ли он нужен хоть кому-нибудь? Не его титул или деньги, а он сам? Поэтому он и устраивал Эжениии эти проверки: лучше уж разочароваться сейчас, чем когда брак будет уже заключен.

Жаку понравилось, как Эжениия разрешила конфликтную ситуацию между ними, когда он приревновал её к герцогу Ланттарскому. Не стала устраивать сцен, не оскорбилась и не ушла в глухую оборону, а спокойно объяснила, в чём дело. И его извинения приняла, хотя сам герцог своим поведением был недоволен.

Передав все дела своему заместителю, Жак наконец-то покинул столицу, чтобы вернуться домой. Признаться, он ожидал увидеть что-то, подобное тому, что неоднократно наблюдал при первой жене: что всю снуют рабочие, переделывающие бальный зал к очередному торжеству. К его удивлению, никаких рабочих не было, и изменений тоже. Это было странно. Зато Эжениия сама вышла его встречать. Жаку хотелось бы прижать её к себе и поцеловать, но на виду у слуг он ограничился тем, что поцеловал ей руку.

После того, как Жак отдохнул с дороги и подкрепился, Эжениия наведлась в его кабинет.

- Вот список, - негромко сказала девушка, кладя перед ним лист бумаги.

- Список чего? - не понял Жак.

- Список изменений, которые необходимо внести. Я принесла его тебе для ознакомления.

- И что мне с ним делать? - всё еще недоумевал Жак.

- Ну, одобрить или наоборот, - чуть нахмурилась девушка.

- Я же сказал, все изменения на твой вкус. Я не буду ни в чем тебя ограничивать.

- Даже не взглянешь? - Удивилась Эжениия.

- Не вижу необходимости. Потом посмотрю на результат.

Девушка нахмурилась чуть сильнее: ей явно не нравилось. что ответственность за преобразование замка лежит целиком на ней. Жак же наблюдал за невестой с любопытством: любая другая была бы счастлива получить неограниченный кредит, а эта хмурится.

- Тогда еще вопрос: как мне попасть в то крыло, где находится пострадавший кабинет? Слуги мне не сказали ничего конкретного.

Жак ощутил укол разочарования: неужели она здесь из простого интереса?

- Зачем? Я думал, тебе не свойственно праздное любопытство.

Девушка смутилась и виновато посмотрела на Жака. Но при этом твёрдо ответила:

- Это не праздное любопытство. Ты говорил, кабинет отремонтировали, но не стали обставлять. Мне надо взглянуть, раз уж я тут полномасштабный ремонт затеваю.

Эжения выдержала его долгий взгляд, после чего мужчина вздохнул, сдаваясь:

- Что ж, идём, я тебе покажу.

Глава 31

- Вот этот кабинет, - сухо говорит мужчина, пропуская Зину вперёд. Зина же еще на входе пытается оценить, тот ли кабинет был в её сне или другой. Сейчас это пустующее помещение со стенами из светлого дерева. Окна вроде расположены так же, как и в кабинете из сна. Дверь тоже на месте, да и по площади помещения примерно равны. Но достаточно ли этого для каких-либо выводов? Зина оборачивается на герцога и видит его напряженный и, в то же время какой-то расфокусированный взгляд, устремлённый на пол. Спустя секунду до Зины доходит, что примерно в том месте лежало тело герцогини после взрыва. Пожалуй, вот и ответ. Расположение окон и дверей может быть совпадением, объясняющимся стандартной планировкой. Но взгляд герцога, полный боли, устремленный именно туда, где лежала в Зинином сне его жена - это уже едва ли совпадение. С минуту еще Жак не отводил взгляда от пола, после чего рвано выдохнул и отошёл к окну. Зина прошла за ним, выглянув в окно и увидев, как и ожидалось, вид на боковую аллею сада. Отойдя от окна, Зина прошла по кабинету пытаясь воскресить в памяти обстановку кабинета в мельчайших деталях. Вот у той стены стояли стеллажи с

книгами, тут была статуя на постаменте, здесь - массивный письменный стол.

- Ты закончила? - Немного резко произнёс Жак, так и не повернувшись к Зине.

- Да, пожалуй, - согласилась девушка, немного замявшись. Зине хотелось расспросить герцога, где стояла мебель - чтобы окончательно удостовериться в правильности своего предположения. Кроме того, Зина планировала вызнать у жениха, не было ли у него на тот момент каких-нибудь важных документов дома. Всё-таки, события сна, если это не просто сон, не стоит сбрасывать со счетов. Возможно, в них кроется ключ к тому, что тут произошло. Но, взглянув на напряжённую спину мужчины, Зина поняла, что время для расспросов ещё не пришло. Она подошла к нему, и аккуратно тронула его за локоть:

- Уйдём отсюда.

Жак отрывисто кивнул, и, предложив Зине локоть, быстрым шагом повёл девушку прочь из этой комнаты и из этого крыла. Расслабился и выдохнул герцог только тогда, когда оказался в открытом крыле замка, среди знакомых интерьеров. По мере того, как напряжение постепенно покидало его, Жак замедлял шаг, а потом и вовсе остановился.

- Прости, - сдавленно прошептал он, обращаясь к Зине, но по-прежнему на неё не глядя, - я думал, что уже могу спокойно туда пойти, но ошибся. Мне надо побыть одному.

С этими словами Жак отпустил её руку и, не оглядываясь, быстрым шагом ушёл, оставив Зину стоять в коридоре второго этажа, неподалёку от выделенных ей покоев. Зина проводила его взглядом, полным сожаления. Пусть её любопытство и не было праздным, но причинять боль герцогу она не планировала. Сердце девушки сжималось от мыслей о том, что перенёс этот удивительный мужчина. Боль предательства, боль потери - на этом фоне боль от полученных травм наверняка практически терялась. И пусть Жак всеми силами пытался делать вид, что всё хорошо, Зина понимала, что боль всё также сильна, хоть прошло уже три года со дня трагедии. Острое чувство - нет, не жалости, а сопереживания - пронзило её. Как бы ей хотелось стереть эти страдальческие морщины с его лба, убрать все шрамы - и с тела, и с души, вернуть герцогу доверие к людям и радость к жизни. И почему автор не наделил этот мир магией? Как

было бы просто это сделать лишь силой желания или взмахом волшебной палочки. Но - увы - это не возможно в её мире, невозможно и в этом. Травмы, полученные герцогом, останутся с ним на всю жизнь. Всё, что может Зина сделать - это помочь ему жить с этим дальше. И она обязательно это сделает - не только из благодарности, а просто потому, что может помочь хорошему человеку. И начнёт она с ремонта. Привести восточное крыло в божеский вид, сделать всё, чтобы ничто тут не напоминало о трагедии - это вполне в её силах, тем более, что Жак сам разрешил ей менять всё, что она захочет в его замке. Что ж, Зина непременно этим воспользуется. Приняв решение, Зина прошла в свою комнату, где её уже ожидала Ирма, чтобы помочь подготовиться ко сну - время-то было уже позднее.

Следующим утром Наиля пригласила Зину на завтрак в столовую - герцог Монтеберский желал разделить трапезу со своей невестой. Упорствовать и настаивать на том, чтобы позавтракать в своей комнате, девушка не стала - ей и самой хотелось увидеть герцога, чтобы убедиться, что с ним всё в порядке. Совесть не давала ей покоя - это ведь она разбередила старые раны, пусть и не желала этого. Но могла бы и догадаться, проявить тактичность. Правда, и герцог тоже мог попросить кого-то из слуг проводить Зину, а не идти самому. Видимо, действительно переоценил свои силы - точнее, толщину отрощенной брони.

Выглядел Ванрелл вполне бодро: приветствовал невесту лёгким поцелуем в щёку и тёплой улыбкой. Из всех предложенных к завтраку блюд, Зина выбрала омлет с зеленью и сыром, а также тост с земляничным вареньем - как раз начался ягодный сезон, так что оно было удивительно свежим и вкусным. Жак выбрал то же самое, только вдобавок к этому съел еще и тарелку овсянки и тост с ветчиной. Зина улыбнулась аппетиту мужчины и подумала, что ей приятно позавтракать с ним, видеть его в домашней обстановке, более раскованным и простым.

- Сегодня будем знакомить тебя со слугами, - произнёс герцог, когда их совместная трапеза подошла к концу. - Признаться, я думал, что ты уже со всеми познакомилась, и уже начала тут всё менять...

- Не имею обыкновения хозяйничать в чужом доме, - пожалала плечами Зина.

- Но ведь я сам разрешил.

- Знаю, но мне всё равно было нужно время, чтобы оценить масштабы будущей работы.

- Работы? Хм, да, пожалуй, - непонятно хмыкнул Жак, - если тебе всё это в тягость - скажи, я найду специалиста...

- Нет-нет, - поспешила заверить герцога Зина, - я буду рада заняться преобразованием замка. Но я немного волнуюсь из-за того, что тебе может не понравиться то, что я сделаю.

- Не волнуйся по этому поводу, мне понравится.

- Но как ты можешь быть так в этом уверен? - не выдержав, воскликнула Зина.

- Просто мне нравишься ты, - с улыбкой пожал плечами герцог, а Зина не нашлась, что ответить.

Прислуга собралась в холле практически сразу после завтрака. Зина шла вдоль рядов вслед за женихом и слушала имена, даже не пытаясь их запомнить. В замке работало сорок три человека. Единственные, кого девушка сочла важным запомнить, были пожилая экономка Мария и молодой управляющий замком - господин Эван Фурье. По виду тот был лет на десять моложе самого герцога, но по тому, с каким уважением его представил Жак, девушка поняла, что управляющий пользуется его доверием. Собственно, все дела, касающиеся самого замка и близлежащих земель, вёл именно Эван. А вот герцогством управлял другой человек - его на тот момент в замке не было, он ездил с проверкой по городам. Мария заведовала хозяйственной частью: под её управлением были горничные и кухарки, она вела учёт мебели, постельного белья, посуды, продуктов - словом, всё, что касается снабжения замка и обеспечение его жизнедеятельности, лежало в сфере её компетенции. Как шепнул Зине на ухо герцог, Мария давно работает здесь и помнит его еще голопопым малышом. Зина тут же представила Жака голопопым, но отчего-то не ребёнком, а взрослым, и покраснела от собственных мыслей.

После того, как герцог представил её слугам и уже лично официально подтвердил полномочия Зиной, наказав помогать ей во всём и исполнять её приказы, как его собственные, он извинился перед Зиной, сказав, что ему нужно работать - и ушёл в свой кабинет,

который теперь был в западном крыле, как и все остальные помещения.

Зина же осталась в холле, попросив Эвана и Марию задержаться, чтобы обсудить будущий ремонт. Для обсуждения они прошли в гостиную, и Зина представила их вниманию свои выкладки - те самые, которые не заинтересовали герцога и над которыми она работала несколько дней.

Объяснив, что именно она хочет сделать и описав, что ей для этого понадобится, Зина спросила:

- Ну как? Что вы об этом думаете?

- Вы спрашиваете наше мнение? - удивилась Мария.

- Ну да, - удивилась в свою очередь Зина. - Я - человек тут новый, многого могу не знать. Потому и спрашиваю вас.

- Её светлость Элен никогда не интересовалась мнением слуг, - проворчала экономка, то ли с одобрением, то ли с осуждением.

- Миледи, - вмешался Эван, - герцог чётко дал понять, что все ваши пожелания должны исполняться, поэтому мы без возражений сделали бы всё, даже если для этого пришлось бы замок перевернуть вверх тормашками. Но если хотите мой совет, то я бы порекомендовал чисто косметический ремонт: замок полностью ремонтировался перед первой свадьбой Его Светлости. А вот полы и стены надо обновить, особенно, если вы собираетесь принимать гостей.

- Спасибо, - серьёзно сказала Зина. - Вы позволите и дальше обращаться к вам за советом?

- Разумеется, - поклонился Эван, вставая, - сочту за честь.

- А вы, Мария? Подскажите мне, где лучше закупить материалы, нанять рабочих?

- Не только подскажу, но и людей отправлю, вы только скажите, - подтвердила женщина, - это моя работа, как-никак.

- А смету можете составить? - спросила Зина.

- Это рабочие составят, которых вы наймёте, - поправил девушку Эван.

- Само собой, - согласилась Зина, - но вы же знаете, что сколько стоит примерно? Не хотелось бы стать жертвой мошенников, если они запросят втридорога.

- Да что вы, миледи! - воскликнула Мария. - Кто же решится герцога обмануть?

"Ну, герцога, может, и не решатся, а вот молодую женщину, ничего не смыслящую в хозяйстве - вполне." - Подумала Зина, а вслух сказала:

- И всё-таки. По этим наброскам вы сможете составить предварительную смету?

- Я сделаю, миледи, - снова поклонился Эван. - Сегодня к вечеру смета будет у вас.

Зина удовлетворённо кивнула и попрощалась с герцогскими слугами. Кажется, теперь Зина поняла, за что Жак уважает своего управляющего: когда они стали обсуждать дела, его молодость и смазливый вид отошли на второй план. Зине даже стало казаться, что она говорит с человеком старше её. А Мария... Ну, по ней видно, что она любит герцога как родного сына и близко к сердцу принимает всё происходящее в замке. Но при этом ей вполне удаётся поддерживать порядок в таком огромном замке - значит, женщина знает своё дело, и её тут точно держат не из жалости или уважения к возрасту и былым заслугам. Даже закрытое восточное крыло оказалось довольно чистым: Зина обратила на это вчера внимание, так как подсознательно ждала солидного слоя пыли и паутины на стенах. Однако пыль, если и была, то немного - словно бы уборку тут делали регулярно, но не слишком часто, что и понятно: в той части замка ведь никто не живёт.

Глава 32

И всё закрутилось. Зина только и успевала, что отдавать указания, да принимать работу: Мария и Эван явно знали своё дело. Вообще, Зина поражалась тому, как налажена жизнь и управление в замке герцога Монтеберского. Слуги его явно любили и уважали - и это было именно уважение, а не страх перед хозяином. При этом все распоряжения выполнялись чётко и быстро. Мария, несмотря на преклонный возраст, держала в уме столько задач, что Зина поражалась, как ей это удаётся. Сама Зина, хоть и была вполне молода даже в этом теле, а не могла похвастаться тем же. Она постоянно что-то забывала, но Эван, с которым они регулярно обсуждали планы, непременно напоминал.

Таким образом, ремонт начался буквально на следующий же день, и продолжался уже две недели: за это время рабочие сумели полностью обновить покои как в западном, так и в восточном крыле замка, создать единый дизайн коридоров для каждого из трёх этажей, а также начать подготовку бального зала. При этом завтраки и ужины Зина проводила со своим женихом. Обеды вместе провести не всегда удавалось: то он, то она часто отсутствовали по делам, но, зато завтраки и ужины были их общим временем. Зина и Жак взяли обыкновение беседовать после ужина. Они говорили обо всём: о том, как прошёл день, о ходе ремонта, о техническом и социальном прогрессе, о политике, искусстве и философии. Зина не считала себя особенно образованным человеком, ведь она никогда не училась в институте, а парикмахерский колледж не давал каких-то глубоких знаний ни в чём, кроме парикмахерского искусства, хотя у них были и общеобразовательные предметы. А потому слушать герцога ей было интересно, особенно, когда он рассуждал о политике или искусстве. В своём мире Зина ни за что не стала бы говорить о политике - ей это было просто неинтересно, но здесь политика напрямую касалась её, особенно теперь, когда она стала невестой герцога. Зина, никогда не считавшая себя феминисткой в своей реальности, в этой отчаянно отстаивала Женское Движение. Герцог посмеивался над её пылом, но в целом соглашался, что женщина, как и мужчина, имеет те же права от природы.

- Но общество придумывает свои правила, - добавлял при этом Ванрелл, - и мы вынуждены этим правилам подчиняться.

- Но можно и не подчиняться, а менять правила! - с вызовом парировала Зина, а герцог в ответ усмехался:

- Кто бы мог подумать, что моя невеста - скрытая революционерка. Осторожнее, дорогая: со мной ты можешь обсуждать, что угодно, но поостерегись высказывать такие мнения на людях - тебя могут причислить к заговорщикам.

Зина видела, что герцог шутит, но понимала, что в каждой шутке есть доля шутки: королева Марселия чётко дала понять, что она не против новых веяний моды, но вот никакого Женского Движения в Конкордии не будет - по-крайней мере, в ближайшее время. Король явно опасался повторить судьбу Варнавийского правителя: по слухам,

в столице Варнавии уже который день волнения, переросшие в осаду королевского дворца.

Заспорили они с герцогом и об электричестве: Зина не смогла удержаться, и не начать расписывать, сколько полезного можно сделать, если внедрить это новейшее изобретение в повседневную жизнь:

- Ты только представь, - расписывала она своему жениху, - с помощью электричества можно освещать дома - и это безопаснее, дешевле и удобнее, чем свечное или газовое освещение. А еще можно можно создать электроприборы - приборы, работающие на электричестве. Ту же плойку не надо будет греть на углях, а просто включил в сеть - и всё! Она нагрелась! Можно будет готовить еду, стирать вещи, посуду мыть - и всё это с помощью электроприборов.

- С помощью слуг это тоже неплохо получается, - иронично отвечал Жак, сбивая высокий настрой Зины. Она в такие моменты забывала, в каком обществе живёт.

- А поезда? - восклицала Зина, вспомнив новый аргумент.

- А что поезда? - переспрашивал Жак.

- Поезда сейчас работают на угле, верно?

- Верно, - кивал тот.

- А могут работать на электричестве! Это же такая экономия угля! И скорость у такого поезда будет выше.

- Откуда ты это взяла? - Хмурился Жак, а Зина и не знала, как объяснить, ведь сама плохо понимала, за счёт чего электропоезда быстрее, и как они должны быть устроены. Вроде ток идёт по проводам, а куда? И что он делает?

Днём Зина ездила в ближайший город, Лиерру, где выбирала и заказывала ткань для обивки на стены, выбирала мебель для отремонтированных покоев - ну и разные мелочи. По её приказу, Мария вызвала несколько строительных бригад, пользующихся хорошей репутацией, пригласила дизайнеров и модисток. Зина лично беседовала с каждым дизайнером и с каждой модисткой, в результате отобрав тех, кто предложили наиболее интересные решения, отвечающие её вкусам.

Бальный зал она решила оформить в зелёных и белых тонах, с преобладанием белого. Символом этого бала станет цветущая яблоня: большие белые цветы, почти закрывающие листья. Зина всегда любила

цветение яблонь, и сделать их символом своей помолвки - ей казалось превосходной идеей. Соответственно, этот мотив должен прослеживаться во всем: в убранстве зала, в его украшении, в нарядах слуг, даже в подаваемых закусках. Жак, услышав идею Зины, её одобрил, но на этом его вмешательство в подготовку закончилось. Не потому, что он не хотел помогать невесте, а потому, что времени у него фактически на это не было. Жак признался, что, если бы Зина не занялась организацией бала, он бы просто нанял для этого людей - и уже как те сделали, так и было бы.

Настало время подписывать и отправлять приглашения - и вот тут Зине снова понадобилась помощь Жака. Она не знала, кого уместно будет пригласить, а кого - нет. Например, сама Зина хотела бы пригласить Эмилию, но та не имела титула, а для нетитулованных дворян и горожан проводились отдельные балы. Одно дело - пригласить Эми на приём, и совсем другое - на бал. И надо ли присылать приглашение королевской чете? Жак терпеливо отвечал на все вопросы Зины. Да, королевской чете непременно нужно послать приглашение, которое те проигнорируют. Но не послать его нельзя. Эмилию можно пригласить, так как та - иностранка, и потому её статус в местном обществе сложно определить. Этим можно воспользоваться, и за такое не осудят. Самое главное - пригласить всех герцогов с семьями, всех графов, маркизов, виконтов и баронов герцогства Монтеберра, а также ближайших соседей. Зина впитывала эту мудрость и запоминала на будущее. Таких тонкостей не знала ни она сама, ни, наверняка, настоящая Эжениа.

Помимо общения с Жаком, ремонта и подготовки к балу, Зина вела переписку. Переписывалась она по большей части только с тремя: с Карлом - советуясь с ним о тех или иных вещах и читая его отчёты, с Эмилией и с Леопольдом. Последние двое регулярно жаловались друг на друга.

"Этот граф ходит в мой салон едва ли не ежедневно! - писала Эми. - Я скоро не выдержу и обрею его налысо! Он отвлекает меня от работы - и не только меня, а всех моих девочек. Двоих уже пришлось уволить: как только этот обаятельный шельмец появлялся на горизонте, у них начисто пропадала работоспособность."

"Прошу, графиня, повлияйте на свою подругу: эта жестокосердная особа отклонила моё тридцать первое приглашение в оперу! - взывал к

Зине граф. - Вдобавок, она грозитя меня побрить! Вы ведь не допустите, чтобы моя роскошная шевелюра пострадала!"

Зина читала эти письма с тем же интересом, с каким люди следят за развитием событий в сериале. Лучше всего отношения этих двоих характеризовала поговорка "нашла коса на камень". Граф Даниятский явно не желал отступить, а подруга Зины была тоже не лыком шита и сдаваться под напором ловеласа не собиралась. Зине было интересно, к чему приведёт их противостояние. За подругу она уже не переживала: Эмилия, определенно, могла постоять за себя. Да и граф - Зина в том была уверена - несмотря на всю свою ветренность, вреда девушке не причинит, ибо обладает определенным благородством.

"Дорогая Эмилия, - написала в ответ на последнее письмо подруги Зина, - почему бы тебе не взять небольшой отпуск? Приезжай в замок герцога в Монтеберре, поможешь мне подготовить его к нашей с герцогом помолвке, заодно немного отдохнёшь от своего поклонника. И кстати, ты приглашена на бал по случаю помолвки."

Зина не собиралась вмешиваться в отношения двух взрослых людей, но Эми была её подругой, а потому она не могла не предложить ей руку помощи. Воспользуется девушка её помощью или нет - пусть сама решает. Всё-таки "отшить" графа для той, кто не обладает титулом - задача сложная. Может, ей и в самом деле помощь нужна. Заодно и самой Зине может, что подскажет незамыленным взглядом. До бала оставалось чуть больше недели, и уже почти всё было готово, но время от времени всплывало то одно, то другое - что-то постоянно требовало внимания и доработки.

Глава 33

Эмилиии понадобилась пара дней, чтобы передать все дела заместительнице, дать той последние ценные указания и собрать вещи. Так что через четыре дня она была уже в герцогском замке. К сожалению, буквально через пару суток после её приезда уже начали съезжаться гости - в основном из столицы, ближайшие соседи придут прямо к балу, а вот столичных предстояло разместить в замке - так что у девушек было мало времени для общения.

Эмилия наметанным взглядом оценила убранство бального зала, а также Зинино бальное платье - и признала, что всё отлично.

- Сама бы не смогла лучше! - Заверила Зину подруга. - А вот причёску я тебе сделаю. У меня уже есть идея...

- Ты не забыла, что у меня должны быть распущенные волосы? Не знаю, как у вас, а здесь именно такой обычай для невест.

- Не волнуйся, я помню. Просто распущенные волосы у тебя были в прошлый раз, а сейчас мы сделаем тебе локоны! С твоим платьем будет шикарно смотреться.

Зина с Эми гуляли по саду, болтая и любуясь цветами, когда за их спинами неожиданно раздался радостный возглас:

- Вот вы где! А я вас всюду ищу!

Девушки вздрогнули и синхронно обернулись, сверля возмущенными взглядами довольного графа Даниятского, быстрым шагом приближавшегося к ним.

- Я только что прибыл, - поклонился граф, лучезарно улыбаясь, - и не мог отказать себе в удовольствии поприветствовать хозяйку бала и её очаровательную подругу!

"Очаровательная подруга" скривила лицо в такой гримасе, как будто съела что-то невкусное, а Зина с любопытством переводила взгляд с неё на мужчину - и обратно.

- Приветствую, граф! - Вежливо поздоровалась Зина. - Надеюсь, вас хорошо разместили?

- О, я еще не заселялся, сразу же поспешил к вам! - ответил Лео, сверкнув глазами. - Эмилия, дорогая, вы так неожиданно покинули столицу, и даже не оставили мне записку! Хорошо, что мир не без добрых людей, подсказали, куда вы отправились. Я тут же рванул за вами! Вы же знаете, что я не могу жить без ваших чудных глаз!

- Дорогой граф, - с сарказмом произнесла Эми, - я вам уже не раз говорила, чтобы вы не тратили на меня своё красноречие. Уверена, в мире полно женщин, на которых оно подействует, так что не стоит растрачивать свои таланты зря!

- О каких других женщинах может идти речь? Я потерял покой, едва увидел вас!

- Очень жаль, - пожала плечами Эмилия, - потому что вам ничего не светит. Я вас честно предупредила, а дальше - решать вам. Пойдём, Эжени?

И девушки развернулись, продолжив свой путь и оставив графа что-то бормотать себе под нос на счёт жестокосердных девиц.

- Жёстко ты с ним, - протянула Зина, когда они отошли подальше.

- Достал! - в сердцах выплюнула Эми. - Ты бы знала, как он меня достал за эти дни! Это он еще при тебе себя сдерживает! Да и я с ним еще мягко. Не был бы он графом, давно бы ему в глаз дала!

- Ого! - восхитилась Зина, хихикая. - Вот это страсть!

Эмилия её смерила таким яростным взглядом, что та непроизвольно вскинула руки в защитном жесте:

- Молчу-молчу!

Некоторое время они шли в тишине, наконец, Эми, успокоившись, спросила:

- Ну, а как у тебя с твоим женихом?

- Знаешь, неплохо, - ответила Зина, немного подумав, - мне с ним уютно, тепло душой. Но меня не оставляет ощущение, что я будто ворую чужую жизнь... Что всего этого не должно было быть у меня. Что я этого не заслужила.

- Что за ерунда, Эжени? Если кто и достоин самого лучшего, так именно ты! Я видела, как герцог на тебя смотрит - он души в тебе не чает! Откуда сомнения?

Но Зина не могла объяснить подруге, что она - попаданка в чужом теле, и все сомнения именно из-за этого, да ещё беспокойства добавлял и сюжет книги: ведь время медленно, но верно, близилось к развязке. Скоро свадьба главных героев, а потом и та поездка Милены в детский приют, после которой всё и решится...

Гости уже собирались в зале, и Зина, волнуясь, кинула очередной взгляд в зеркало. Да, Эми была права: туго закрученные светлые локоны органично дополняли созданный образ. В белоснежном пышном платье, перехваченном на талии зеленой лентой, и с отделкой из зеленого кружева по краю лифа, Зина-Эжениа выглядела фарфоровой куколкой, выставленной в витрине антикварного магазина.

В этот момент раздался стук в дверь и на пороге появился Жак, одетый под стать невесте: белые брюки и белый фрак поверх зеленой рубашки со строгим воротником. Из-под брюк выглядывали носки белых ботинок.

"Хорошо, хоть не тапочек!" - нервно хихикнула про себя Зина, переведя взгляд на лицо жениха - и забыла, как дышать. В тёмно-синем взгляде герцога читался такой неприкрытый восторг, такое желание и восхищение, что сердце Зины замерло, а затем забилось с удвоенной силой.

- Ты прекрасна! - выдохнул Жак, протягивая к невесте руки, чтобы обнять её и поцеловать. Лишь в последний момент он усилием воли остановился и просто положил её руку себе на сгиб локтя. Если он начнёт её сейчас целовать, то они не спустятся вниз ни сейчас, ни через полчаса, ни через два часа. Они вообще не спустятся сегодня к гостям. Так что Жаку пришлось напомнить себе, что Эжени пока что его невеста, а не жена - и ему следует держать себя в руках.

Зина спускалась по лестнице под руку с Жаком и чувствовала обращенные на них взгляды. Щеки её горели.

"Неужели это всё происходит со мной? - задавалась она вопросом. - Неужели это я в таком красивом платье, в зале, украшенном, согласно моим идеям, рядом с самым интересным мужчиной в этом зале, а то и в целом мире? Всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Наверняка, ничего хорошего из этого не выйдет. Но сегодня я буду наслаждаться праздником - и запомню его на всю жизнь! Сегодня я разрешаю себе поверить в сказку - и в то, что Жак будет со мной всегда..."

Присутствие рядом жениха поддерживало Зину: тепло его руки, которое ощущалось даже сквозь плотную ткань сюртука, его взгляды, которые он время от времени бросал на девушку. И за одно только восхищение в глазах этого удивительного человека, Зина была готова выдержать, что угодно - чего уж говорить об обычном бале, которых в её жизни было уже несколько? Правда, хозяйкой бала она была впервые...

Стоило им спуститься, как церемониймейстер объявил начало бала. Зина волновалась, ведь их предыдущий совместный танец оказался не очень удачным из-за хромоты герцога и Зининого неумения танцевать. Но сейчас Жак двигался уже намного свободнее - и Зина вдруг осознала, что ногу тот повредил явно совсем недавно, а не тогда, когда погибла его жена. Вспомнив о том, какие опасные поручения он выполняет по воле короны, Зина ощутила беспокойство

еще и по этому поводу: должно быть на одном из заданий и произошла эта травма.

Но тут заиграла музыка, и все лишние мысли вылетели у девушки из головы: она смотрела только на своего жениха, а тот не отводил взгляда от её лица. И танец их на этот раз был совершенно волшебным. Зина успела взять несколько уроков танцев в Лиерре. Многому она за пару недель научиться не могла, но выучить основные движения самых популярных танцев - успела. Правда, сейчас она забыла всё, чему научилась - и просто следовала за своим мужчиной, доверяя ему - и чувствуя, что это доверие распространяется не только на танец.

В этот раз Жак не отходил от неё. Все поздравления они принимали вместе, и танцевали, танцевали, танцевали... Ближе к концу бала Зина чувствовала себя совершенно счастливой, но очень уставшей. Танцующих становилось всё меньше - и всё больше становилось небольших групп, в которых люди просто общались друг с другом. Часть приглашенных, разбившись на парочки, вышли на прогулку по ночному саду. Наши жених и невеста тоже собирались выйти, но тут Зина заметила свою подругу, Эмилию: она явно была рассержена и спешила покинуть зал, а следом за ней спешил граф Даниятский, отставая буквально на десяток шагов.

- Жак, - встревоженно потянула за рукав своего жениха Зина, обращая его внимание на эту парочку. - Давай догоним.

- Сами разберутся, - покачал головой мужчина.

- А если он её обидит? - Воскликнула Зина, переживая за подругу.

- Не обидит.

- Откуда такая уверенность?

- Я хорошо знаю графа.

- Пожалуйста, давай хотя бы просто пройдемся в ту сторону, близко подходить не будем. Если всё хорошо, то просто свернем и продолжим прогулку, - взмолилась Зина. Она не могла оставить Эми в беде и знала, что та для неё сделала бы то же самое.

- Ну, хорошо, - согласился герцог, не в силах отказать невесте.

Они прошли немного по аллее, в которой скрылась парочка, а когда свернули...

- Ой! - тихо ойкнула Зина. - Ты был прав, они сами разберутся.

Эмилия и Леопольд стояли под раскидистым дубом и целовались. Жак подхватил Зину под руку и они направились в противоположную от Эми и Лео сторону. Те же, samozабвенно целуясь, даже не заметили вторжения.

Чтобы преодолеть неловкость от увиденной сцены, Зина спросила герцога:

- Ты сказал, что хорошо знаешь графа. Вы друзья?

- Можно и так сказать, - туманно ответил Жак. - Мы давно знакомы, но не думал, что я когда-нибудь ему позавидую.

- В каком смысле? - Не поняла Зина.

- А вот в таком! - С этими словами, Жак увлѣк Зину под ближайшее дерево и жадно сжал в своих объятиях, чтобы в следующий миг приникнуть к её губам в поцелуе.

"Прекрасное завершение волшебного бала!" - мелькнула мысль в голове у Зины, а затем улетучилась вместе с остальными мыслями, оставив лишь наслаждение.

- Я мечтал об этом на протяжении всего вечера, - выдохнул герцог, прервав поцелуй. Зина тут же спрятала покрасневшее лицо у мужчины на груди, а тот в ответ обнял её ещё крепче. - Я бы хотел, чтобы ты стала моей женой, Эжениа.

Зина промолчала, чувствуя, как уходит волшебство, возвращая её к реальности и проблемам, о которых она позволила себе забыть на время бала. Она не могла ответить согласием мужчине, в которого, кажется, уже была влюблена - хотя бы потому, что она - не Эжениа. Интересно, будь Зина в своём родном теле, без статуса графини - заинтересовала бы она тогда Жака? Посмотрел бы тот вообще в её сторону? Вряд ли. Зина не была дурнушкой, но с Эженией ей красотой не сравниться. И, хоть герцог и уверял, что внешность - последнее, на что он ориентировался в выборе невесты, но титул-то точно играл не последнюю роль. Граф Даниятский обратил внимание на Эмилию, несмотря на то, что у неё нет титула, а будь на месте Эми Зина - посмотрел бы на неё тогда Жак? Или если бы Зина была одной из работниц Эмилии - ведь в своём мире она была не хозяйкой салона, а простой парикмахершей? Что-то подсказывало Зине, что в этом случае Жак, даже если бы и обратил на неё внимание, вряд ли предложил бы ей стать его супругой. Для аристократов подобный брак немислим, тем более - для герцога. Впрочем, на богатых простолюдниках те очень

даже женятся - но не наследники титула, а вторые или третьи сыновья. А герцог один, потому и вынужден жениться, чтобы завести наследника. И простолюдника для такой цели ему никак не подходит.

Осознав, что герцог тревожно всматривается в её лицо в ожидании ответа, Зина тряхнула головой, пытаясь избавиться от отравляющих душу мыслей. После чего, улыбнувшись, мягко сказала:

- Я не готова пока дать ответ, Жак. Пусть всё идёт своим чередом.

Мелькнувшее во взгляде мужчины разочарование больно кольнуло Зину, но отступить от своего решения ей было нельзя. Сначала пусть завершится сюжет книги - а дальше видно будет.

- Конечно, как скажешь, - немного сухо согласился Жак. Зина чувствовала, что обидела его своим ответом, но другого у неё пока нет. И Жак, видимо, понял это, так как сумел справиться с обидой и уже нормальным тоном стал рассказывать Зине о том, как в детстве с отцом они лично посадили несколько деревьев на этой аллее.

Глава 34

В то время, когда Зина наслаждалась балом по поводу собственной помолвки, стараясь не думать о проблемах, трое её закадачных "подружек" собрались в гостиной у маркизы Лилиан де Бокенфорт.

- Вам не кажется, дорогие леди, что наша будущая герцогиня малость зазналась? - язвительно спросила Мари, обращаясь к своим подругам.

- Милена? - Изумленно пискнула Клодия.

- Какая, к дьяволу, Милена! - Вызверилась на молодую женщину графиня Канопорская. - Я говорю об этой стерве - нашей дорогой подруге Эжени!

- Да-а-а, - протянула задумчиво Лилиан, что крайне не вязалось с её обычной манерой тараторить, демонстрируемой на людях, - на помолвку не позвала, общения с нами избегает... А ведь мы столько для неё сделали. Для них с Кастлером. А она, видали - переключилась на другого герцога. Поняла, видно, что с Оделлом ничего не светит.

- Стерва! - снова выплонула в раздражении и злости Мари. - Мы ведь договорились с ней, что Ванрелл - мой! Ради его денег я бы даже

закрыла глаза на его жуткое уродство. Этой стерве ничего не стоило окрутить бывшего любовничка, но она выбрала Ванрелла мне назло! Знала же, что Оделл на меня не клюнет!

- Не по-дружески это, - поддакнула Лили, - остаётся решить вопрос, как мы её накажем за такое поведение?

- Бойкот? - Робко предложила баронесса, чем заслужила раздраженный взгляд графини и снисходительный - маркизы.

- Ну, какой бойкот, дорогая? - Взялась пояснить очевидное Лилиан. - Бойкот мы могли бы объявить кому-нибудь статусом пониже - например, тебе. А будущая герцогиня - птичка высокого полёта... Да и смысл игнорировать того, кто уже игнорирует нас? Она этого даже не заметит. Нет, тут нужно что-то другое...

- Верно, - зло сверкнула глазами Мари, - и у меня есть идея! Слушайте внимательно...

После бала гости стали разъезжаться: кто сразу же, кто через пару дней. Зина пыталась уговорить Эмилию задержаться хотя бы на неделю - отдохнуть на свежем воздухе, вдали от столичной суеты, пообщаться. И Эми почти согласилась, как вдруг:

- О, отлично! - раздался рядом с ними радостный голос графа Даниятского. - Я как раз планировал задержаться здесь. Приятно, что и вы, дорогая Эмилия, решили сделать то же самое.

- Знаешь, Эжени, я, наверное, поеду, - скрипнув зубами, ответила Эми, - не хочу надолго оставлять Молли за главную - у неё совсем нет опыта руководящей работы, хотя как специалист она - золото.

- Ох, какая жалость! - Вновь вклинился Лео, не смутившись, что на него не обращают внимания. - Я тут вспомнил, что у меня в столице много дел, так что я составлю вам в дороге компанию.

- А вообще, - протянула Эмилия, по-прежнему не глядя на графа и обращаясь только к Зине, - может, стоит и задержаться здесь, побыть в тишине и покое...

- Думаю, я тоже могу отложить свои дела, - вставил Леопольд с широкой улыбкой.

Зина переводила взгляд с Лео на Эми - и обратно. Она рассчитывала, что отношения между её другом и её подругой

наладятся после того поцелуя, невольными свидетелями которого стали они с Жаком - но нет, между этими двумя всё осталось по-прежнему. В итоге Зина махнула рукой, позволил подруге решать, останутся ли они с Лео здесь еще на неделю или нет - потому как стало очевидно, что граф поступит так же, как Эмилия, что бы та в итоге не решила.

Буквально на следующий день после того разговора, Эми пришла к Зине попрощаться.

- Прости, подруга, но больше я так не могу. Леопольд не даёт мне прохода: в столице я хотя бы дома могу от него укрыться, раз уж на работе он меня достаёт.

- Так он уже Леопольд? - Подколола девушка Зину.

- Кот он мартовский, вот он кто! - вспыхнула Эмилия, а Зина подумала о том, что тогда имя Леопольд ему очень подходит. Прямо кот Леопольд из мультика. Только тот был добрым, а не гулящим. Впрочем, Лео тоже добрый: помог же он Зине совершенно бескорыстно. Хотя, может, и не совсем бескорыстно: какой же мужчина откажется записать на свой счёт еще одну победу? Пусть только в глазах общества, но всё же.

Словом, подруга уехала, за ней умчался и герой-любовник, не теряющий надежды завоевать сердце строптивой красавицы, а Зина осталась с Жаком вдвоём. Нет, конечно, кроме них в доме было полно слуг - но это не то. И, что самое главное, оба были свободны: Жак сказал, что успел решить все свои самые важные дела до бала, а самой Зине тоже, по сути, было делать совершенно нечего. Ремонт был закончен в рекордные сроки, бал уже прошёл, до следующего бала еще полно времени. Зина думала о том, чтобы вернуться после бала в столицу, но Жак попросил её остаться:

- Пусть это будут наши две недели. Мы же хотели узнать друг друга поближе - сейчас самое время. Потом мы вернёмся в столицу - и снова погрузимся в дела, в ежедневную суету. А тут, наедине с природой и друг с другом, у нас есть шанс познакомиться получше.

Зина и хотела этого, и страшилась. Боялась разбитого сердца - и своего, и герцога. Но отказаться от возможности побыть рядом с тем, в кого уже была влюблена, не смогла. А потому решила отнестись к ситуации с фатализмом: чему быть - того не миновать. Но здесь и сейчас надо жить, и пользоваться каждой возможностью.

- И чем же мы займёмся? - спросила она у своего жениха, на что получила в ответ лукавую улыбку:

- Как насчёт того, чтобы прокатиться по окрестностям?

Зина радостно согласилась - и радость её длилась до того момента, пока девушка не осознала, что прокатиться ей предложили не в карете, а верхом на лошади!

- Н-нет, - попятилась девушка от конюшни, где стояли, фыркая и перебирая копытами, огромные породистые скакуны - гордость герцога Монтеберского. - Я н-не могу... Не умею!..

- Не бойся, трусишка, - усмехнулся герцог, - я не дам тебя в обиду. Но на карете по нашей местности не покатаешься - колёса в траве застрянут, а то и в грязи увязнут. В каретах только по дорогам можно ездить, а по полям, лугам да лесным тропинкам - только на лошади.

- И что же делать? - растерянно спросила у герцога Зина. Тот развёл руками:

- Придётся учить тебя ездить верхом, невеста моя.

- А может, не надо? - жалобно спросила Зина, с опаской поглядывая на застоявшихся жеребцов.

- Надо, милая, надо, - с притворным сожалением вздохнул Жак, - даже если ты откажешься выходить за меня замуж, умение ездить верхом тебе в жизни пригодится. А если согласишься - то тем более. Так что отказ не принимается.

Зина и сама понимала, что герцог прав, но ей было откровенно страшно. Она и за руль-то никогда не садилась, а ведь бездушной машиной управлять легче, чем живым созданием с собственной волей и характером. Однако Жак был непреклонен и начал её учить тут же, не откладывая дело в долгий ящик.

- Это Звезда, - проговорил он, подведя к Зине красивую светло-коричневую кобылку с белым пятном на лбу - наверняка, своё имя та получила именно благодаря этому пятну. - Подойди к ней и дай себя обнюхать.

Зина послушалась, осторожно приблизившись к кобыле. Лошадка была пониже ростом, чем жеребцы и с видом более смирная.

- Вот так, - голос Жака был собранным и спокойным, внушая Зине уверенность. - Теперь протяни руку... Медленно! Вот так. Погладь её. Молодец! На вот, дай ей яблоко.

В руках у Жака неведомо откуда появилась половинка яблока - в кармане он его нёс, что ли? - и Зина, взяв угощение, протянула его на раскрытой ладони Звездочке. Та фыркнула, обнюхала подношение и осторожно, губами взяла его, оставив тёплый и влажный след на ладони девушки.

- Получилось!.. - замороженно прошептала Зина, не сводя взгляда с лошади, которая, как ни в чём не бывало, хрумкала яблоко. - Ты такая красавица! И умница!

- Не только она, - непонятно сказал герцог, тоже не сводя взгляда - но не с лошади, а с самой Зины.

- А что дальше? - обернувшись, спросила Зина, горя нетерпением. Кормить лошадь с руки ей понравилось.

- А дальше, дорогая невеста, ты поднимешься к себе и переоденешься в костюм для верховой езды. Есть у тебя такой с собой?

Зина смутно припомнила, что какой-то костюм ей Ирма складывала, когда собирала вещи.

- Кажется, да... - Неуверенно произнесла Зина.

- Тогда переодевайся и спускайся, я буду ждать здесь.

- Хорошо.

- Эжениа! - остановил он её, когда девушка уже собралась идти в дом. Дождавшись, когда девушка поднимет на него взгляд, герцог продолжил:

- Ничего не бойся, я буду всё время рядом. Со мной тебе ничего не грозит.

И Зина поверила.

Глава 35

К тому моменту, как Зина переделась и вернулась к конюшням, Звёздочка уже стояла под седлом и дожидалась её. Жак не стал брать себе коня, а повёл Звёздочку к небольшой огороженной площадке.

- Потренируемся здесь, прежде чем выезжать на открытую местность, - прокомментировал он, а Зина не стала возражать, хотя она вообще бы предпочла не садиться на лошадь. Но умом девушка понимала, что это - полезное умение, и была благодарна герцогу за настойчивость и намерение помочь ей в обучении.

Жак посадил Зину на спокойно стоящую кобылу, взял в руки повод и повёл Звёздочку по кругу спокойным шагом. Зина со страху вцепилась руками в седло, и Жак тут же скорректировал её действия:

- Держаться на лошади надо не руками, а ногами и при помощи равновесия. Выпрямись. Вот так, расправь плечи. Не напрягайся, почувствуй баланс.

Первые пару дней Зина просто училась держаться в седле и управлять лошадью - сначала при помощи ног, а потом и при помощи повода. Училась ездить со стременами и без, с седлом и без седла. Плюсом в этом мире было то, что женщины тут ездили верхом так же, как мужчины: никаких дамских сёдел не было и в помине. Приличия соблюдали при помощи широкой юбки с разрезом спереди, надетой поверх брюк. Выше талии костюм для верховой езды состоял из белой блузки и жакета того же цвета, что и юбка, в случае Зины - тёмно-бежевого. Такого же цвета были и брюки.

После того, как Зина освоила азы, Жак стал учить её пускать лошадь галопом, рысью, переходить обратно на шаг. И всё это - внутри небольшого загона, по кругу. Затем настала очередь прыжков через препятствия и выездки. И только после этого Жак разрешил Зине сопровождать его в поездке на лошади по территории герцогства.

Сама Зина, поначалу до ужаса боявшаяся лошадей, незаметно для себя привыкла к Звёздочке, научилась её чистить, и всегда подкармливала кусочком яблочка или морковки. А со временем ей даже стали нравиться их занятия. Несмотря на то, что поначалу у неё ужасно болели ноги и то, что повыше, несмотря на жуткую усталость, ей стало нравиться.

- Кажется, у меня болят все мышцы, даже те, о существовании которых я не знала, - пожаловалась Зина жениху как-то после примерно недели занятий.

- Ничего, это скоро пройдёт, - тепло улыбнулся Жак.

Их отношения с каждым днём становились всё ближе, и Зина с трепетом и восторгом понимала, что Жак - не просто интересный и привлекательный мужчина, он - её родственная душа в этом мире. На многие вещи они смотрели одинаково, и их реакция на одни и те же события совпадала. Например, Зина была очень терпеливая и старательная - и, видя, как Жак терпеливо объясняет ей раз за разом её ошибки, не раздражаясь и пытаясь найти слова попонятнее, Зина

понимала, что такое отношение к делу очень похоже на её собственное. Ни Жак, ни Зина не расстраивались, если что-то не получается: оба делали выводы, корректировали своё поведение - и пробовали снова. А если у них случались какие-то расхождения во взглядах, то оба внимательно и уважительно выслушивали вторую точку зрения и пытались найти вариант, устраивающий обоих.

Нравилось Зине и отношение Жака к слугам: никакого высокомерия, свойственного аристократам, тот не проявлял, а вот заботу и некоторую, почти отеческую строгость - да. При этом наказания за проступки всегда были соразмерны самим проступкам. Физические наказания к слугам не применялись вообще, как и штрафы. Обычно провинившиеся должны были исправить то, что натворили, но иногда наказания были более суровыми. Например, пьянство на посту грозило увольнением. Герцог Монтеберский вообще не жаловал пьяниц и не держал пьющих слуг. На вопрос Зины, почему он просто не оштрафует провинившегося, Ванрелл ответил:

- Своим людям я плачу жалованье по верхней границы принятого. Но даже этих денег людям порой не хватает, если семья большая. Поэтому я часто поощряю преданность и хорошую службу дополнительной премией, а иногда могу и просто дать денег, если случилась какая-то беда, например. Это моя обязанность. Но наказывать деньгами - значит, лишать людей средств к существованию. Пусть лучше отработают - заодно и подумают над своим поведением.

И слуги герцога ценили такое отношение, души не чая в своём господине. К Зине же у слуг поначалу было настороженное отношение, но вскоре оно сменилось на более тёплое - особенно после того, как Мария прониклась к невесте герцога уважением и симпатией.

С тех пор, как Зина научилась сносно держаться в седле, они с Жаком стали выезжать на конные прогулки по окрестностям. Жак показывал девушке места, в которых сам любил бывать в юности, а Зина радовалась возможности узнать его с этой, скрытой от светского общества, стороны.

Но, как бы им ни было хорошо вместе, их маленький отпуск подходил к концу. Герцога Монтеберского ждали дела короны, а Зине надо было возвращаться, чтобы не пропустить важное событие: близилась свадьба Кастлера и Милены. Будущие молодожёны уже

прислали и ей, и Жаку приглашения. Венчание состоится в столице, в церкви на главной площади, затем будет праздничный обед, а вечером - бал. Пусть до этого события еще больше недели, но ведь надо же подготовиться. Словом, в столицу Жак и Зина возвращались вместе - счастливые и влюблённые.

Тем временем, в столице уже несколько дней гуляли странные слухи: ходила молва, что герцог Ланттарский бросит свою невесту прямо у алтаря. Причины подобного неуважительного по отношению к невесте поступка называли разные: кто говорил, что герцог страдает от любви к бывшей содержанке, и готовится вызвать на дуэль герцога Монтеберского, чьей невестой та теперь является. По другой версии, герцог уличил свою невесту в неверности, и хочет унижить её таким образом в отместку на глазах у всего света. Третья версия гласила, что это графиня Траутская бросит у алтаря герцога Ланттарского, так как так и не смогла простить тому многочисленные любовные похождения. Понятно, что каждая из этих версий исключала другие, однако сплетников подобные противоречия нимало не смущали. Сами же фигуранты сплетен либо не подозревали о том, что о них говорят, либо не обращали на эти разговоры внимания.

Кастлер Оделл сидел в кресле у камина в своём кабинете, прижимая к себе свою невесту, устроившуюся у него на коленях, и выцеловывал каждый сантиметр её шеи - от ушка и до ключицы.

- Ох, скорей бы эта свадьба! - Простонал мужчина, оторвавшись от увлекательного процесса. - Я боюсь, что просто не выдержку еще несколько дней.

Милена издала разочарованный вздох, почувствовав, что герцог перестал её целовать. Она и сама ждала свадьбы с волнением и предвкушением: если ей так приятны поцелуи будущего мужа, то что тогда будет в брачную ночь?

- Скажи, ты точно больше не вспоминаешь её? - Не смогла удержаться Милена от вопроса, о котором тут же и пожалела, но было поздно. Герцог напрягся и отстранился.

- Милена, сколько можно? - Устало произнёс он. - Мне надо поклясться ? Или даже это тебя не успокоит? Эжениа - часть моего прошлого, я не могу этого изменить. Но она - часть прошлого, ПРОШЛОГО, понимаешь? А ты - моё настоящее и будущее. Что мне надо сделать, чтобы ты мне поверила?

- Ты ни разу не сказал, что любишь меня... - прошептала девушка, прижимаясь к жениху. Она уже пожалела, что испортила их уединение разговором о бывшей сопернице. Бывшей, потому как Эжениа теперь невеста другого мужчины и, судя по тому, как она и герцог Монтеберский смотрят друг на друга, этот брак точно будет не по расчёту. Милене бы очень хотелось, чтобы и у них с Касом всё было по любви.

- Ты знаешь, как я к тебе отношусь, - проговорил герцог, целуя девушку в кончик носа, - и ты знаешь, что мне трудно говорить о чувствах. Я скажу, когда буду готов. Обещаю.

- Это не потому, что ты всё ещё любишь её? - Милена проклинала свою несдержанность, но не могла не спросить. Когда еще, если не сейчас? После свадьбы будет уже поздно, так что лучше решить все вопросы прямо сейчас.

- Вот, что тревожит тебя? - Кастлер развернул Милену лицом к себе и серьёзно сказал, глядя ей прямо в глаза:

- Милая, поверь, я никого и никогда не любил до встречи с тобой.

Это было еще не совсем признание в любви, но близко к нему. Милена тут же растаяла и сама поцеловала жениха, решив, что пусть всё идёт так, как идёт. Она дожждётся этих самых главных слов в жизни каждой женщины.

Глава 36

В одной из комнат мужского салона пили виски и курили сигары четверо мужчин. Судя по их одежде и манерам, они принадлежали к высшим кругам аристократии, да и сам салон был слишком дорого и со вкусом обставлен, чтобы являться заведением для торговцев или военных. Мужчины молчали, но это молчание не было неловким молчанием незнакомых друг другу людей, оказавшихся в одном месте в одно время. Нет, это было такое молчание, какое обычно бывает

после долгого обсуждения, когда собеседники берут паузу, чтобы обдумать услышанное, а заодно сделать несколько обжигающих глотков из стоящих рядом стаканов, да затянуться сигарами.

- Значит, вы полагаете, - прервал тишину один из мужчин, тот, что выглядел старше остальных, - что Монтеберского следует убрать?

- Я считаю, что да, - отозвался самый молодой из присутствующих, - слишком много он в последнее время вынюхивает, почти вплотную подобрался к нашим делам.

- Возражений нет? - Спросил старший. Возражений не последовало. - Что ж, единогласно. Остаётся вопрос, как мы это сделаем?

- Лучше бы чужими руками, - отозвался молодой.

- Возможно, получится привлечь к этому делу его будущую жену?

- Третий собеседник говорил хриплым, будто бы простуженным голосом.

- Хотите дважды войти в одну и ту же реку? - Поднял брови старший из мужчин. - А получится ли? Элен была идиоткой, которую ничего не стоило обвести вокруг пальца, а вот нынешняя невеста герцога душой не выглядит.

- Кроме того, ходят слухи, что эти двое испытывают друг к другу некоторые чувства, - вмешался четвёртый мужчина, отличающийся болезненной худобой и высоким ростом.

- А я слышал другое, - хохотнул молодой, - будто графиня влюблена в своего бывшего любовника и выходит замуж за Ванрелла только потому, что Оделл женится на другой.

- Давайте не будем уподобляться сплетницам, - поморщился старший. - Предлагаю выяснить точно, в каких отношениях находятся Эжениа де Лавиньяк и Жак Ванрелл. Ваши шпионы что, напрасно хлеб свой едят? А выяснив, узнаем, как можно использовать невесту нашего герцога - либо как сообщницу, либо как приманку.

Мужчины согласно закивали и спор вызвал только вопрос, чьи именно люди будут следить за парочкой. Но с этим разобрались быстро.

- Далее, - продолжил старший мужчина, пригладив ладонью сидящую шевелюру, - что с нашими потенциальными союзниками? Раз уж речь зашла о Ланттарском, будем пытаться привлечь его на свою сторону?

- Вообще-то, желательно, - задумчиво проговорил тощий, - ещё один герцог оппозиции точно не помешает. Но вот согласится ли он?..

- Может, и согласится, - поддержал его хриплым голосом третий, - он, в отличие от Ванрелла, на корону не работает.

- Верно, - согласился старший мужчина, - но столица формально принадлежит к его герцогству, и, если начнутся волнения, он первый пострадает.

- Зато, если Оделл присоединится к нам - считай, столица уже наша, - мечтательно протянул молодой.

В результате немного поспорив, мужчины сошлись на том, что с предложением герцогу Лантгарскому пока повременят. Лорды не боялись быть услышанными - хозяин салона был их человеком, и делал всё, чтобы клиенты могли поговорить без лишних свидетелей. Да и сам хозяин дураком не был и понимал, что бывает со свидетелями в подобных случаях.

К церкви постепенно съезжались именитые гости: на площади практически не оставалось свободного места - всё было забито экипажами. В самой же церкви в одной из комнат на втором этаже бледную и взволнованную невесту пытались успокоить её подруги. Сказать по правде, подругами ей эти женщины не были, но именно они оказались рядом в такой волнительный момент, поскольку принадлежали к тому же кругу, что и сама невеста.

- Дорогая, все невесты переживают, - по-доброму усмехнулась Матрона ди Ширле, - это нормально.

- Я не могу сидеть тут и ждать, мне не хватает воздуха! - воскликнула Милена. - Прошу вас, проверьте мой корсет: мне кажется, глупая служанка слишком сильно его затянула.

- С вашим корсетом всё в порядке, - продолжила увещевать её женщина, - это всё нервы.

- Может, вам выйти подышать воздухом? - Предложила Мари ле Фондани.

- Нельзя, чтобы жених увидел её раньше времени, - возразила ей маркиза ди Ширле.

- А мы на улицу и не пойдём, - согласилась графиня Канопорская, - тут пройдемся, по коридорам. А то здесь душно, даже я почувствовала.

- Да, давайте пройдемся! - Воскликнула Милена, хватаясь за любую возможность, чтобы не сидеть в ожидании, когда её позовут. К алтарю невесту поведёт отец, но он пока, как и прочие гости, находится в зале. А невесту подбадривают по обычаю молодые женщины, которым уже довелось пройти подвенечный обряд.

Зина прибыла на церемонию бракосочетания Кастлера Оделла, герцога Ланттарского и Милены Севаньон, графини Траутской, в сопровождении своего жениха, Жака Ванрелла, герцога Монтеберского. Правда, самого герцога тут же утащили друзья жениха в свою мужскую компанию, а к самой Зине подлетела Лилиан де Бокенфорт и, схватив её за руку, потащила за собой, не забывая тараторить:

- Как хорошо, что ты уже пришла! Ты уже видела невесту? Платье роскошное, но тебе она всё равно и в подметки не годится. Не понимаю, как мог герцог посмотреть на неё после того, как был с тобой? Кстати, прекрасно выглядишь!

- Лили, стой, - умудрилась влезть в этот монолог Зина, - куда ты меня ведёшь?

- К нашим, конечно же! - Удивленно уставилась на неё Лилиан. - Ты же не собираешься сидеть с матронами в зале в ожидании начала церемонии?

Вообще-то Зина была бы не против и даже предпочла бы компанию пожилых дам компании подружек-гадюк, но было уже поздно. Лилиан продолжала тащить её под руку, при этом не замолкая ни на секунду. Зина даже не пыталась прислушиваться к тому, что та говорит, а зря.

- Мы с подругами обсуждали, как это несправедливо по отношению к тебе, - тараторила Лили, - что герцог дал тебе отставку после двух лет отношений. Эта Милена, эта провинциальная выскочка, и мизинца твоего не стоит. Словом, мы решили дать герцогу ещё один шанс убедиться, что он совершает глупость. Можешь не благодарить.

С этими словами, Лилиан втолкнула Зину в одну из комнат на втором этаже. Зина по инерции сделала несколько шагов, прежде чем осознала, что в комнате, кроме неё, находится еще один человек - мужчина, который стоял у окна, спиной к Зине. Девушка обернулась,

собираясь спросить у Лили, что всё это значит, но увидела только закрывающуюся дверь, а в следующую секунду услышала звук поворачиваемого в двери ключа.

- Какого чёрта? - Вслух выругалась Зина, привлекая тем самым внимание стоящего у окна мужчины. Тот обернулся на шум и его глаза расширились от удивления:

- Эжени?

- Милорд? - Эхом повторила за ним Зина, начиная догадываться, что подружки её, кажется, крупно подставили. Ведь это очень плохая примета - оказаться запертой с женихом в одной комнате в день свадьбы, особенно, если жених - чужой.

Глава 37

- Эжениа? Что вы здесь делаете? - Спросил Его Светлость герцог Ланттарский, так как это был именно он.

- То же, что и вы, милорд, - ответила ему Зина, лихорадочно обдумывая положение, в котором они оказались, - нахожусь в ловушке.

- В ловушке? О чём вы? - Подозрительно прищурился Оделл. - Вы же не собираетесь сорвать мне свадьбу? Я думал, вы счастливы с Ванреллом.

- О, не переживайте, милорд, на вас я видов не имею.

- Тогда что вы здесь делаете? - Повторил свой вопрос герцог. - Почему вы не со своим женихом?

- А почему вы не у алтаря? Или где там положено находиться жениху? - Задала встречный вопрос Зина. - Чем вас-то сюда заманили?

Зина досадовала на себя: ведь знала, что гадюкам нельзя доверять, но расслабилась, посчитав, что статус невесты герцога Монтеберского защитит её от всего. Как оказалось, не от всего: от женского коварства он защитить не смог. И, главное, предъявить что-либо Лилиан и остальным не выйдет: леди скажут, что искренне старались помочь, уверенные, что помогают своей подруге, то есть ей, Зине.

Весь вопрос был в том, что же дальше. Чем ситуация должна закончиться по замыслу гадючек? Сорванной свадьбой? Позором Эжениа? Расторжением помолвки её и Жака? Все три варианта возможны. Жак плевать хотел на слухи, но проигнорировать то, что его невесту застали с чужим женихом в запертой комнате, он вряд ли

сможет. Если это случится, общественное мнение может вынудить его разорвать помолвку. И тогда - привет, монастырь, ибо Зина вновь останется без защиты. Но беспокоило Зину почему-то не это, а то, что Жак может поверить, будто у неё есть чувства к Ланттарскому. Кажется, они в последнее время сильно сблизились с Жаком, да и симпатию свою Зину не пыталась от него скрывать, но ведь и женой его она пока не согласилась стать. Поскольку причины отказа Зина не могла пояснить, то Жак может себе их придумать самостоятельно.

- Вы можете объяснить, что происходит? - Раздался над ухом голос Ланттарского и Зина вздрогнула от неожиданности, так глубоко она успела задуматься. - Меня отправили сюда ожидать приглашения на церемонию. Та рыжая девица, Бокенфорт, что-то лепетала про то, что иначе я рискую увидеть невесту раньше времени.

- О, я могу объяснить, - протянула Зина, мимоходом пройдясь взглядом по свадебному костюму жениха - тот сидел, к слову, безукоризненно, и был к лицу Его Светлости, - но боюсь, объяснения вам не понравятся.

- Так объясняйте! - Раздраженно бросил герцог.

- Нас заперли, - просто сказала Зина. - Обманом заманили в эту комнату и заперли. Что будет дальше, можете себе представить. Возможно, сюда войдёт ваша невеста или мой жених, а возможно, что гости, устав ждать жениха, всей толпой наведуются.

Теперь настала очередь Оделла чертыхаться. В четыре шага преодолев расстояние до двери, он дёрнул за ручку и выругался снова. После чего вернулся к Зине и больно схватил её за плечи:

- Если вы в этом замешаны... - прошипел он, на что Зина возмущенно дёрнулась в его руках:

- Пустите! Только и думаете, что о себе. Я, между прочим, пострадаю в этой ситуации сильнее вас. Вы можете, максимум, лишиться невесты, а я лишусь репутации! Да и то, сомневаюсь, что Милене позволят отменить брак - договор-то, небось, давно подписан. Следовательно, вы ничего не теряете, в отличие от меня.

Гневное выражение лица герцога сменилось озадаченным. По-видимому, сумел осознать правоту слов бывшей любовницы. Но тут его глаза вновь подозрительно сощурились:

- То есть, это не ваша попытка вынудить меня жениться на вас?

- Вынудить герцога? Серьёзно? - Зина даже руками всплеснула. - Я похожа на дуру?

Ланттарский промолчал, но весьма красноречиво, на что Зина лишь рукой махнула:

- Что бы вы там себе не думали, а я понимаю, что герцоги - вторые по значимости лица в королевстве. И вынудить их что-нибудь сделать - практически нереально. Кроме того, вы мне не нравитесь.

На последних словах одна бровь Кастлера поползла вверх:

- И когда вы это поняли, позвольте спросить? Во время наших отношений или после?

Зина уже поняла, что чуть не проболталась, возмущаясь поведением герцога. Это она, Зина, не состояла ни в какой любовной связи с ним, а Эжениа встречалась с Оделлом на протяжении двух лет. Так что девушка поспешила исправиться:

- Я хотела сказать, не настолько нравитесь, чтобы выходить за вас замуж.

Теперь и вторая бровь герцога присоединилась к первой. Оделл смотрел на неё с удивлением и недоверием:

- Хотите сказать, что, позови я вас замуж до того, как это сделал Ванрелл, вы бы мне отказали?

Зина с досадой смотрела на мужчину, не понимая, как их разговор мог свернуть в эту сторону. И что ей ему ответить? Что ей, Зине, плевать на него с высокой башни? Но ведь Эжениа демонстрировала совсем другие эмоции. И врать не хотелось тоже, уверяя, что она была бы счастлива выйти замуж за чужого и неинтересного ей мужчину. Да и, скажи она так, Оделл снова начнёт подозревать её во всех тяжких. В итоге Зина ответила следующее:

- Вам не кажется, герцог, что вы несколько запоздали с этим вопросом? Какой теперь смысл рассуждать о том, чего не случилось? Я не знаю, как бы я ответила в этом случае, но сейчас у нас совершенно иная ситуация. И нам надо не отношения выяснять, а попытаться выйти из этой ситуации с минимальными потерями.

Голос разума в лице Зины-Эжениа немного привёл герцога в чувство, и тот начал думать:

- Я могу вылезти в окно. Тут второй этаж, - предложил он.

- Ага, а внизу полно гостей, и экипажи всё прибывают. Вот им будет интересно полюбоваться на героя-любownika, покидающего

"поле боя" через окно. И вычислить нужную комнату, а после найти в ней меня, не составит особого труда.

- Предлагайте тогда свои варианты! - Вспылил Оделл.

- Пожалуйста: я предлагаю поискать ключ.

- Вы же сказали, что нас заперли снаружи? - Вновь с подозрением прищурился Кастлер, а Зина с трудом удержалась от жеста "рука-лицо".

- Верно, - терпеливо, как обычно разговаривают с детьми, произнесла Зина. - Но если те, кто нас запер, хотели представить ситуацию так, будто мы сами решили тут уединиться, то было бы странно, не окажись в комнате ключа. Нет, я полагаю, ключ где-то здесь, и открыть дверь мы должны сами - а нас будут поджидать на выходе из комнаты, чтобы узреть наше моральное падение.

Обдумав слова Зины, герцог был вынужден с ней согласиться - и они приступили к поискам ключа. Первым делом проверили письменный стол, но ни на самом столе, ни в ящиках, ничего не оказалось. Потом уже стали просматривать всё подряд: старое кресло, немного продавленный диван, подоконник...

- Нашла! - Негромко воскликнула Зина, открыв музыкальную шкатулку, стоявшую на старом рояле в углу комнаты. Ключ был в шкатулке, а сама шкатулка, по-видимому, была давно сломана и никаких звуков при открытии не издавала.

Герцог поспешил к Зине, взял у неё из рук ключ и поднёс к замочной скважине.

- Подходит! - Марчно резюмировал он. - Давайте, вы первая. Выйдете - и сразу ступайте в зал. Я подожду немного и выйду следом.

Зина кивнула и осторожно, стараясь не шуметь, повернула в замке ключ. Выглянув в коридор и никого не заметив, Зина выдохнула с облегчением. И тут дверь напротив распахнулась и из неё вышла Милена в шикарном белоснежном свадебном платье, а рядом с ней - целая толпа леди. Впереди всех со злорадной улыбкой к ней шла Мари.

- Эжениа, дорогая! - Приторно-сладким голосом воскликнула та. - Вы же из этой комнаты вышли, не так ли? Милена, идём сюда, эта комната намного просторнее, тебе будет легче дышать.

С этими словами графиня Канопорская повела невесту в ту самую комнату, из которой только что вышла Зина.

"Штирлиц, это провал! - успела подумать та, увлекаемая потоком дам обратно в комнату. - Сейчас они увидят Кастлера, и сложат один к одному!"

Глава 38

Первым порывом Зины было удержать Мари и Милену, не позволив им войти в комнату. Но, во-первых, Мари явно предвидела это, и шла напролом, а за ней следовали и остальные дамы. Так что перевес сил был явно не на Зининой стороне. Да и, как рассудила Зина, начини она дергаться, то этим скорее вызовет подозрения. Она ведь ни в чём не виновата, а потому самое правильное - вести себя спокойно и с достоинством. Ведь, по сути, что увидят дамы? Ну, выходила Эжения из той же комнаты, в которой находится герцог Ланттарский, и что? Может, она заблудилась и только на секунду заглянула. Расчёт закадычной троицы, видимо, был в том, что Зина-Эжения либо воспользуется случаем и действительно позволит себе лишнего с чужим женихом, либо, что они не сразу догадаются поискать ключ. Зина успела подсадовать на то, что пришлось потратить некоторое время на выяснение отношений с Кастлером, что стоило им драгоценных минут. Возможно, в противном случае им бы удалось выскользнуть из ловушки незамеченными.

Следуя за Миленой и Мари, Зина уже приготовилась к скандалу, разгореться которому наверняка поможет графиня Канопорская. Сама Милена уж точно не захотела бы публичного скандала, да и остальные дамы, не имея какого-либо умысла, вряд ли бы вообще обратили внимание на факт того, что Эжения была наедине с посторонним мужчиной. Но если её "подружка" поднимет шум, то скандала не миновать. А потому, когда дамское общество дружно ввалилось в комнату и принялось искать, где бы расположиться, а ожидаемого скандала всё не было, Зина весьма удивилась. Выйдя из-за спин леди и внимательно осмотрев просторную комнату, девушка поняла, что герцога в ней нет. Порыв свежего воздуха из открытого окна подсказал ей, куда тот мог деться. И, видимо, не только ей, поскольку Мари широким шагом направилась к окну и выглянула в него, обводя окрестности цепким взглядом. Зина же в этот момент напряженно

следила за женщиной и, когда та отпрянула от окна, в досаде кусая губы, Зина смогла выдохнуть с облегчением. Каким-то немислимым образом герцогу Ланттарскому удалось выбраться из окна так, что его никто не заметил.

В комнате дамы были недолго: церковная скромная мебель не отвечала требованиям аристократок - сидеть на продавленном диване не хотелось никому, а грубо сколоченный табурет и несколько стульев не внушали доверия. Поэтому большинство высказалось за то, чтобы вернуться в комнату ожидания, которая как раз таки была оборудована для приёма высоких гостей. Зина выходила последней, а потому только она и услышала, как за спиной легонько скрипнула дверца выдавшего вида шкафчика. Холодея от догадки, Зина обернулась и увидела, как ей задорно подмигивает выглядывающий из шкафа герцог. Зина поспешила отвернуться и покинуть эту злосчастную комнату, внутренне содрогаясь от того, что могло бы произойти, если бы та же Мари решила проверить шкаф. Оделл сообразил навести злоумышленницу на ложный след, оставив окно открытым, но ведь та могла и не купиться. В этом случае, скандал был бы неминуем: одно дело, когда девушку просто застали выходящей из комнаты, где был посторонний мужчина, и совсем другое - обнаружить этого мужчину в шкафу. Это же, фактически, признание того, что они тут занимались чем-то недозволенным! Уж лучше бы герцог ничего не делал, чем так! Но по лицу Оделла Зина видела, что мужчина весьма гордится тем, как он выкрутился из ситуации и, кажется, находит всё это забавным приключением. От Зининогo гнева мужчину спасло только то, что его план сработал - ну и то, что она не могла прямо сейчас ничего ему сказать.

После пережитого стресса Зину слегка потряхивало, что не укрылось от взгляда Жака. Тот уже обеспокоенно крутил головой по сторонам, высматривая свою невесту и, едва заметив Зину, входящей в зал, успокоился. Правда, осознав, в каком состоянии девушка, мужчина приблизился к ней и тихо спросил:

- Что произошло?

- Потом расскажу, - шепнула в ответ Зина, встретив внимательный взгляд жениха. Жак кивнул, а тут и церемония началась, так что гости принялись рассаживаться по местам. Герцогу Монтеберскому и его невесте полагались почётные места в первом ряду - там же сидели

родители жениха и мать невесты. Отец невесты в это время вёл свою дочь по проходу между рядами, чтобы передать её руку у алтаря дорогому зятю. Зина такие церемонии видела только в кино, а потому смотрела во все глаза. Милена была прекрасна; каждый из гостей - если, конечно, был честен с собой - вынужден был признать, что они с герцогом Ланттарским представляют собой весьма красивую пару. Зину же заинтересовал граф Траутский - отец невесты. Смуглый, как и сама Милена, с орлиным профилем и жгуче-чёрными, слегка вьющимися волосами, граф производил впечатление. Он был ещё довольно молод - не старше сорока, ещё даже седина не коснулась его волос, но цепляло в его облике не это. Зина видела перед собой тот образец благородного аристократа, какой рисовала в своей голове во время чтения исторических романов. Признаться, местное общество со своими интригами, похождениями и распущенностью нравов, разочаровало девушку. Из всех знакомых мужчин-аристократов только Жак и отвечал представлениям Зины о мужчинах той эпохи. Даже Лео, хоть он и нравился девушке за живость характера, но на звание "благородного аристократа" никак не тянул. Скорей уж на звание придворного шута или героя-любownika. Граф Даниятский тоже, кстати, присутствовал - Зина заметила их с Эмилией в последних рядах и решила подойти к ним после церемонии.

Зина снова обратила внимание на отца невесты, чье лицо прямо-таки светилось благородством - и это не результат гармоничности черт, а именно отпечаток внутренних качеств человека. Зина оглядела зал и заметила еще несколько похожих лиц - похожих не внешне, а тем самым внутренним благородством, преображавшим любое, даже не слишком красивое лицо. Вздохнув, Зина решила, что всё дело в столичном обществе: в глубинке явно нравы не столь распущенные, а потому и благородство аристократов там - не пустой звук. Отец Милены явно гордился своей дочерью и выглядел счастливым. Вот он вручил её ладошку жениху, вот молодые приносят клятвы, вот жених целует невесту... Зина выдохнула с облегчением: пока что сюжет идёт своим ходом.

Но расслабляться рано: впереди покушение на Милену. Зина уже голову сломала, пытаясь понять, как ей следует поступить: не вмешиваться и вообще держаться подальше от супружеской четы Ланттарских, либо всё-таки вмешаться и попытаться вычислить, кто

же этот злодей, что собирается её так крупно подставить. Да еще эта непонятная история с первой герцогиней Монтеберской. Столько слепых пятен, а Зина ни разу не сыщик! На этой мысли девушка скосила глаза на своего жениха. Она, может, и не сыщик, а вот Жак - да. У него, наверное, и штат агентов имеется. Но станет ли он заниматься этим делом? Возможно, что к расследованию смерти своей первой жены он и вернётся, но что ему за дело до Милены? Да и как Зина обоснует своё беспокойство за герцогиню? Женской интуицией? Рассказать ставшему близким мужчине о том, что он - лишь персонаж романа, Зина просто не могла. Во-первых, сама в это не верила - она ведь реальный человек, а находится в мире этого самого романа. Этому должно быть какое-то рациональное объяснение. Во-вторых, боялась его реакции. Что он подумает? Что Зина спятила?

Глава 39

Следующие две недели после свадьбы Кастлера и Милены, которые те проводили в свадебном путешествии, Зина пыталась придумать, как ей лучше поступить.

- Эй, автор! - Выкрикнула она в сердцах, понимая, что любое её решение несёт за собой определённый риск. - Ты бы хоть помог мне, что ли! Подсказал бы. Тебе ведь надо, чтобы книга закончилась хорошо.

Разумеется, никакого ответа Зина не получила: не раздался глас с неба, не появилась горящая надпись на стене кабинета, где она, сидя за письменным столом, пыталась в деталях припомнить всё, что ей вообще известно из книги о нападении на Милену. Зато в дверь заглянул Карл:

- Звали, Ваше Сиятельство?

- Нет, это я так... Хотя, постойте. Вы не знаете, какие тут в окрестностях города есть детские приюты?

- Знаю, конечно. Тут только один приют и есть, в пяти километрах от города по восточной дороге.

- Других точно нет?

- Нет, Ваше Сиятельство.

- Спасибо, Карл, - задумчиво проговорила Зина. Кажется, пора заканчивать думать и начинать действовать. Всё равно данных у неё недостаточно, а значит, что? А значит, надо эти данные собирать. И съездить в приют, возле которого состоится покушение - первый шаг. В том, что этот приют будет выглядеть точно так, как выглядел в её сне, Зина почти не сомневалась. Эти сны неспроста ей снятся, и, хоть не совсем понятно, что ей пытаются сообщить подобным образом, но какие-то подсказки в этом точно содержатся. Взять хотя бы тот момент, что Элен украла какие-то документы из стола своего мужа. Наверняка, она это сделала по наущению того же человека, кто и снабдил её динамитом. И этот же человек устроил так, чтобы никаких улик кражи не осталось: ни стола с документами, ни человека, совершившего кражу.

Зина поняла, что своими выводами обязательно поделится с Жаком: даже если тот сочтёт её сумасшедшей, девушке не позволит совесть такое утаить. Но поверит ли он? Не попробовав - не узнаешь.

Таким образом во время обеда в гостях у своего жениха, Зина аккуратно начала эту тему. Аккуратно - потому что помнила о болезненной реакции герцога на те события.

- Жак, ты веришь, что бывают вещие сны? - Спросила она, отслеживая реакцию жениха. Окажись Зина в магическом мире фэнтези, то и проблем бы с тем, как объяснить своё знание событий - прошедших и грядущих - не возникло бы. Магия же! Но этот мир был слишком похож на наш, практически точная калька, за исключением некоторых мелочей. И магии тут не существовало, за исключением некоторых шарлатанов, которые были во все время.

- Я готов допустить, что такое бывает, но сам ни с чем подобным не сталкивался, - ответ Жака обнадеживал. Вот если бы он начал категорически высмеивать и отрицать существование сверхъестественного, то убедить его Зине было бы трудно. Но Зина в который раз убедилась, что этот мужчина именно такой, каким показался ей в самом начале их знакомства.

- Тогда мне надо тебе кое-что рассказать...

Эмилия ворвалась в дом к Зине, как ураган, пролетев мимо отворившего дверь Карла, и едва не сбив того с ног. Зина удивленно уставилась на подругу: та редко выходила из себя, а уж в таком

состоянии девушка её никогда не видела. И существовал лишь один человек, кто мог так вывести её из себя.

- Этот твой граф меня доконает! - Воскликнула Эми, усаживаясь в кресло напротив Зины.

- Он не мой, - хмыкнула Зина. И ехидно добавила:

- Скорей уж твой.

- Ну, он же твой друг!

- С этим не поспоришь, - улыбнулась Зина. - Как он? Давно не заходит уже, примерно с тех пор, как с тобой познакомился.

Эми закатила глаза, а после почти взмолилась:

- Эжени, дорогая, выручай! Мне надо скрыться от него хотя бы на пару дней. Я не могу так больше!

- Думаешь, он не догадается, что ты у меня? - скептически выгнула бровь Зина.

- Догадается, конечно. Уже завтра прискачет. Поэтому предлагаю тебе куда-нибудь смотаться из города с утра пораньше.

Зина призадумалась. Она как раз планировала на днях посетить детский приют, и компания подружки будет весьма кстати. Особенно, учитывая ум и наблюдательность последней. Вдруг, Эми заметит что-то, что сама Зина проглядит? Правда, тогда ей придётся кое-что рассказать, пусть и не всё.

- Знаешь, есть у меня идея, куда мы можем исчезнуть завтра - Леопольд точно не догадается, - заверила Зина подругу. - Но я не понимаю ваших отношений, если честно. Он ведь тебе нравится?

- Нравится, - прямым взглядом ответила на её вопросительный взгляд Эмилия, - но что это меняет? Между нами пропасть. И меня ужасно раздражает, что со мной он ведёт себя так же, как со всеми остальными женщинами - шутит, заваливает комплиментами и подарками, пытается соблазнить. Между тем, сквозь маску этакого балагура и дамского угодника, нет-нет, да и проглядывает его истинное лицо. Я бы хотела, чтобы со мной он был настоящим. Видит же, что мне его поведение не нравится, но, видимо, маска уже выросла в кожу.

Зина кивнула: она и сама не раз замечала, что Лео словно играет роль - и большинству женщин эта роль нравится. Но не Зине и не Эмилии.

- Может, мне поговорить с ним? - неуверенно предложила Зина. Всё-таки, вмешиваться в чужие отношения - последнее дело.

- Можешь, - пожала плечами Эми, - но сомневаюсь, что это что-то изменит.

- И какой же выход?

- Рано или поздно он устанет, если увидит, что от меня нет никакого отклика - и переключит внимание на другой объект, - бросила девушка, а затем резко сменила тему, заговорив про успехи её салона. Зина на это лишь покачала головой, но возвращаться к теме не стала.

В сопровождение на прогулку до детского приюта Зина взяла одного из лакеев, Блеза. Мужчина ехал чуть поодаль, не мешая девушкам общаться. Лошадь лакея была нагружена тюками с подарками: в одном были игрушки, в другом - одежда на мальчиков и девочек разных возрастов. Кроме того, Зина и Эмилия приготовили по чеку - на нужды приюта. Не с пустыми же руками было ехать, это выглядело бы странно. К тому же Зина подозревала, что современные ей детские дома весьма выгодно отличаются от местных, так что морально готовилась к тягостному зрелищу. Но решимости в ней это не отбивало: она должна сама на месте провести разведку. И благотворительный визит - вполне нормальная причина, дающая такую возможность.

Расстояние от города до приюта было не слишком большим, а потому подруги никуда не спешили - ехали шагом и наслаждались прогулкой. Времени у них впереди было много, хватит на всё.

- Признаюсь, это новый для меня опыт, - лениво произнесла Эмилия, направляя свою коричневую кобылку с белом пятном на лбу в обход небольшого ручейка, что попался им на дороге.

- Для меня тоже, - согласилась Зина, ведя лошадь след в след за подругой. Зина всё ещё чувствовала себя не слишком уверенно на лошади, но решила, что надо тренироваться. Потому они все встроём и взяли лошадей напрокат, а не наняли экипаж. К тому же, неспешная конная прогулка на свежем воздухе гораздо предпочтительнее тряски в экипаже.

На самом деле в своём мире и своём времени Зина и правда не занималась волонтерством или чем-то подобным. Как-то не до того было: учёба, работа, бытовые хлопоты. Да и просто не задумывалась как-то раньше над этим вопросом: есть же государство, оно должно

обеспечивать сирот и инвалидов, а взрослые - кто с руками да с головой, чего им помогать-то? Вот пенсионерам тяжело приходится, но у них, как правило, родственники всё же есть какие-то, помогают. В общем, не было раньше в Зининой жизни благотворительности. Да и им с матерью тоже никто особо не помогал - так, разве что, по-соседски.

Но этот мир другой. Здесь нет государства, которое за всех и за всё в ответе. И даже крошечных пенсий тут никто не платит пожилым людям: насколько помнила Зина, пенсии полагались в это время только военным и некоторым госслужащим. Медицина бесплатная отсутствует. И сироты, если у них нет родственников, предоставлены сами себе. И часто благополучие маленьких людей зависит от доброй воли людей больших. Зина впервые задумалась не над тем, как выжить в этом мире, а о том, как сделать его лучше. В этом свете поступок Милены, которая решила курировать детский приют после свадьбы с герцогом, поднимал её в глазах Зины. То, что Милена не эгоистична, а добра и отзывчива - это понятно, она же главная героиня. Но можно просто быть милой и доброй, при этом никому конкретно добра не делая. А Милена оказалась деятельно-доброй. Это подкупало.

"Хорошо, что их романтическая линия с Ланттарским меня больше не касается, - с облегчением подумала Зина, погрузившись в свои мысли. - Самый опасный момент был на свадьбе, но теперь они женаты, и всё позади. Они своё долго и счастливо получили - если только кто-то всё же не попытается убить герцогиню Ланттарскую. Но я позабочусь о том, чтобы этого не случилось. И Жак мне поможет."

Мыслями девушка вернулась к разговору, который состоялся у них с женихом после свадьбы Ланттарских. Зина вспомнила, как, словно ходя по тонкому льду, балансировала на грани между тем, чтобы не вызвать у Жака подозрения, что у неё не все дома и тем, чтобы он не отмахнулся от её слов, как от чего-то незначительного.

Первым делом Зина в подробностях поведала ему свой сон - про его первую супругу. И, если поначалу Жак слушал несколько нехотя - было видно, что тема для него болезненная и он предпочёл бы её лишней раз не задевать - то под конец мужчина был бледен и взволнован. Оказалось, что все детали, которые в красках описала Зина, имели место быть.

- Кто тебе рассказал? - выдохнул бледный Жак. - Кто из слуг?

- Никто. Можешь сам расспросить своих людей, если не веришь мне. - Зина могла бы обидеться на недоверие мужчины, но она была разумной девушкой и понимала, насколько трудно поверить в такое. В итоге, Жаку ничего не оставалось, как поверить - ведь слуги действительно ничего не говорили, а некоторых подробностей не знали даже и они. К тому же, зачем Зине так зло шутить над ним? Словом, Жак тоже был разумным человеком и понял, что сон его невесты - явление необъяснимое и неисследованное, но вполне реальное.

Версия о краже документов заставила Жака задуматься. Зина видела, что сама мысль о том, что Элен не пыталась его убить, уже приносит мужчине облегчение. Но, в то же время, тревожит: ведь если всё было так, как видела Зина, то настоящий враг жив - и может снова что-то устроить.

- Я тогда работал над одним делом, - медленно проговорил Жак. - То есть, дел у меня было много, но по-настоящему ценные документы, хранившиеся в моём столе, могли касаться только одного дела. К сожалению, я его тогда не закончил: слишком долго восстанавливался после травм, да и все собранные доказательства сгорели. Расследование зашло в тупик.

- А подозреваемые? - спросила Зина.

- Подозреваемые остались. Наверное, пора поднять это дело и снова попробовать собрать улики. Спасибо, что рассказала мне. А что касается твоего сна по поводу Милены Ланттарской, то тут мне надо знать точное время события. Тогда я позабочусь о безопасности твоей подруги. Заодно злоумышленника задержим и допросим. Если, конечно, это действительно был вещий сон, а не просто сон.

Зина тогда поблагодарила жениха от всей души, чувствуя, как тот самый тяжкий груз, который она несла столько времени, стал, как минимум, вполовину легче. Ведь она поделила его с близким человеком. Жак поможет, он позаботится о Милене и ни за что не отправит Зину в монастырь. Она не одна, ей больше не надо самой бороться с сюжетом.

- Эжени? - Из размышлений Зину вырвал обеспокоенный голос подруги. - Ты уже минут пять смотришь на реку и глупо улыбаешься. Всё в порядке?

Зина только сейчас заметила, что подвела лошадь к обрыву у реки и остановила, устремив вдаль отсутствующий взгляд.

"Это же надо было так погрузиться в воспоминания!" - поразилась девушка, а вслух сказала:

- Прости, Эми, я задумалась. Поедем дальше.

Глава 40

Как и ожидалось, приют оказался церковным. Буквально в нескольких сотнях метров стояла и сама церквушка, а дальше начиналась деревня. Но приют стоял особняком, на отшибе. Деревенские с приютскими общались мало. Всё это Зина и Эмилия узнали от матушки Грандины, которая в данный момент и руководила непосредственно приютом.

- Мальчики у нас живут отдельно от девочек, - рассказывала матушка. - здание условно поделено попалам. Распорядок дня такой: в шесть утра подъем и утренняя молитва, затем завтрак, уроки, обед, а потом обучение мастерству. Мы же понимаем, что путь божьего служения выберут далеко не все дети, а потому учим их профессиям, которые помогут им устроиться в жизни. В качестве учителей приглашаем мастеров из деревни, да и сами мы кое-что умеем.

- И как, получается у них? - заинтересовалась Эмилия.

- Разумеется. У хорошего учителя и хорошего ученика всегда получается учеба, - отозвалась матушка Грандина.

- Да и вы, наверное, продаете результаты детского труда, чтобы компенсировать затраты на их содержание и обучение? - предположила Эми.

- Да какое там, - отмахнулась матушка Грандина, - раз в месяц деревенские ездят в столицу, продают свои товары, и наши поделки захватывают по доброте душевной. Но покупают их мало. То ли качество не очень, то ли просто уровень у нас не столичный. Если бы не такие отзывчивые люди, как вы, леди, приют бы едва концы с концами сводил.

- А кто еще из леди вам помогает? - Вклинилась с вопросом Зина, почуяв след.

- Есть несколько достойных леди. Например, маркиза де Ширле только на прошлой неделе помогла нам оформить мастерскую для мальчиков. До этого момента нам многого не хватало для полноценного труда и обучения.

Маркиза ди Ширле? Подруга Милены по книге? Теперь понятно, откуда сама Милена узнала о приюте. Ничего удивительного, что, став герцогиней, девушка решила помочь детям.

- Весьма достойная леди, - продолжала говорить матушка, - хоть с виду и кажется грубоватой, но это видимость. Широкой души человек она.

Сама Зина о маркизе была примерно такого же мнения. Та ей нравилась, ибо сочетала в себе черты характера, которые Зина считала достоинствами: честность, прямота, доброта и отзывчивость.

- Можем мы посмотреть условия жизни воспитанников? - спросила Эмилия, явно заинтересовавшаяся проблемами сирот.

- Да, разумеется, - спокойно кивнула матушка Грандина. Видимо, судя по реакции, это довольно частая просьба.

Зина и Эми прошли вслед за женщиной внутрь здания, которое насчитывало три этажа. Первый этаж занимали мастерские и кухня. На втором были детские спальни: на одной половине - для мальчиков, на второй - для девочек. Спали ребята по восемь-десять человек в комнате, как сказала матушка Грандина, собирались в комнатах по возрастам. Старшие со старшими, младшие с младшими. В каждой комнате, помимо кроватей был платяной шкаф и тумба возле каждой кровати. На окнах висели легкие ситцевые занавески. Что поразило Зину, так это то, что спальни мальчиков были такие же чистые, как и спальни девочек. Подсознательно она ожидала увидеть бардак у мальчишек. На её вопрос о чистоте, матушка Грандина приподняла брови:

- У нас с этим строго, - только и сказала она. Зина сразу же представила, что за малейшее пятнышко детей ставили в угол на горюх - и прониклась к ним сочувствием. С другой стороны, поддерживать порядок там, где живёшь - полезный навык, который должен войти в привычку. И вовсе не обязательно, что детей сурово наказывают, возможно, тут просто талантливые педагоги работают.

Не утерпев, Зина всё же уточнила насчёт наказаний.

- Обычные наказания, - пожалала плечами матушка Грандина. - Всё зависит от тяжести проступка. Когда спать отправляют без ужина, когда в чулане на день запирают, когда отправляют на самую чёрную работу. Физические наказания в основном в школе: линейкой по рукам за невыученный урок, на горюх на колени за грубость учителю, порка - лишь в самом крайнем случае. Всё как везде.

Зина поежилась. Да, наказания варварские. А если у ребёнка клаустрофобия, а его в чулане запирают? Ужас. Психологов и органов опеки на них нет. С другой стороны, в чужой монастырь со своим уставом... Такое время, ничего не поделаешь. Вспомнила, как её коллеги по работе баловали своих детей, постоянно придумывая им всё новые и новые развлечения. Неизвестно ещё, что хуже.

Так как день был в самом разгаре, то матушка Грандина отвела Зину и Эми в столовую, где как раз заканчивали обедать дети. Матушка Грандина предложила девушкам самим попробовать пищу, которую дают воспитанникам, и они согласились. На первое был овощной суп с редкими волокнами мяса и сметаной, а на второе - каша из непонятной крупы и пара кусочков рыбы с подливкой. В принципе, всё сытно и вполне съедобно. И даже яблоко в качестве десерта имелось - как пояснила матушка, из их собственного внутреннего сада, ранний сорт. Пока ели, Зина рассматривала приютских ребятишек: мальчики и девочки были одеты в одинаковую форменную одежду серого цвета: у девочек были длинные платья в пол, а мальчиков - брючки и курточки.

- Это школьная форма. Для работы они переоденутся, - произнесла матушка Грандина, заметив Зинин интерес. Мастерские девушки тоже осмотрели, а затем поднялись на третий этаж, где была школа. В общей сложности подруги провели в приюте не менее двух часов. Под конец они вручили матушке Грандине чек, подарки и одежду для детей и пообещали приехать как-нибудь еще.

- Ну, как впечатления? - спросила Эмилия у Зины, когда они уже ехали обратно.

- Немного тягостные, - честно призналась Зина.

- Да, есть чуть-чуть, - согласилась Эми, - но знаешь, это гениально!

- Что именно? - не поняла Зина.

- То, как они всё устроили! - Воодушевлённо воскликнула Эмилия. - Они же сами выращивают специалистов для себя! Приют не нуждается ни в каких дополнительных работниках - дети сами всё делают. Там есть и швеи, и столяры, и плотники. Я закинула матушке удочку по поводу причесок, и она согласилась! Думаю вот теперь, кого из девочек туда заслать...

- Ты хочешь научить сирот делать прически? - уточнила Зина, не вполне понимая воодушевление подруги.

- Ну, конечно! Это же готовые кадры! У меня только на этой неделе две девчонки вышли замуж и уехали, а сотрудницы нужны всегда! А тут готовые сотрудницы на вырост! Да и сами девчонки потом смогут устроиться теми же горничными, например, если ко мне не попадут. И потом, пока они вырастут, я, может, еще несколько салонов открою!

Зина наконец поняла, что пыталась донести до неё подруга. А ещё Зина прекрасно поняла, что, хоть та и пытается сделать вид, будто волнует её исключительно собственная выгода, на самом деле, Эми просто тронула судьба сирот. И та решила принять участие таким вот образом - помочь тем, чем способна. Конечно, где еще девочек-сирот научат делать прически, как у благородных леди? С такими навыками девушка не только горничной сможет устроиться в богатый дом, но и няней. Но ответить Зина ничего не успела, так как путь им преградили трое всадников. Они неожиданно вынырнули из леса и перекрыли дорогу. Зина и Эмилия остановились, настороженно глядя на мужчин.

- Будь готова скакать обратно, - едва слышно шепнула Эмилия и Зина согласно угукнула. Не нравилось ей происходящее. Да, всадников трое, как и их, но они мужчины, а у них из мужчин только Блез. В этот момент позади послышалось конское ржание и цокот копыт. Девушки резко обернулись - и увидели еще троих всадников, перекрывших им обратный путь.

- Что всё это значит? - громко спросила Эмилия властным голосом, каким обычно общалась с подчинёнными.

- Вы же умная леди, догадайтесь, - ухмыльнулся один из тех, что были впереди - мужчина средних лет, чьё лицо было щербатым, как будто он перенёс оспу, но очень давно.

- Вы собираетесь нас ограбить? - предположила Эми.

- Не угадали! - осклабился щербатый, кивая кому-то за спинами девушек. Те обернулись как раз в тот момент, когда Блез коротко вскрикнул и сполз с коня на землю.

- Блез! - В волнении воскликнула Зина и перевела взгляд на говорившего. - Что вы с ним сделали? Что вам надо? Вы хоть знаете, на кого вы напали? Вам это с рук не сойдёт!

- Мы прекрасно осведомлены о ваших личностях, леди. Вам придётся проехать с нами, и погостить у нас какое-то время. И советую сделать это добровольно, если не хотите повторить судьбу вашего слуги. Он жив, но оглушён. Прошу, леди.

И он галантным жестом указал на тропинку, ведущую куда-то в чащу леса. Зина и Эмилия переглянулись, в глазах обеих девушек горела решимость.

- Н-но! - выкрикнула Зина, резко разворачивая лошадь и направляя её через кусты. Краем глаза Зина увидела, как Эми повторила её маневр, но коня погнала в другую сторону.

"Это правильно, - мелькнула у Зины мысль, - лучше разделиться, так больше шансов, что хоть одна спасётся и приведёт помощь."

Разумеется, с её навыками верховой езды, Зину быстро догнали. Один из той троицы бандитов, что помчались за ней, остановил её лошадь и перехватил у Зины поводья.

- Надеюсь, больше эксцессов не будет. Не хотелось бы вас связывать и перекидывать через седло, - буркнул он, ведя Зинину кобылу за собой. Зина рассудила, что в данной ситуации сопротивляться действительно бесполезно: во-первых, численное и силовое преимущество на стороне противника, а во-вторых, если они исполнят свою угрозу и свяжут её, освободиться будет намного труднее. Сейчас же остаётся только ждать подходящего момента и надеяться, что Эмилии повезёт больше - и она сможет привести подмогу.

В итоге Зину доставили в лесную хижину - девушка предположила, что тут жил либо лесник, либо охотник, но где сам хозяин сейчас - неизвестно. Её отвели в тесную комнату с грубо сколоченной деревянной кроватью и ночным горшком - больше из обстановки в комнате не было ничего. Постельное бельё на кровати тоже отсутствовало, а засаленный матрас не располагал к тому, чтобы

прилечь. Но Зина всё же присела на краешек кровати, выбрав местечко почище и принялась ждать, прислушиваясь к голосам снаружи. Слышимость была отличная - оно и понятно, какая у такой хибарки может быть звукоизоляция? Больше всего волновал девушку вопрос: удалось ли Эмилии сбежать? Чем больше времени проходило, тем больше крепла надежда Зины. Но - увы! - примерно через час после того, как Зину заперли в комнате, послышался стук копыт, а затем и голоса прибывших всадников, среди которых выделялся звонкий голос её подруги. Эмилию втолкнули в комнату к Зине и дверь снова заперли.

- Чёрт! - выругалась Эми, пнув ножку кровати. - Я почти оторвалась от них, но эта хромая кляча подвернула ногу! Вот что значит, брать лошадей напрокат! Теперь я еще и денег за неё должна!

- Кажется, у нас сейчас посерьёзнее проблемы, - резонно заметила Зина, обводя взглядом комнату, как бы с намёком.

- Да, ты права, - устало вздохнула Эми, опускаясь на кровать с другой стороны. Зина отметила, что девушка автоматически тоже выбрала наиболее чистый участок матраса.

Глава 41

Жак сидел в своём кабинете в городском доме и уже который час изучал дела предполагаемых заговорщиков. Тогда, три года назад, заговор так и не состоялся - правда и пойман не был никто. Среди подозреваемых были герцог Семантский, маркиз де Буржен, младший сын герцога Льенского и некто граф Долинский, чей титул был вымышленным. Как удалось выяснить Жаку, человек, скрывавшийся за этим титулом - внебрачный сын герцога Таргионского, у которого официально есть только дочь. Что нужно каждому из заговорщиков, было понятно: маркиз и псевдограф мечтали получить герцогский титул, а герцог Семантский метил ни много ни мало в короли.

Оно и понятно, Семантские - побочная королевская ветвь. Жак уже разослал верных людей следить за всеми подозреваемыми, и недавно ему сообщили, что все четверо собирались в доме у маркиза де Буржена. К сожалению, подслушать беседу не удалось.

Похоже, Эжениа была права, предположив, что целью тогда были документы. Ведь именно благодаря взрыву и уничтоженным уликам никого так и не задержали. Всё же аристократа нельзя просто так бросить в темницу без веских на то оснований. Мысли Жака свернули к его будущей жене - хоть Эжениа и не дала окончательного ответа, но Жак думал о ней именно как о будущей супруге. Чем лучше он её узнавал, тем больше осознавал, насколько ему повезло. Нахмурившись, Жак вспомнил неприятный разговор с Ланттарским, состоявшийся на их с Эженией помолвке. Сама Эжениа в это время общалась с гостями, а Оделл подошёл к Ванреллу якобы для того, чтобы поздравить. Вот только сказанные им слова были далеки от этого намерения:

- Ни и каково тебе, Ванрелл, подбирать объедки с чужого стола?

Жак тогда еле сдержался, чтобы не двинуть по ухмыляющейся физиономии. И то - сдержался только потому, что не хотел портить их с Эженией праздник. Вместо этого он сдержанно ответил:

- Не понимаю, о чём ты. Я просто обнаружил чистойшей воды бриллиант, который ты не сумел разглядеть и оценить, предпочтя ему обычный изумруд.

Герцог Ланттарский на это сузил глаза и процедил:

- Всегда больше любил изумруды.

- О вкусах не спорят, - пожал плечами Монтеберский, поворачиваясь спиной к оппоненту и давая таким образом понять, что разговор окончен. - Каждый в итоге получил, что хотел.

На этом обмен любезностями закончился. Больше Оделл не подходил к нему, и увиделись они в следующий раз только на свадьбе Ланттарского с графиней Траутской. Жак отметил, что новоиспеченные супруги смотрят друг на друга влюбленными глазами и порадовался, что Ланттарский больше не претендует на Эжению. Правда, узнав тогда её краткий рассказ о том, как "подруги" заперли её с Оделлом в одной комнате, Жак сначала ощутил жгучую ревность, а потом, когда до него дошла вся серьёзность ситуации, то запоздлый страх. Ведь если бы Эжению с Кастлером застали в компрометирующей ситуации, то под угрозой были бы два будущих брака - самого Кастлера с Миленой и Жака с Эженией.

Впрочем, тут же решил Жак, он бы всё равно не отпустил Эжению. Что ему мнение общества, уже записавшего его самого в

женоубийцы? Король был бы недоволен, конечно, но заслуги Жака перед короной так велики, что даже мнение монарха для него в вопросе личной жизни - не указ.

Размышления Жака прервал стук в дверь. Мажордом доложил, что прибыл граф Даниятский.

"Странно, - подумал Жак, - я его сегодня не вызывал. Обычно мы встречаемся на нейтральной территории. Раз пришёл, значит, что-то важное."

Не обращая внимания на поселившуюся в груди тревогу, Ванрелл попросил проводить гостя к нему в кабинет, сочтя, что для конфиденциального разговора тот подходит лучше гостиной.

Блондин, едва мажордом скрылся за дверью, в три широких шага оказался у стола, за которым сидел Ванрелл, и молча кинул ему записку.

Жак поймал бумагу и начал читать. По мере чтения его лицо становилось всё более хмурым. Наконец, он оторвался от записки, и перевёл взгляд на посетителя.

- Откуда это у тебя?

- Доставили полчаса назад.

- Тебе?

- Мне.

- Хм, а записка адресована мне. Значит, они в курсе, что мы вместе работаем. Где мы прокололись?

- И это всё, что тебя волнует?! - взвился Леопольд. Жак удивлённо на него посмотрел. Это первый раз на его памяти, чтобы граф вышел из себя.

- У тебя невесту похитили! А ты? - продолжал блондин, размахивая руками, как ветряная мельница.

- Как ты правильно заметил, невесту похитили у меня, ты-то чего бесишься? - резонно заметил герцог, рассчитывая, что его спокойный тон поможет успокоить друга.

- Вообще-то, мы с Эженией дружим, и она мне тоже не безразлична. Но главное - с ней была Эмилия! - под конец снова сорвался на крик Лео, падая в кресло и в совершеннейшем отчаянии запуская руки в свою до недавнего времени аккуратную причёску.

- Послушай, Лео, тебе нужно успокоиться, - Жак, осознав, что происходит, встал и, обойдя стол, приблизился к своему более

молодому сотруднику. - Только так мы сможем придумать, как вызволить наших женщин. Паника нам сейчас не помощник. Только трезвый ум и холодный расчет. Они ждут, что мы явимся к ним и угодим в ловушку. Девушки им не нужны, в отличие от нас - так что никто их не тронет. Наша задача сейчас - продумать свои действия так, чтобы спасти девушек, но при этом самим не попасться. А по возможности еще и накрыть всех организаторов.

По мере того, как Жак говорил, взгляд Лео прояснялся. Наконец он шумно выдохнул и поднялся.

- Прости, не знаю, что на меня нашло, - сказал граф, - как увидел записку, так перед глазами всё потемнело.

- Ты просто еще молод и не так давно работаешь в нашей сфере. Со временем привыкнешь сохранять хладнокровие в любой ситуации.

Жак говорил всё это, стараясь выглядеть убедительно, но при этом чувствовал, как где-то в животе словно завязался тугой узел, и стоит ему лишь слегка ослабить его, как паника вырвется наружу. Но Жак сознательно подавлял её, сдерживая усилием воли. Он не потеряет Эжению. Нет.

Зина и Эмилия обговорив всё, решили, что пытаться бежать до наступления темноты - бессмысленно. Хижина хорошо охранялась, и при свете дня их тут же заметят и поймают. На лошадях через лес им не ускакать - особенно Зине, с её не слишком хорошими навыками верховой езды. Значит, бежать надо ночью - благо, до неё недолго осталось. Учитывая, что из приюта они выехали после обеда, да если прибавить то время, пока за ними бандиты гонялись, пока поймали, пока доставили - время неуклонно близилось к вечеру. Да и солнце, чьи лучи светили прямо в маленькое окошко комнаты, уже явственно клонилось к горизонту. Окно, хоть было довольно маленьким, всё же оказалось достаточно широким для того, чтобы сквозь него могла пролезть девушка. Ну или ребёнок. Так что бандиты либо судили по себе, а потому решили, что через окно девушкам не выбраться, либо в принципе не рассматривали такую возможность. Конечно, оставался еще шанс, что эту лазейку им оставили специально, но для чего? Чтобы подкараулить, снова поймать, и?.. Самоутвердиться таким образом, что ли? Бессмыслица какая-то. Значит, оставалось надежда то, что это - недосмотр пленителей.

До темноты девушки решили поспать: кто знает, что их ждёт потом и когда придётся в следующий раз отдохнуть? Да и вымотались они здорово - не столько физически, хотя и это тоже, сколько морально.

Опасаясь бандитов, спать решили по очереди. Зина не предполагала, что сможет спать после такого нервного напряжения, но в итоге она уснула сразу, как голова коснулась подушки. За пару часов до заката её разбудила Эмилия. Девушки, не желая спать на грязном матрасе, застелили его своими накидками. И теперь на эту постель легла Эми, а Зина осталась сторожить сон подруги и прислушиваться к разговорам охранников. К сожалению, ничего важного те не обсуждали. Болтали о том, какое пиво лучше, сколько денег кто получил за последнее задание и сколько заплатят сейчас. На последних словах Зина напрягла слух, полагая, что сейчас что-то узнает о нанимателе. Но нет, бандиты ограничились обсуждением вознаграждения. Зина не знала, чувствовать себя польщенной или оскорблённой, из-за того, что за её похищение заплатили сумму, равную месячному доходу салона Эмилии. Причем, заплатили именно за неё, Зину, а Эми просто под руку попала. Девушка с гадливым ужасом слушала рассуждения преступников о том, заплатят ли им хоть сколько-то за вторую девушку, или, может, оставят её им для развлечения.

Полученная информация заставила девушку начать размышлять над тем, кто и почему мог захотеть её похитить. Самый первый вариант, пришедший в голову - выкуп. Она - невеста герцога Монтеберского, у которого денег немеряно, об этом все в свете шепчутся. Если их похитили ради выкупа, то похитителю несказанно повезло вместо одной девушки похитить двух: ведь Эмилия была весьма богатой молодой особой, пусть и не имела титула. Но за титул денег не дают, так что для похитителя это едва ли имеет значение.

С другой стороны, Зина не могла отбросить тот факт, что нападение произошло возле того самого злополучного приюта. Что это? Совпадение? Или просто слишком удобное место для нападения, вот его и выбирают разные сомнительные личности? Зине пришла в голову еще одна мысль: матушка говорила, что приюту помогают разные богатые леди. Что, если бандиты специально "пасутся" возле

приюта, вычисляя состоятельных девушек, и нападают на них? Тогда нападение на Милену приобретает совсем иной смысл. Возможно, её просто хотели ограбить, но преступник не справился с лошадью?.. Или тоже собирался её похитить, но, когда она попала под копыта, испугался и поспешил скрыться?

По идее, любой из этих вариантов был возможен. Как было возможно и то, что ни один не лежал даже близко к истине.

- Куда мы идём? - задал вопрос Лео, ступая за Жаком по скрипучей деревянной лестнице. По его прикидкам, они уже забрались под самую крышу столичного дома герцога.

- В птичник, - коротко ответил Ванрелл, - надо отправить сообщение капитану Рожеру.

- Ясно, - кивнул Даниятский, - отправить курьера - не вариант. За домом наверняка следят.

- Именно, - подтвердил Жак, и на этом разговор прекратился. Пройдя оставшиеся несколько ступенек, мужчины ступили на деревянный настил чердачного помещения. В дальнем углу, метрах в трёх от открытого окна, на жердочке спал сокол.

- Не боишься, что улетит? - спросил Леопольд друга и начальника.

- Присмотрись, - коротко ответил тот.

Лео взгляделся, заметив тонкую цепочку от ноги сокола к месту его ночёвки. Цепочка была достаточно длинной, чтобы птица могла летать по помещению, но при этом не позволяла той улететь насовсем.

- А как же ты его отпускаешь с поручениями? - снова спросил Лео. Ему было любопытно, так как до этого он имел дело только с голубями. "Птичник" же Жака состоял только из одного сокола. - Вдруг улетит и не вернётся?

- Не улетит. Я его соколёнком нашёл, воспитал, обучил. Он не знает другой жизни. Выпускаю его полетать, когда нет поручений. Он знает, что если на ноге цепочка, то он может понадобится в любой момент. Может порвать и улететь, но не улетает. Ответственный. - Говоря это, герцог посадил птицу на свою руку и гладил его указательным пальцем по росту перьев, а потом стал слегка почёсывать соколу шею. Тот явно получал удовольствие от ласки и был рад видеть хозяина.

- Сокол ответственный? Ты ничего не путаешь? - Насмешливо спросил Лео.

- Не путаю. Ветер действительно такой.

- Ветер?

- Так его зовут, - с улыбкой пояснил Жак, причем улыбка адресовалась не графу, а соколу.

- Ну что, дружок, полетаем? - Спросил он птицу. Та встрепенулась, и Жак поспешил уточнить. - Нет, не прогулка, по делу. Вот это письмо отнесёшь капитану Рожеру. Казармы.

Сокол, наклонив голову, внимательно смотрел на герцога одним глазом. Создавалось впечатление, что слушал и запоминал. Жак обернул послание вокруг лапки и как следует его привязал. Лео только сейчас обратил внимание, что цвет бумаги, на которой была написана записка - точь в точь, как цвет лапки сокола, немного желтоватая. Издали заметить, что сокол несёт послание, будет нереально. Да и вблизи можно было заметить, только если точно знаешь, что оно есть.

Сняв цепочку со второй лапки птицы, Жак поднёс сокола к окну.

- Не забудь. Казармы. Капитан Рожер. Лети!

Последнее слово мужчина сказал громче, стряхивая сокола со своей руки. Тот взвился в небо, сделал круг над домом и устремился в направлении центра города.

- Превосходно! - Прокомментировал Лео. - Тоже хочу такую зверушку.

На это Жак только усмехнулся.

- А теперь надо нанести визит нашим знакомым. Они так этого ждут.

Лео сразу посерьёзней.

- К герцогу?

- Сначала в оружейную. Ты ведь, наверняка, из дома выбежал только с тем оружием, которое всегда при тебе?

Леопольд покаянно опустил голову. Такое в его практике было впервые, но раньше никто и не воровал его любимых девушек. У него их раньше и не было. А Эми... Резкая, решительная, видящая его насквозь... Соблазнительная и недостижимая. Он думал, таких, как она, просто нет. А встретив - пропал. И сейчас, стоило ему подумать, что его возлюбленной угрожает опасность, как все рациональные мысли исчезали, а глаза застилало красной пеленой. Но Жак прав - надо взять

себя в руки. Только с холодной головой он сможет помочь Эмилии и сам остаться в живых.

Глава 42

- Эй, Эд! Ты слышал? - Громким шепотом спросил один из двух выставленных у охотничьего домика часовых.

- Что именно? - таким же шепотом переспросил Эд.

- Шорох как будто...

- Неа, не слышал.

- Проверить, может?

- Да брось, Дон. Это же лес, тут вечно всякие шорохи. Зверушки ночную жизнь ведут. Небось ежик какой мимо прошуршал.

- А вдруг? Давай обход сделаем?

- Ой, и что тебе нейдет? Ну, давай, размяться-то не помешало бы.

И они поднялись с бревна, на котором сидели, и двинулись в обход.

Прекрасно слыша их голоса и переговоры, две девушки затаились за кустом и замерли, надеясь, что ничем, кроме шороха, себя не выдали. А вы попробуйте вылезти через узкое окно в амазонке и без какого-либо шороха. И это хорошо еще, что девушки ехали верхом, а не в карете - и оделись соответственно, потому как в платье проделать такой номер было бы еще сложнее.

Эд и Дон обошли вокруг домика и, не заметив ничего подозрительного, вернулись к своему бревну.

- Может, в карты партейку? - Спросил Дон.

- Ты что? На посту? - Видимо, Эд относился к своей задаче более ответственно.

- И что? Если услышим что-то,отреагируем. А так, чего просто так сидеть-то?

- Твоя правда... А хватит ли света от костра? Луна, гляди. спряталась.

- Хватит, ты полешко-то еще подбрось...

Луна и в самом деле скрылась за облаками, а потому беглянкам приходилось брести почти наугад, аккуратно переставляя ноги, чтобы

не запнуться и не улететь в какую-нибудь канаву. Бежать девушки не рискнули бы даже и при луне, а так вообще шли очень медленно, стараясь при этом особо не шуметь. Разговаривать рискнули лишь через полчаса. когда отошли на достаточное расстояние от домика, где их держали.

- Может, зря мы это затеяли? - Спросила Эмилия, запнувшись в очередной раз о корягу и едва успев схватиться за тонкий ствол молодого деревца, чтобы не упасть. - Нашли бы нас и спасли. Или выкуп бы заплатили. А так идём по лесу неизвестно куда. Даже не по тропинке. Заплутаем - и вообще никто никогда не найдёт.

- Ага... А где гарантия, что нас не убили бы? Или чего другое не сделали бы? Да, до сих пор похитители вели себя почтительно по отношению к нам, но, думается мне, что это лишь до того, пока не получат конкретный приказ от своего нанимателя. Мы же не знаем, кто и с какой целью организовал похищение. - Возразила Зина, хотя кое-какие догадки на этот счёт у неё были. - Да ты не волнуйся, город же совсем близко, тут где-то дорога в часе езды проходит, по которой мы ехали. Выберемся. Диких зверей опасаться не стоит по той же причине - город рядом. Только бы до утра наш побег не обнаружили и погоню не выслали.

Посоветовавшись перед побегом, девушки решили не брать лошадей - с ними больше шуму было бы. Вдвоем легче сбежать незаметно. Ещё и лошадь Эмилии пристрелили бандиты, когда та подвернула или сломала ногу - Эми не поняла, слишком занята была, отбиваясь от похитителей. А брать чужую лошадь, не привыкшую к девушке - значит, точно поднять лишний шум. Да и пробираться по ночному лесу на лошадях - не лучшая затея. Словом, пешком было хоть и дольше, но надежнее.

- Ты хоть как-то здесь ориентируешься? - спустя пару часов блуждания по лесу заинтересовалась Эмилия, остановившись, чтобы немного отдышаться.

- А должна? - Не поняла Зина.

- Ну, так а кто тут коренной житель? - Возмутилась Эми. - Я, вообще-то, подданная другого государства, и в вашей стране не так давно нахожусь, чтобы знать тут все окрестные леса. А ты вроде как росла тут.

Зина прикусила губу. "Знала бы ты, что я тут ненамного дольше тебя нахожусь" - подумала она, а вслух сказала:

- Так я в городе жила, а не в лесу. С чего бы мне здесь ориентироваться? Тем более, я дальше своей руки ничего не вижу.

- Да ладно! Я вижу ветки ели, что в ста метрах от нас.

- Эми, это просто такое выражение, - закатила глаза Зина. - Будь немного посветлее, то по прогалине между деревьями можно было бы определить, в какой стороне дорога, ну или река. Как начнет светать, так и поступим. А пока что остаётся идти, придерживаясь одной траектории, и надеяться, что к утру мы не выйдем обратно к тому охотничьему домику, где нас держали.

Девушки синхронно вздохнули и продолжили свой путь.

- О, какой сюрприз! - Протянул немолодой уже, но ухоженный мужчина, в котором без труда можно было узнать хозяина замка, герцога Семантского. - Герцог Монтеберский, граф. Какими судьбами?

- Давид, тебе отлично известно, зачем мы здесь, - спокойно отозвался Жак.

- Вот весь ты в этом, Ванрелл. Что тебе стоило подыграть? - Проворчал мужчина. В руке его появился револьвер - да так быстро, что казалось, будто он его из рукава достал, как заезжий фокусник. - Ну, раз вы в курсе, и у нас друг от друга никаких секретов нет, то прошу вас, воспользуйтесь моим гостеприимством. Мои друзья проводят вас в приготовленные для вас... покои.

На этих словах двое молодых людей, в которых Жак опознал лже-графа Долинского и маркиза де Буржена, шагнули к ним с Лео, и тоже направили на них револьверы. Жак поднял руки, демонстрируя, что безоружен, и его примеру последовал граф, хотя Жаку было отчетливо слышно, как при этом скрипнули зубы его спутника. Да, унижительно, но что поделаешь? Надо следовать плану, иначе ничего не получится. Оглядевшись, Жак с удивлением узнал в четвертом присутствующем в кабинете мужчине одного из сыновей графа Синопского. Не наследника, а третьего или четвертого сына - этого Жак точно не помнил. Тот лишь безразлично наблюдал за происходящим, оружие не доставал, но и вмешиваться не пытался.

"Любопытно, у него-то что за интерес? - задумался Жак. - Не надеется же он на графский титул? Собирается убить старших

братьев? Или Давид пообещал ему титул за заслуги, когда взойдет на трон?"

Почувствовав тычок в спину, Жак отбросил все посторонние мысли и сосредоточился на происходящем здесь и сейчас. Его и Лео подталкивали в сторону потайного хода, что был скрыт за книжным шкафом. Из прохода пахло сыростью и гнилью. "Вряд ли этот проход ведёт в покои, - мысленно хмыкнул Жак, - скорее уж в темницу". Впрочем, для их плана это роли особой не играло. Прежде чем ступить в темный проём, Жак обернулся к хозяину кабинета:

- Вы отпустите девушек? Мы выполнили ваше условие, пришли одни и безоружные.

- Как настоящие идиоты, - закончил за него Семантский, ухмыляясь. - Разумеется, мы отпустим леди. Возможно. Когда-нибудь. Знаете, эти заговоры обходятся так дорого. Еще и этой шайке теперь платить за похищение... Как думаете, может, в качестве платы я отдам им ваших невест?

На этих словах Лео не выдержал, рванулся к Семантскому, в результате чего получил рукояткой револьвера по голове и обмяк. Это был довольно опасный маневр, так как вместо удара по голове, графу вполне могла прилететь пуля в то же самое место. Жак лишь головой покачал, глядя на лежащего друга - эх, молодость, да горячность!

- Что стоите? - прошипел недовольно Семантский. - Взяли этого придурка под руки и потащили. Закройте их в камере, а я, как будет время, зайду к ним, пообщаюсь.

На этих словах герцог неприятно усмехнулся, давай понять, что приятной такая беседа для его собеседников будет едва ли. Молодые люди подхватили графа Даниятского под руки, при этом де Буржен одной рукой придерживал его, а другой наставил револьвер на Жака и подталкивал его дулом к проходу. Подчинившись, Жак немного пригнулся, и шагнул в проём. Сразу же за проёмом обнаружилась лестница, ведущая вниз. Жак даже не удивился этому: в самом деле, где еще размещать темницу, как не в подвалах замка? За его спиной двое сообщников Семантского тащили бесчувственное тело графа - не особо бережно, надо сказать.

Лестница то шла прямо, то делала резкий поворот, Жак послушно следовал командам, поворачивая там, где ему говорили. Так они всей

компанией и спустились в подвал. Стало понятно, откуда этот запах сырости и гнили: кажется, этим подвалом как тюрьмой пользовались многие поколения Семантских, при этом не утруждая себя уборкой. В каменном помещении было довольно влажно и холодно - но не настолько холодно, чтобы не появилась плесень и не разлагались какие-то органические остатки. Жак брезгливо поморщился. Заговорщики подтащили Леопольда к одной из камер и бросили прямо на грязный пол.

- Надо их обыскать, - произнес бастард герцога Таргионского, отдуваясь. Видимо, Лео, хоть и выглядел гибким и стройным, оказался достаточно тяжелым.

- Давай начнём с этого, тот всё равно в отключке, - предложил де Буржен.

- Ладони на стену, ноги пошире, - скомандовали Жаку и тот выполнил требование. В итоге лже-граф держал Жака на прицеле, а де Буржен обыскивал. Что они совершенно выпустили из виду - так это лежащего на полу в открытой камере Даниятского. Обыскивать герцога маркиз начал снизу, и сразу же обнаружил спрятанный в сапоге нож, а чуть погодя - еще один, привязанный чуть выше колена.

- Это называется "безоружные"? - хмыкнул де Буржен, демонстрируя находки подельнику. Тот тоже хмыкнул, на миг отвлекаясь от пленника. Этого мига хватило Даниятскому, чтобы оглушить сидящего на корточках де Буржена, а Жаку - чтобы выхватить из-за пазухи револьвер и приложить им по голове бастарда Таргионского точно так же, как недавно тот проделал это с Лео.

- Ты как? - спросил Жак, с беспокойством глядя на своего более молодого товарища.

- Жить буду, - криво усмехнулся Леопольд, осторожно трогая шишку на голове. - Он меня чуть реально не вырубил, этот кабан. Хорошо хоть я начал падать за секунду до того, как он меня стукнул.

- Зря вообще ты полез, - покачал головой Жак, обыскивая незадачливых тюремщиков. - Семантский тебя мог и пристрелить на нервах. Ты ему не особо нужен, у него вопросы ко мне.

- Ну не пристрелил же, - беспечно отмахнулся граф. - Что интересного в карманах у наших заговорщиков?

Жак достал связку ключей - явно от расположенных тут камер, два револьвера, два ножа, и какую-то карту.

- Больше ничего интересного.
- Давай тогда их в камеру и вернёмся к тем двоим. Ты, кстати, четвертого узнал?
- Узнал. Один из младших сыновей графа Синопского.
- Синопский... Что-то знакомое. Это часом, не тот тип, за которым наша Эжени была замужем?
- Да, это его сын. Один из.
- Хм, интересно, почему он с ними?
- Вот сейчас и выясним. Только давай сперва посмотрим, что за карта. Посвети-ка сюда.

Жак развернул карту и расположил её прямо на полу, так как столов поблизости не было - только широкий каменный коридор, да камеры с одной его стороны, в которых кроме кроватей больше ничего не было - если, конечно, грубые, выточенные из камня лежа, можно так назвать. Лео в это время подошёл к стене, снял один факел и поднёс поближе к карте, стараясь держать его так, чтобы их тени не падали на бумагу.

Некоторое время мужчины разглядывали карту, пытаясь разобраться в хитросплетениях ходов и обозначений, после чего Лео неуверенным голосом произнёс:

- Мне кажется, это карта замка.
- Не совсем, друг мой, не совсем, - возразил Жак. - Это карта тайных ходов замка. Вот, гляди, темница здесь, на нижнем уровне. На следующем уровне мы можем выйти к кухне, а вот здесь - подземный туннель за пределы замка. На втором этаже - несколько тайных проходов в чьи-то покои. Не удивлюсь, если одни из них принадлежат самому герцогу Семантскому. А дальше смотри - тот самый ход из кабинета, по которому мы шли.
- Думаешь, они всё еще там?
- Не знаю, но думаю, вполне могут быть. Мы тут не так уж много времени находимся.

Взяв с собой карту и вернув факел на место, Жак и Лео стали подниматься по лестнице, держа револьверы наготове и оставляя за спинами двух бессознательных заговорщиков в запертой камере.

Глава 43

Семантский был по-прежнему в кабинете, сидел за столом и что-то писал. А вот четвертый заговорщик исчез - вполне возможно, он оставался где-то в замке, но в кабинете его не было. Герцог даже не повернул головы на звук отодвигающегося шкафа: очевидно, не ждал, что этим тайным ходом воспользуется кто-то, кроме его подельников. А потому весьма удивился, когда к его голове был приставлен револьвер.

- Ну вот, а теперь мы побеседуем, Давид, как ты и хотел, - удовлетворенно проговорил Жак, усаживаясь в кресло напротив. Лео хмыкнул и бросил товарищу, что поищет пока исчезнувшего заговорщика, после чего вышел из кабинета.

Семантский смотрел на Монтеберского хмуро, стиснув зубы, и явно не собираясь ничего говорить. Однако через пару минут "гляделок" герцог разлепил губы и сухо произнёс:

- Где мои люди?

- Ты про тех двух придурков, которые нас провожали? Они решили, что очень утомились, и сами прилегли в приготовленных для нас покоях, ну а мы не стали возражать.

- Они живы?

- К несчастью для тебя, да. И наверняка скоро расколуются и сдадут тебя с потрохами. В королевских казематах отличные пыточные. После этого тебя ждёт эшафот. Но...

- Но? - Невыразительно подхватил Семантский.

- Но у тебя есть шанс смягчить свою участь. Конечно, свободы я тебе пообещать не могу, но заменить казнь на пожизненное заключение...

Семантский расхохотался. Смеялся он долго, аж до слёз, выступивших во внешних уголках глаз. Отсмеявшись, мужчина произнёс:

- Ты в самом деле думаешь, что меня это устроит? Я знал, на что иду. Я всем рискнул ради власти и для меня либо всё, либо ничего.

С этими словами Семантский вытащил револьвер. Жак тут же вскочил, держа его на прицеле, но тот, вместо того, чтобы наставить револьвер на противника, приставил его к своему виску.

- Стой на месте или я выстрелю. И тогда своих девок ты никогда не найдёшь! - скомандовал Давид Жаку.

- Хорошо, хорошо! Не делай глупостей. - Жак постарался успокоить герцога, понимая, что шансов у него мало.

- Знаешь, я пожалуй всё же пущу себе пулю в висок, - задумчиво проговорил Семантский. - Надоело мне с тобой болтать, а пуля куда лучше веревки или гильотины - смотря на что расщедрится мой венценосный кузен. Зато осознание того, что я смог напоследок отомстить тебе, будет греть мою душу...

- Адский огонь будет греть твою душу!.. - Не вытерпел Жак. - Скажи мне, где она! Сейчас же!

- А ты мне что? - Ухмыльнулся Семантский, не отводя оружия от своего виска. - Пожизненное заключение? Невыгодная сделка, знаешь ли. Но ты можешь меня случайно упустить... Скажешь, что я сопротивлялся и мне удалось бежать. Зато нужные сведения о местонахождении девушек ты у меня успел вызнать...

В этот момент за дверью послышался топот множества ног, Семантский на секунду отвлёкся, а Жак прыгнул вперёд, перехватывая его руку с револьвером и отводя её в сторону. Раздался выстрел и брызнула осколками ваза, стоявшая на полке. В кабинет ворвались гвардейцы во главе с капитаном Рожером. Они помогли Жаку скрутить бешено сопротивляющегося герцога, а Леопольд, примчавшийся с ними, вызвался показать капитану, где находится темница.

Жак заметил, что гвардейцы уже вели одного пленника - им был младший сын графа Синопского. Леопольд же, открывая тайный проход за шкафом, ухмыльнувшись, бросил Жаку:

- Так и знал, что нельзя тебя одного надолго оставлять. Так что я покажу ребятам дорогу и вернусь. Соскучиться не успеешь.

Жак на это только закатил глаза, и устало потёр виски. Ему предстоял допрос - даже не так, не допрос, а несколько допросов. Надо срочно узнать, где похищенные девушки. Вот только отдохнёт пару минут, и спустится вниз.

Всю ночь шли поиски девушек. Плененные заговорщики молчали, и Жак подозревал, что без помощи палача и пыточных инструментов разговорить их не получится. Королю он уже отписал и ждал, когда тот пришлёт нужного специалиста. В это время гвардейцы занимались поисками. Жаку удалось выяснить у прислуги Эжении, что та поехала в детский приют. Приют поблизости был только один и дорога к нему

вела одна, так что с областью поисков определились быстро. Допросили матушку, что руководила приютом. Та подтвердила информацию о том, что леди были, но вскоре после обеда отправились в обратный путь.

Расширив область поиска, гвардейцы наткнулись на убитую лошадь, установив, что это одна из тех лошадей, которые девушки взяли в аренду. Жак и Лео при этом известии побледнели, но информация о том, что рядом не оказалось тел самих леди, да и трупа второй лошади - внушала надежду. Гвардейцы предположили, что лошадь пристрелили из-за сломанной ноги - та неудачно попала в кроличью нору. Теперь гвардейцы прочесывали лес, а Жак уснул прямо за рабочим столом Семантского, просматривая его бумаги. Мужчина сумел обнаружить массу доказательств сговора герцога с некоторыми влиятельными семьями Конкордии с целью свержения и убийства короля Георга, но вот о похищении своей невесты не нашёл ни слова.

Под утро явился гвардеец с докладом.

- Милорд! В лесу найдена стоянка разбойников. Вторая лошадь из арендованных у них. При допросе бандиты признались, что были наняты для похищения леди, но женщин в доме не оказалось. Разбойники клянутся, что не знают, куда те делись, предполагают, что сумели сбежать.

Жак издал короткий смешок: кто бы сомневался! Он ничуть не удивился, что его невеста не стала ждать, пока её спасут и сама попыталась решить проблему. Вот только, где их теперь искать? Судя по всему, ушли они ночью и, если бы шли в нужном направлении, давно бы уже были дома. А так как их нет, и гвардейцы на них не наткнулись, то, очевидно, они всю ночь шли не туда. Отдав приказ продолжать поиски, Жак поднялся, разминая затёкшую спину и ноги, и отправился в темницу, где на допросах его подменил Лео.

Спустившись в подземелье, он обнаружил избитых пленников и друга со сбитыми костяшками пальцев и зверским выражением лица.

"Зря я поручил ему допрос, - мелькнула у Жака мысль, - он в таком состоянии, что его от пленников надо держать подальше".

Увидев друга, Леопольд провёл тыльной стороной ладони по лицу, словно стирая с него озверевшее выражение, и уже нормальным взглядом окинул себя, державшего за ворот де Буржена, то, как тот

трясётся и прикрывает руками разбитое лицо, после чего повернулся к Жаку.

- Я узнал нужную информацию, - только и сказал он.

- Поздравляю, - сухо ответил Жак, - но в ней уже нет необходимости. Наемников нашли, но наши девушки не стали ждать, пока их спасут - и сбежали. Теперь они где-то бродят по лесу, и дай-то Бог мы найдём их раньше, чем они выйдут к Варнавской границе. Если ты со мной, то умойся и выходи, буду ждать тебя около конюшни.

Мужчины собрались быстро, и, позаимствовав из конюшни герцога Семантского самых быстрых жеребцов, направились в лес. Солдаты прочесывали лес и докладывали командиру об успехах, которых пока не было. Лео и Жак тоже взяли себе один из секторов, и отправились туда.

- Думаешь, мы их найдём? - спросил Лео. Жак дёрнул плечом. Едва ли другу требуется ответ, он просто таким образом выплёскивает своё беспокойство и нервное напряжение.

- Найдём. А если не найдём сегодня, продолжим поиски завтра. Рано или поздно мы их найдём. - Ответил всё же Жак, про себя подумав, что лучше бы рано, чем поздно.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Лео, потому что тот прикрыл лицо рукой и едва слышно застонал.

И словно эхом в ответ в отдалении прозвучал другой стон. Мужчины насторожились и остановили коней.

- Ты понял, откуда звук? - Тихо спросил Жак.

- Кажется, вот оттуда, - ответил Лео, указывая рукой направление.

- Давай туда, только тихо, а то спугнём.

Зина и Эмилия шли до самого рассвета. А когда стало светать, поняли, что никаких прогалин среди деревьев не наблюдается. Они были в глухой непролазной чаще, где было много бурелома и явно не ступала нога человека.

- Я тебе говорила, что в последнее время стало тяжелее идти! - Возмутилась Эмилия. - А ты мне "это просто от усталости"! И куда ты нас завела, скажи на милость?!

Зина виновато пожала плечами. Сил на большее у девушки просто не было.

- Нам надо отдохнуть, поспать. На свежую голову лучше думается, - наконец, решила Зина, о чем сообщила своей подруге.

- Ага, уснём, а нами медведь пообедает. Или похитители отыщут, - огрызнулась Эми.

- Будем спать поочередно. Давай, ты первая, а я потом. Только надо сперва подходящее место найти.

Девушки не стали слишком долго искать и выбирать, устроились на ночлег под ближайшей елью, предварительно соорудив из лапника постель. Эмилия уснула сразу, как только легла, что показывало, насколько девушка вымоталась морально и физически. Зина была тоже уставшей, но чувствовала свою вину в том, что они заблудились, а потому решила, что сперва даст поспать подруге, а потом отдохнёт сама. Беспокоила девушку разгоравшаяся жажда. И, если пока что она была не очень сильной, то, стоит солнцу подняться повыше и начать припекать, то жажда грозит стать невыносимой. Пытаясь не заснуть, Зина вспоминала, какие есть способы добыть воду в лесу. Самый простой - найти водоём или реку. Есть еще вариант с березовым соком - березы в этом лесу пусть иногда, но встречались. Проблема в том, что у девушек при себе не было ничего, даже ножа, чтобы добыть сок. При побеге они не рискнули бродить по дому или вокруг него в поисках того, что могло им пригодиться. Конечно, можно попытаться использовать шпильку из прически... Еще можно пожевать ягод, их сок на время заглушит жажду.

Тут Зина услышала какой-то шум и насторожилась. Прислушавшись, девушка поняла, что слышит легкой цокот копыт по лесной подстилке. Затем она услышала мужские голоса и испугалась. Первая мысль была о том, что это их похитители пустились в погоню и уже совсем близко. Зина легла на землю, чтобы её не заметили издали и стала прислушиваться, надеясь, что преследователи проедут мимо, не заметив их импровизированной стоянки. Вот цокот копыт стал громче, а голоса ближе, но слов по-прежнему было не различить. И в этот момент Эмилия во сне громко застонала - видимо, девушке снился кошмар, что не удивительно при таких событиях. Зина метнулась к ней, зажав подруге рот, и прислушалась снова. Вроде тихо. Так прошло еще несколько минут и Зина уже решила, что опасность миновала, как

вдруг позади неё хрустнула ветка. Зина подскочила и развернулась, приготовившись то ли бежать, то ли отбиваться. Хотя, скорее отбиваться, чем бежать: не могла же она бросить спящую подругу! Однако, увидев двоих мужчин и осознав, кто они, Зина ощутила огромное облегчение.

- Жак! - девушка бросилась навстречу к своему жениху, и тот в несколько широких шагов сократил между ними расстояние и обнял её, крепко прижав к себе.

- Я нашёл тебя, я тебя нашёл! - Только и мог вымолвить мужчина, обнимая и целуя Зину - не в губы, так как девушка продолжала прижиматься к нему, спрятав лицо у него на груди, а куда повезёт - в ухо, в волосы, в плечо, в макушку.

Леопольд тем временем, увидев лежащую на лапнике Эмилию, которая даже не проснулась от шума, рванул к ней:

- Эми, милая, что с тобой? Ты ранена? - Опустившись перед спящей девушкой на колени, бормотал блондин, ощупывая любимую на предмет повреждений. В этот момент Эми проснулась и, почувствовав, что её шупают, завизжала, врезав своему спасителю кулаком по лицу.

Лео охнул, и упал на спину, зажав руками разбитый нос, а Эми села и начала оглядываться. Жак и Зина поспешили к друзьям, услышав визг Эми, а потом все долго смеялись над недоразумением, что вышло у Эми с Лео. Хотя, их смех скорее был способом сбросить нервное напряжение, в чем нуждались все четверо. Эмилия, попросив у Жака фляжку с водой, достала свой платок и, смочив его, стала вытирать кровь с лица Леопольда. Тот позволял за собой ухаживать, не отводя от девушки влюблённого взгляда, который та нарочито игнорировала. Жак и Зина просто сидели в обнимку и молча улыбались. Спустя какое-то время, друзья пришли к выводу, что надо двигаться в сторону города. Зину взял к себе на коня Жак, а Эмилию - Леопольд. По дороге мужчины вкратце рассказали о том, как проходили поиски девушек.

Услышав об этом, Эмилия бросила на Зину выразительный взгляд: мол, я же тебе говорила, нас найдут, не надо было убегать. На что Зина пожала плечами - ведь всё могло сложиться и иначе.

При въезде в столицу пары разделились: Жак собирался отвезти Зину к себе, хотя та настаивала, что должна появиться в своём доме,

чтобы успокоить слуг, а Лео вызвался довезти Эмилию до её салона, где и находились её комнаты.

В итоге Жак уговорил Зину ехать к нему, пообещав, что пришлёт в её дом слугу с запиской, и каждая пара поехала своей дорогой. Жак настаивал не из прихоти: он просто не мог выпустить Эжению из рук. Он испытывал иррациональный страх, что если отвернётся хоть на секунду, перестанет её обнимать - она исчезнет. И Жак не смоневался, что и Леопольд сегодня не оставит Эмилию в одиночестве.

Глава 44

Следующая неделя прошла в напряженном ритме. Жак постоянно пропадал, расследуя заговор и организуя аресты всех участников. Королевский палач прибыл, пленные организаторы заговорили, сдавая тех, кто был недоволен правлением короля и обещал заговорщикам свою поддержку.

О том, что в столице планировался переворот и захват власти, старались не распространяться, как и о похищении невесты герцога Монтеберского. Но, как это обычно бывает, всё самое секретное и тщательно скрываемое, каким-то удивительным образом становится достоянием общественности и обрастает слухами и сплетнями.

Вот и Зина на очередном приёме чего только не наслушалась: и о том, что её похитили и изнасиловали дикари из варварских племен (неподалёку от столицы, ага), причём количество насильников росло от одного рассказчика к другому; и о том, что она была замешана в заговоре против короля, и её не похищали, а бросили в застенки, где целые сутки пытали - и только после этого отпустили. Разумеется, в лицо ей такого никто не говорил, но не услышать громкого взволнованного шёпота, гулявшего по залу, было невозможно.

В лицо же ей задавали вопросы:

- А правда ли, что её похитили?

- А правда ли, что Эмилия продала её своим соотечественникам, которые силой пытались вывести её из страны?

- А правда ли, что они заблудились в лесу и их едва не задрал медведь, но их спали гвардейцы?

- А правда ли, что она замешана в заговоре? И гвардейцы искали её, чтобы арестовать?

Официальная версия для общества, которой Зина придерживалась, была следующая: они с Эми на обратном пути решили прогуляться по лесу и заблудились. Именно поэтому их искали гвардейцы во главе с Жаком, и, в конечном итоге, Жак их и нашёл. Эту версию они обсудили с женихом и решили, что сообщать о похищении не стоит - всё-таки это может бросить тень на репутацию девушки. Да и сообщив о похищении, придётся сообщать и о заговоре, явившемся причиной похищения. А раскрывать эту информацию король запретил. Тем не менее, все в столице обсуждали именно эти две, тщательно скрываемые, темы.

Зина на все вопросы отвечала согласно легенде. Окружающие делали вид, что верят, но при этом добавляли всё новые подробности к гулявшем в обществе сплетням. Высказываемые сплетниками версии стали настолько абсурдны, что Зина перестала обращать на них внимания. Всё равно с этим поделаться ничего нельзя.

Мысленно Зина обратилась к сюжету романа. Если она ничего не путает, дело идёт к завершению. Свадьба главных героев уже была, но угроза над Миленой по-прежнему нависает. Зина нашла ту взглядом - и поразилась, какой счастливой та выглядит. Зелёные глаза сияли, лицо будто светилось изнутри. В этот момент Зина поняла: Милена уже беременна, хоть сама и не знает об этом. Но что еще может так преобразить женщину, кроме как поселившийся во чреве ребёнок от любимого человека? А это значит, что приближается момент нападения на Милену. Точную дату Зина не знала, и это нервировало.

Хоть заговорщиков и поймали, но те отрицали, что планировали что-то против герцога Ланттарского и его супруги. И было непонятно: то ли они врут, то ли говорят правду, а то ли они просто не успели спланировать это нападение, но организовать должны были его именно они. Обсудив ситуацию с будущим мужем, Зина решила, что стоит подстраховаться. Нападение на Милену мог организовать и кто-то другой, нельзя рисковать жизнью и здоровьем девушки и будущего наследника. Жак пообещал организовать слежку за Миленой на постоянной основе. От того, что жених взял на себя эту часть задачи, Зина ощутила облегчение. Сама бы она едва ли могла узнать, когда

Милена соберется посетить приют - подругами девушки так и не стали.

На всякий случай Зина решила подстраховаться и побеседовать с единственной подругой Милены - Матроной ди Ширле. Маркиза, как обычно, в своей резковатой манере высказывала свою точку зрения, стоя в кругу дам приблизительно её возраста. Судя по возмущенным лицам, её точку зрения мало кто из слушателей разделял.

Зина приблизилась, мило улыбаясь и, дождавшись паузы в разговоре, попросила маркизу уделить ей немного внимания.

- Чем могу быть полезна? - Осведомилась Матрона, с любопытством глядя на Зину.

- На днях мы с подругой навещали детский приют. И я случайно узнала, что вы тоже оказываете ему покровительство. Хотела предложить как-нибудь съездить вместе.

- О! - Удивилась маркиза ди Ширле. Кажется, она предполагала любую другую тему для разговора, но не эту. - Разумеется, если вы так хотите... Знаете, мы с герцогиней Лантгарской собираемся в конце лета съездить и отвезти детям письменные принадлежности и всё, что им понадобится для уроков. Если желаете, можете составить нам компанию.

- Я бы хотела, - Зина сделала расстроенное выражение лица, - но, боюсь, герцогиня будет возражать. Мы с ней не особо ладим по некоторым... хм, причинам. Точнее, я не против наладить с ней общение, но сама она, как мне кажется, питает ко мне неприязнь.

- Вы ошибаетесь! - Неожиданно горячо заверила Зину Ди Ширле. - Милена о вас отзывалась с восхищением. Вы оказываете поддержку женскому движению, способствуете тому, чтобы женщины могли работать и имели больше прав. Это не может не восхищать!

У Зины сложилось стойкое ощущение, что восхищает это в первую очередь саму маркизу, а вовсе не Милену. Да и Зина, по сути, вовсе не поддерживает женское движение, которое стало набирать обороты и в Конкордии, она просто дружит с его варнавским лидером - Эмилией. Но то, что Зина представила свою подругу свету, безусловно воспринялось им как поддержка.

- Всё равно, - настойчиво проговорила Зина, - вы спросите прежде, что думает по этому поводу сама герцогиня. Не хотелось бы неловкости. И я жду от вас письма с датой поездки. Прошу, напишите

мне даже в том случае, если Милена будет против моей компании - я тогда буду знать, в какой день мне не стоит появляться в приюте, и поеду в какой-нибудь другой.

Договорившись с Матроной, Зина решила, что больше на этом приёме делать нечего - тем более, что Жак был снова занят по работе и присутствовать не смог. А сама Зина уже устала от постоянных сплетен и завуалированных гадостей, которыми её пытались поддеть многие, в том числе и бывшие подруги. После случая на свадьбе Ланттарских, Зина старалась с этой троицей вообще не контактировать - неизвестно, что еще они могли выкинуть.

Зина уже устала ждать, когда пришло письмо от маркизы. В нём ди Ширле сообщала дату поездки и то, что Милена не против компании Эжени, но сама ди Ширле в этот раз не может поехать из-за болезни. В итоге она предложила девушкам самим договориться о встрече и о совместной поездке. Зина, прочитав письмо, задумалась. В романе Милена ехала одна - и это вполне объясняется болезнью ди Ширле. Но сама болезнь выглядит подозрительно: не причастна ли маркиза к тому нападению? Но, едва так подумав, Зина тут же отбросила эту мысль: слишком уж маркиза прямой человек, чтобы плести какие-то интриги. Или это лишь маска?.. Но в чём её мотив? Ни с Миленой, ни с самой Эженией у неё никакого конфликта нет. Интересы их тоже не пересекаются, насколько Зине известно. Скорее всего, женщина и в самом деле заболела, такое бывает. А еще вероятнее - это вмешался сюжет, ведь Милене надо появиться у приюта одной. Значит ли это, что ей, Зине, её сопровождать нельзя?

Взвесив все "за" и "против", Зина пошла к жениху. Тот сидел за рабочим столом кабинета, просматривая какие-то бумаги. Зина так и жила у него - Жак мотивировал это тем, что так они хотя бы за ужином и за завтраком видятся, а, вернись она в свой дом, и, из-за его загруженности, они совсем не смогут друг друга видеть. Заметив невесту, Жак отложив бумаги и, улыбнувшись, протянул к ней руки. Зина скользнула к нему в объятия и подставила лицо для поцелуя. Их с Жаком отношения после того похищения вышли на новый уровень. Любой, кто увидел бы их вместе, понял бы: эти двое страстно влюблены друг в друга. Жак всё чаще заговаривал о свадьбе - Зина

видела, что ему всё труднее ограничиваться поцелуями. Да и сама она уже давно мечтала о большем, но её останавливал страх. Не считая самого обычного страха близости, присущего всем девственникам в той или иной мере - а Зина, хоть в теле Эжени и была уже женщиной, по сути, ни разу не была близка с мужчиной, был ещё страх вернуться домой после завершения сюжета романа. Поэтому Зина всячески оттягивала разговор о замужестве, отговариваясь тем, что надо сперва покончить с делами. А все эти заговоры, расследования... Жак с ней соглашался, но с каждым разом всё больше мрачнел. Зина понимала, что с ним происходит - он думает, что Зина его не любит и не готова связать с ним жизнь. Что такого, как он, вообще никто не полюбит. И Зина старалась в каждом поцелуе донести до мужчины свои чувства, но сомнения его не оставляли.

- Жак, я узнала, когда Милена поедет в приют. Твои ребята смогут её защитить и поймать того, кто будет на неё покушаться?

- Если покушение состоится, то смогут, - подтвердил герцог Монтеберский, выделив интонацией первое слово. Хоть он и верил своей невесте, а всё же это не укладывалось в его рациональную картину мира. - И когда это случится?

Зина назвала дату. Жак кивнул:

- Я отдам соответствующие распоряжения. А пока, дорогая невеста, не хочешь ли прогуляться? Мы давно никуда не выбирались вдвоём.

Зина с радостью согласилась. В тот вечер они посетили оперу - Зина так вообще впервые в жизни, и была очень впечатлена силой голосов солистов, хотя сюжет и слова остались для неё загадкой. Только смутно уловила, что, кажется, речь о любви и разлуке. Неожиданностью для Зины стало то, что среди зрителей она заметила Эмилию с Леопольдом. Посмотрев на Жака, Зина поняла, что для него это сюрпризом не стало. С момента похищения прошло уже две недели, и за всё это время Зина еще не виделась с Эми, только получала от неё короткие записки, что всё в порядке и у неё много дел в салоне. Вот тебе и дела! Выходит, подруга всё же стала встречаться с настойчивым графом? А почему ей не сообщила?

Жак предложил подойти к влюблённой паре, но Зина не захотела. Если Эми решит, то пусть сама всё расскажет.

Глава 45

Тем временем, час икс приближался. Зина всё же решила сама не ездить в приют вместе с Миленой: боялась того, что в этом случае сбудется её сон - тот, в котором Милена погибает, а саму Зину объявляют виновной в её гибели и казнят. Лучше, если за Миленой проследят гвардейцы - они справятся с защитой герцогини гораздо лучше, чем Зина. Но, несмотря на эти здравые мысли, девушка не находила себе места. Весь день она просидела как на иголках, усилием воли сдерживая себя от того, чтобы не сорваться и не поехать к приюту.

Когда вечером в дом вошёл Жак, Зина бросилась к нему в нетерпении. Тот лишь устало ухмыльнулся и попросил несколько минут на отдых и ужин, после чего пообещал Зине всё рассказать.

Зина, немного расслабившись, ибо, если бы Милена пострадала, то вряд ли Жак был бы так спокоен, согласилась. Они поужинали и, едва лакей унёс использованную посуду, Зина вопросительно уставилась на жениха. Тот хмыкнул, прекрасно понимая, чего она ждёт, а после начал рассказ:

- Несколько гвардейцев я отправил сидеть в засаде возле самого приюта. Часть же незаметно следовали за каретой герцогини. Это удивительно и не поддаётся никакой логике, но всё вышло так, как ты описывала: едва Милена Ланттарская вышла из кареты и направилась к приюту, как из-за деревьев показался всадник с замотанным тканью лицом, и он нёсся прямо на неё. Гвардейцы сработали чисто: герцогиня даже испугаться не успела, как его перехватили. На допросе наёмник признался, что его наняла леди.

- Леди? - Удивилась Зина.

- Именно. Леди. Парень дал описание её внешности, по которому мы смогли вычислить ту, что наиболее подходила под это описание. Вызвать леди в управление без веского основания мы не могли, потому пришлось тащить наёмника на бал, который устраивала Мари ле Фондани, и где указанная леди присутствовала в качестве приглашенной.

Зина на этот бал не пошла принципиально: сталкиваться с бывшими "подругами" на их территории не было никакого желания.

Хотя Мари приглашение прислала - попробовала бы она проигнорировать невесту герцога. Зато Жак, похоже, там побывал - пусть и по работе.

- И? - Поторопила она.

- И наёмник опознал заказчицу, - с усмешкой откинулся на спинку стула Жак, - после чего мы пригласили её в управление уже на законной основе. Поначалу леди всё отрицала, но после созналась.

- Кто она? - С замиранием сердца спросила Зина. Недоброжелательниц у неё, как и у Милены, хватало, но едва ли кто-то из знакомых леди мог пойти на преступление. Сплетни и козни - вот главное орудие светских дам. Зина могла бы заподозрить Мари, но Жак ясно сказал, что заказчица была гостьей, а не хозяйкой бала...

- Баронесса Клодия Шарде, - ответил Жак. - Насколько я понял, вы знакомы. Что скажешь?

Сначала Зина даже не поняла, кто это. Потом вспомнила вечно тихую и робкую баронессу из гадючьего трио и изумилась. Клодия казалась самой адекватной из всей троицы. Хотя, по сути, она вообще была никакой - слишком тихой и забитой, чтобы судить о её личности, а в тихом омуте, как известно... Нет, всё же Зине было сложно в это поверить.

- Должно быть, другие две гадючки решили её подставить, - размышляла она вслух.

- Ммм? - Не понял герцог. - Какие гадючки?

- Мари и Лилиан, они всегда втроем ходят и пакостят вместе. Но Клодия с ними вроде как за компанию таскается, сама никого не задирает, а возразить им, видимо, титул не позволяет - она ниже их по положению.

- Думаешь, её подставили? - заинтересовался герцог.

- Не знаю, - пожала плечами Зина, - но я бы хотела с ней поговорить.

- Не думаю, что это хорошая идея, - нахмурился Жак, - управление - не место для леди. Там ведь не только баронесса содержится, там всякий сброд по камерам сидит...

- Переживу, - откликнулась Зина, - нам ведь надо выяснить правду. И потом, вряд ли вы баронессу посадили со всяким сбродом?

- Ты права, она находится отдельно. Ладно уж, тогда завтра сможешь присутствовать на допросе. Будь готова выйти сразу после

завтрака.

В то утро они впервые чуть не поссорились с Жаком. Тот настаивал на своём присутствии при разговоре Зины с баронессой, а Зина понимала, что в его присутствии девушку будет не разговорить, что и пыталась донести до своего жениха. Жак и сам понимал, что Зина права, но оставить в одной комнате с преступницей свою любимую без присмотра - было выше его сил. Кто знает, что эта баронесса еще выкинет?

В итоге сошлись на том, что разговор Зины и Клодии состоится в помещении, в котором обычно допрашивали опасных преступников. Помещение это было специфично тем, что ровно посередине его делила глухая решетка от пола до потолка. В обеих частях комнаты были кресла и письменный стол, с обеих сторон комнаты были двери. Преступника заводили в одну дверь, дознаватель входил в другую. Решетку между ними было не открыть, не сдвинуть и не убрать. Теперь же на территории преступников сидела Клодия Шарде, а за столом дознавателя была Зина.

Девушка впервые за всё время пребывания в этом мире внимательно рассматривала самую тихую из троицы гадючек. Ей еще в первую встречу бросилась в глаза некая зажатость и необщительность баронессы, но сейчас у неё была возможность переоценить своё первое впечатление. То, что Зина видела, ей категорически не нравилось. Женщина напротив неё была явно на нервах, лицо осунулось, в глазах - затравленное выражение. Что с ней делали здесь, что это её так изменило? Или гвардейцы не при чём, и её внешний вид - результат переживаний и бессонной ночи?

- Клоди, здравствуй, - мягко сказала Зина. - Пожалуйста, расскажи мне, зачем ты наняла того мужчину? Поверь, я хочу тебе помочь.

Баронесса, до этого следившая за Зиной напряженным взглядом, зашлась невеселым смехом.

- Помочь? Ты? - Каждое её слово казалось плевком. - Да ты самая первая из этой троицы готова сожрать любого оступившегося. Не смеди меня!

- И тем не менее, это правда, - всё так же мягко проговорила Зина. Она понимала, что у Клодии стресс, а потому не обращала внимания

на её тон. Да и, что говорить, Эжениа не была ангелом, так что упрёки справедливы. - Скажи, это Мари тебя подговорила?

- Мари? - Скорчила презрительную гримассу Клодия. - Эта склочная грубиянка? Да ей лишь бы поскандалить с кем-нибудь. А Лилиан и вовсе дура. Нет, они тут не при чем. Это была моя идея.

- Твоя? Но почему? Что тебе сделала Милена? - Спросила Зина недоуменно. Она хотела добавить вопрос про то, что сделала Клодии она сама, но, по идее, о том, что покушение на Милену - лишь предлог, чтобы подставить Эжениу, никто не знает. Потому и Зина не могла выдать свою осведомлённость.

- Эта провинциалка? - Брезгливо поджала губы Клодия. - Ничего. Ничего, за исключением того, что приехала сюда и покусилась на то, на что она не имела права. Но убивать я её не собиралась. Так, напугать. Такая была договоренность с наёмником.

- Зачем? - У Зины в голове не укладывалось, что всё это действительно могла организовать Клодия. Она же была самая нормальная в той компании. Для чего ей это? Лилиан и Мари могли соперничать с ней, завидовать ей, мечтать оказаться на её месте, но Клодия... Она ведь не ровня ей. Любой герцог рассматривал бы баронессу в качестве супруги в последнюю очередь - после того, как закончились бы все маркизы, графини и виконтессы. Так что дело точно не в конкуренции. Может, она прикрывает своих подруг по какой-то причине?

- Зачем? Зачем?! - Неожиданно взвизгнула Клодия. Зина отшатнулась, увидев, как исказились безумием её черты. - Да чтобы уничтожить тебя! Тебя, чертова выскочка! Ты даже не баронесса, ты баронская дочь! Никто и звать никак! Как ты умудрилась сперва стать графиней, а теперь и в герцогини нацелилась? Как? И даже после того, как один герцог тебя бросил, ты нашла другого! Чем ты лучше меня? Почему я должна тебе кланяться? Ненавижу!

- А при чем тут я? - Постаралась сыграть удивление Зина. - Меня там не было.

- Меня там тоже не было, однако я здесь, - отрезала баронесса. - Если бы наёмника не поймали, многие бы задались вопросом, кто же его нанял. О ваших напряженных отношениях с герцогиней все судачат. Ты была любовницей её мужа, ай-ай-ай! Хотела женить Кастлера на себе. Никто в свете не сомневался, что Монтеберский тебя

бросит после похищения и изнасилования, а если бы ему этого было мало, то его бы ждала анонимка о том, чем вы на свадьбе с герцогом Ланттарским занимались в запертой комнате. А в управление пришла бы другая анонимка - о том, кто мог покушаться на жизнь герцогини. Угадай, чьё имя там стояло бы?

Зина лишь головой покачала, изумляясь, как безумие может сочетаться с такой хитростью и продуманностью. Ошиблась Клодия лишь в том, что поверила в сплетни об изнасиловании и недооценила степень близости отношений её и Жака. В том, что Жак бы её не бросил даже, будь эти сплетни правдой, Зина не сомневалась. Он поверит ей, даже если все остальные будут твердить иное.

- Что ж, это всё понятно. Но что я тебе сделала, Клоди? За что ты меня ненавидишь?

- За всё!

С криком Клодия кинулась к решетке и Зина отпрянула, даже осознавая, что безумица ничего ей не сделает - решетка не позволит. Мысленно Зина поблагодарила Жака, который настоял на том, чтобы беседа проходила именно в этой комнате, а не в обычной гостевой за чашкой чая, как планировала поначалу сама Зина. Драться с умалишенной в её планы не входило совершенно. Признаться, раньше Зина и не предполагала, что леди Шарде не в своём уме - в обществе та вела себя спокойно, вполне в рамках приличий. А в голове у неё, оказывается, творился настоящий хаос. Зина выслушала обо всех неудачах малышки Клодии, начиная с издевательств в пансионате для девочек, заканчивая сбежавшим женихом. И во всех этих злоключениях каким-то образом оказалась виновна она, Зина-Эжения. О том, что девушки познакомились в столице всего несколько лет назад, а потому Эжения никак не может быть виноватой во всём этом, Зина не стала упоминать: едва ли можно здоровыми аргументами убедить заикленного на какой-то идее сумасшедшего. Почему Клодия решила сделать виновницей всех своих неудач именно Эжению, оставалось только гадать. Возможно, та вела себя слишком высокомерно с девушкой, которая по происхождению была ей равна? Или Клодия мечтала поменяться с ней судьбой, представляла себя на месте Эжении? Зина-то знала, что завидовать тут нечему: слишком честолюбивый отец, подложивший дочь сперва под старого графа, а

затем под герцога - молодого, но не торопящегося жениться, в отличие от упомянутого графа, да мать, с которой Эжениа практически не видится. Но у Клодии родители умерли, когда та была еще ребёнком - потому и воспитывалась в пансионате. Так что, наверное, она и таким родителям бы завидовала, даже если бы знала правду.

Оставив выбившуюся из сил от случившейся истерики девушку устало бормотать в её адрес проклятия, Зина поднялась и вышла из комнаты. За дверью её встретил обеспокоенный взгляд жениха и несколько любопытных взглядов гвардейцев. Когда Клодия начала визжать, Жак тут же ворвался в кабинет, но, убедившись, что любимой ничего не угрожает, вышел. Сейчас же он просто протянул руки и обнял Эжениу, понимая, что это то, в чём она сейчас нуждается. Его драгоценная будущая супруга справилась с задачей и разговорил преступницу, но при этом потратила массу душевных сил.

Жак еще при задержании заподозрил, что баронесса не в себе, но сегодняшнее происшествие дало ему понять, насколько её безумие глубоко. Клодию ждёт не тюремное заключение - тем более, что наёмник подтвердил её слова о том, что должен был лишь напугать герцогиню, слегка задев по касательной. Клодию ждёт приют для душевнобольных.

- Жак, - спросила его Зина, когда они уже приехали домой, - а что с твоей первой женой, Элен? Ты выяснил, кто причастен к её гибели? Я забыла спросить у Клодии... Может, она и ей завидовала?

- Клодия тут не при чем, - устало отозвался Жак. - Моя жена получала инструкции от герцога Семантского. По его приказу она выкрала из моего стола доказательства их заговора, которые я сумел собрать, и по его же приказу взорвала стол, якобы чтобы скрыть исчезновение документов. А на самом деле ты была права - Семантский решил устранить таким образом свидетельницу. Ну и следы скрыть, как без этого.

- Но почему она его слушалась? - Недоуменно спросила Зина. - Она что, сочувствовала заговорщикам?

- Одному заговорщику, - поморщившись, ответил Жак. - Элен была любовницей одного из твоих пасынков.

- Моих... кого? - Не поняла девушка.

- Сыновей графа Синопского, - криво усмехнувшись, пояснил Жак, - точнее, его третьего сына. Как тесен мир, не правда ли?

Зина понимала, что за этой усмешкой её жених прячет боль и разочарование в своей первой любви. Девушка подошла к любимому мужчине, поймала его подбородок, чтобы взглянуть в его глаза, и сказала:

- Я никогда не предаю тебя.

- Я знаю, - также глядя ей в глаза, ответил Жак, прежде чем поцеловать.

Отдавшись поцелую, в котором удивительным образом сошлись и нежность, и страсть, Зина успела подумать, что сюжет книги завершился. Виновные найдены, все тайны раскрыты, главные герои живы, здоровы, счастливы и ждут ребёнка. А Зина до сих пор тут, она не вернулась в свой мир - а это значит, что настала пора подумать и о своём собственном счастье.

Глава 46

- В Варнавии закончилась революция, королевская власть была свергнута, теперь там всем заправляет Парламент, в который вошли представители всех сословий. - Проговорил Жак, отставляя чашку с кофе и кладя на стол газету, которую читал до этого.

Зина в ответ заинтересованно приподняла бровь. Если власть сменилась, значит, Эмилии можно вернуться домой? От этой мысли девушке стало грустно. Возможно, Эми останется здесь, ведь тут у неё салон, друзья и...любимый? Хотя Эми до сих пор никак не охарактеризовала их с Лео отношения.

В это утро Жак объявил перед завтраком, что никуда не идёт: расследование окончено, с остальным прекрасно справятся гвардейцы и палачи.

- И какие планы? - игриво спросила Зина. Прошло уже больше десяти дней со того момента, как закончился сюжет прочитанного ею романа и девушка перестала опасаться, что её вернут на Землю. Если бы хотели, уже бы сделали. А потому она стала чувствовать себя свободней в отношениях с Жаком. Если раньше на неё давила неопределенность её положения, то теперь Зина расслабилась и позволила себе поддаться чувствам.

- А планы у меня такие, - серьёзно начал Жак, - заманить одну упрямую девушку под венец, а после свадьбы увезти её в свой родовой замок и запереться там с ней до самой весны.

Зина почувствовала, как вспыхнули её щеки от содержавшегося в словах Жака намёка. Пусть Эжениа и была искушенной женщиной, но сама Зина всё-таки являлась невинной девушкой, пусть в этом теле физически она и не девственна. Зина и сама чувствовала, что с Жаком она готова перейти на новый уровень отношений, и раньше её останавливало только то, что она в любой момент могла вернуться в своё тело и в свой мир, а это было бы нечестно по отношению к возлюбленному, да и к Эжениа тоже. Но теперь у Зины крепла уверенность, что она тут навсегда. А если и нет, то что теперь? Прожить всю жизнь затворницей, так и не испытав счастья взаимной любви, радости материнства? Просто потому, что страшно, что всё исчезнет? А как тогда другие люди женятся и заводят детей, ведь риск, что кто-то из близких или они сами могут погибнуть, всегда есть? Но Зина что-то ни разу не слышала отговорку, мол, не выйду замуж, потому что боюсь, что умру и оставлю детей сиротами. Всякое может случиться в жизни, на то она и жизнь. Так неужели не жить теперь, вечно ожидая подставы от судьбы? А потому на очередной вопрос Жака, согласна ли Зина стать его женой, девушка счастливо улыбнулась и прошептала: "Согласна!"

Эмилия проснулась от скользнувшего по лицу солнечного лучика. Потянулась, ощущая в теле приятную истоми, перевернулась на бок и встретила взглядом с серыми глазами красавчика-блондина. Его растрёпанные светлые волосы разметались по подушке, на подбородке наметилась едва заметная щетина, а чувственные губы растянулись в улыбке. Не светской, отстранённо-холодной, а тёплой, искренней, радостной.

- Вот таким я хотела бы видеть тебя всегда, - произнесла Эми, целуя Леопольда в кончик носа. Мужчина издал протестующий возглас и поймал её губы своими. Некоторое время спустя, мужчина чуть отстранился, приподнимаясь и нависая над девушкой и, глядя ей в глаза, проникновенно проговорил:

- Выходи за меня замуж!

Эми моргнула и отвернулась, досадливо поджав губы.

- Эмили, не закрывайся от меня.

- Лео, ты ведь знаешь, что это невозможно, зачем травмишь душу и себе и мне? Тебе мало наших отношений?

- Конечно, мало! - Внезапно рассердился мужчина, вставая и накидывая халат. Отвернувшись к окну, он некоторое время рассматривал пейзаж, после чего, не поворачиваясь, тихо проговорил:

- Я никогда не думал, что когда-нибудь захочу семью. Мне хватало того, что у меня было: интересная работа, девушки, которые сами вешались на меня, гулянки. Я мог заполучить любую и использовал это в своей работе. Но встретив тебя, вдруг понял, что в каждой женщине ищу твои черты. Я ждал тебя все эти годы. И я не хочу с тобой "просто отношений". Не хочу скрываться, чтобы не навредить твоей репутации. Я хочу открыто, на весь мир заявить, что ты моя, а я твой. Я хочу общих с тобой детей, которые бы унаследовали и мои, и твои черты. Да я никогда до встречи с тобой даже не задумывался о детях! Эмили, пойми, ты нужна мне вся, без остатка, а не только на уикэнды.

Эмилия тоже накинула халат, подошла к своему возлюбленному и прижалась к его спине.

-Лео, ты же знаешь, высший свет не одобрит нашего брака. Я дочь торговца - и сама торговка, как ни крути. Это в моей стране богатых торговцев приравнивают к аристократам, а здесь я простая горожанка. Да, пользующаяся определенным влиянием, но всё же. Да и ты...

- Что я? - Хмуро спросил Лео, развочариваясь к любимой лицом.

- Ты слишком привык жить так, как жил раньше. Где гарантия, что ты не устанешь от постоянных отношений?

- Милая, такой гарантии нет, - отозвался Лео, с теплом глядя на Эми и не выпуская её из объятий. - Я человек, а не объект недвижимости, чтобы по поводу меня могли быть какие-то гарантии. Так же, как нет гарантии, что и тебе не наскучит наш брак. В жизни всякое может случиться. Но я люблю тебя и верю тебе, и надеюсь, что ты ответишь мне тем же.

- И я люблю тебя, - прошептала Эмилия. - И верю тебе.

- Вот и славно! - Усмехнулся Леопольд, поцеловав Эми в нос. - Тогда прикажи собирать вещи.

- Зачем? - Недоуменно нахмурилась Эмилия.

- Как зачем? Мы едем в Варнавию! - Обрадовал любимую граф Даниятский. - Туда, где различие в нашем происхождении препятствием для брака не является.

Свадьбу Зина и Жак решили организовать в столице. Тому немало поспособствовал Его Величество, отдав под это дело свою летнюю резиденцию. Оба - и сама девушка, и её жених - предпочли бы скромное торжество в родовом замке герцога, но статус обязывал. Венчание проходило в той же церкви, где венчались и Милена с Кастлером. Они, кстати, были почётными гостями.

Зине было немного грустно от того, что на их свадьбе не было их самых близких друзей - Эмилии и Леопольда. В это время те готовились к собственной свадьбе в Варнавии. Жак сперва был очень расстроен тем, что теряет отличного сотрудника - до тех пор, пока Лео не дал понять другу, что работать с женщинами, как это было раньше, он в любом случае больше не намерен. Придётся любимому искать нового агента. Зато Жак сам предложил выкупить салон красоты Эмилии, понимая, что молодым на первое время понадобятся деньги, чтобы устроиться. Этот салон стал его свадебным подарком для Зины - конечно, управляющим там был назначен другой человек, но, по факту, все решения относительно салона принимала теперь именно Зина. У Эми же был собственный бизнес на родине, да и у Лео было несколько идей, которые он собирался воплотить в жизнь. Зина искренне надеялась, что у них всё будет в порядке. Она была рада за подругу, но ужасно скучала по той. В свадебное путешествие они с Жаком решили ехать в Варнавию - заодно и друзей повидают, и на свадьбе их попридутствуют, если успеют. А то путь-то не близкий.

К алтарю Зину вёл барон Проскуро, отец Эжени. С ним Зина по-прежнему держалась холодно, но к матери со временем стала относиться, как к родной. Да и отца начала понемногу понимать. В этом обществе ценилось высокое положение даже больше, чем деньги. Поэтому не удивительно, что честолюбивые и амбициозные люди стремились возвысить себя и свой род. Именно к таким людям и относился барон Адам Проскуро. Вот Софи, его жена, была нежной и любящей женщиной, очень трепетной и ранимой. И Зина старалась

оберегать её по мере сил от разных напастей. Сейчас мать сидела в первом ряду и плакала, но при этом с её лица не сходила счастливая улыбка. Отец тоже счастливо улыбался, но Зина была уверена, что совершенно по другому поводу: если Софи радовалась тому, что дочь нашла своё счастье, то барон был доволен, что та всё-таки выходит замуж за герцога, пусть и не за того, которого он ей прочил изначально.

Наконец её путь по проходу до алтаря был завершён. Зина остановилась напротив Жака и почувствовала, как всё волнение, заставляющее её думать в такой момент о посторонних вещах, разом схлынуло. Она не могла отвести взгляда от лица любимого, и сердце её наполнялось радостью и ликованием. Ей не верилось, что теперь они официально будут принадлежать друг другу. Родственная душа, друг, защитник, желанный мужчина - и всё это один человек! Тот, который стоит напротив неё и даёт традиционные клятвы. Быть вместе в горе и в радости, богатстве и бедности... Зина не сомневалась, что так и будет. И верила своему... теперь уже мужу. Жак смотрел на неё так, как смотрит человек, спустя многие годы скитаний вернувшийся домой. С трепетом, надеждой, заботой и любовью. Жак верил, что этот брак будет счастливым для них обоих. И эта вера не была слепой - для неё были все основания.

После венчания все отправились в летний дворец, где был банкет и бал по случаю бракосочетания. Прежде, чем новоиспеченные супруги могли удалиться, им предстояло выслушать массу поздравлений от малознакомых людей, выдержать несколько часов лицемерных расшаркиваний и натянутых улыбок.

Проходя по залу под руку с мужем, Зина слышала шепотки в толпе.

- Неравный брак, - произнёс мужской голос.

- Почему? - Удивился мелодичный женский. - Он герцог, она графиня. Вполне нормальная ситуация.

- Да потому, что эта графиня бедна, как церковная мышь. И графиней она стала только по мужу, а до этого была баронессой, - резкий голос Мари ле Фондани Зина ни с чьим не могла перепутать. Кажется, Клодия не зря таскалась с Мари и Лилиан - те своими ядовитыми речами подпитывали её психоз.

- А я слышала, хоть это и не афишируется, что графиня была совладелицей салона красоты этой иностранки, а после её возвращения на родину - и вовсе полноправной владелицей... - возразил мелодичный голос. - Но что вы имели в виду, граф, когда сказали, что у них неравный брак?

- Я не имел в виду деньги или положение в обществе, - подтвердил мужской голос. - Но вы только взгляните, как прекрасна девушка, и как изуродовано лицо мужчины! Разве это можно назвать равным браком?

Мари отчётливо фыркнула, а незнакомая женщина с приятным мелодичным голосом заметила:

- В шраме герцога есть что-то притягательное. Он как будто сообщает нам о его мужественности и отваге.

Теперь фыркнул мужской голос.

Зина же шла и улыбалась. Глупые! Равный брак - это не брак двух одинаковой толщины кошельков и не брак двух людей из одного сословия. И уж тем более не брак двух людей одинаковой степени привлекательности. По-настоящему равный брак - это брак двух людей, одинаково смотрящих на мир и друг на друга. Брак двух родственных душ, равных интеллектуально, нравственно - и при этом любящих друг друга. Нежно, страстно и до глубины души. Такой, как у них с Жаком. Она с любовью взглянула на теперь уже мужа, понимая, что для неё он самый красивый, самый лучший мужчина на свете, даже если другие этой красоты не способны увидеть.

Эпилог от автора

Зина стояла у колыбели, укачивая маленького сына. Няня спала тут же, в кресле. Эмилио хныкал и хотел на ручки, и Зина выполнила желание маленького диктатора, вынимая того из колыбели и аккуратно укачивая на руках. Малыш тут же засопел и буквально через пару минут уже спал сладким сном. Зина уложила сына обратно в колыбель, укрывая его одеялом. Внезапно она застыла, а потом резко обернулась. Её глаза удивленно округлились.

- Зина, - негромко позвала я. Я не хотела пугать девушку и не хотела, чтобы ребёнок проснулся.

- Я знала, что однажды ты появишься, - вздёрнув подбородок, шепотом ответила Зина. - И что теперь? Заберёшь меня обратно? У меня тут семья - муж, ребёнок... И друзья. Я не хочу возвращаться. Здесь я действительно могу принести пользу. А кем я была там? Да никем, одной из многих, чья жизнь и смерть ничего не значили.

- Напрасно ты так, - покачала головой я, - каждый человек что-то значит. Но я не забирать тебя пришла. Знаю, что не уйдёшь. Я задолжала тебе объяснения.

Зина кивнула и показала кивком головы на соседнюю дверь. Я кивнула в ответ, и девушка вышла в смежную комнату. Я последовала за ней. Кажется, это комната няни, но сейчас, поскольку няня всё ещё спит в комнате наследника, она пуста, и мы можем тут спокойно поговорить.

- Ну, я тебя слушаю, - сложила руки на груди Зина. - Пояснишь, к чему всё это было?

- Конечно. За этим я и пришла, - снова кивнула я, собираясь с мыслями. - Знаешь, роман получался скучный и... банальный, что ли? Герои выходили какие-то картонные, злодейка шаблонная... Неинтересно. Поэтому я отправила сюда тебя. Согласись, это несколько оживило повествование.

- Оживило? - скривилась Зина. - Как тебе вообще это удалось? Ты же обычный автор из моего мира, не бог, не демиург..

- Ну, как тебе сказать... Любой автор в своём роде демиург. Но ты права. Я тебя не переносила из своего мира. Я тебя придумала.

- Ч-что? - Зина такого явно не ожидала, даже заикаться начала. Может, стоило как-то смягчить правду?

- А ты как думала? Как ты правильно заметила, я не бог, чтобы из реальности людей в книги переносить, но вот придумать нового персонажа - вполне в моей власти.

- Это что, - медленно, словно сама не верила тому, что говорит, произнесла Зина, - получается, что я, как и Жак, как и Лео с Эми, и даже...

Тут Зина сглотнула, метнув взгляд на дверь, и продолжила:

- Даже мой сын - мы все выдуманные? Нас... не существует?

Я промолчала, пожав плечами.

- Да нет, это какой-то бред! Я помню свою жизнь лет с пяти точно, а некоторые моменты и раньше. Бабушка, мама, моя работа, учёба в

колледже - всё это не может быть выдумкой. Я по матанализу пятёрку получила, единственная в группе! Хотя сейчас могу любой пример решить. Я помню свой первый поцелуй! И как меня собака укусила. Никто не может продумать чужую жизнь в таких подробностях!

- Мне это было и не нужно. Я задала необходимые качества, внешность, придумала профессию - а остальное для меня сейчас новость. Тебя правда покусала собака? А когда? В детстве или уже во взрослом возрасте?

- Как ты можешь быть моим автором, если ты обо мне ничего не знаешь? И потом, разве мы с тобой не из одного мира? Я купила твою книгу в "Ленте"...

- Твой мир - точная калька с моего, да. И "Ленты" у нас тоже есть. Но мы с тобой не из одного мира. В реальности - моей реальности - книга ещё пишется, а в твоей - уже давно вышла. Причем тут я пишу книгу с твоим персонажем, а ты читала первоначальный вариант.

Зина обхватила голову руками и опустилась в мягкое широкое кресло. Кажется, она в шоке. Наверное, зря я это затеяла. Пережила бы она спокойно и без объяснений.

- А этот наш разговор - он тоже войдёт в книгу? - Вдруг спросила Зина, поднимая на меня взгляд.

Я задумалась.

- Не знаю. Может быть.

- А я смогу... прочитать книгу, когда она выйдет?

- А ты этого хочешь?

Теперь настал черед Зины задуматься.

- Да, хочу. Я прочту и пойму, правда ли там написана. И если правда...

- То что?

- Поверю.

- А сейчас?

- Извини, но нет. Я мыслю, следовательно, я существую.

- Декарт.

- Ага. В нашем колледже была философия.

Мы помолчали. А потом я сказала:

- Послушай, то, что я вас придумала, вовсе не значит, что вас не существует. Я вот многого не знаю о тебе, как выяснилось, а о других знаю еще меньше. Более того, стоило мне вас придумать, как вы

начали жить своей жизнью - а как выяснилось, вы жили ею задолго до того, как я вас включила в свой роман. Я совершенно не мешала вам действовать, просто наблюдала. И теперь, когда книга почти закончена, а сюжет уже завершен и не хватает только эпилога - ваша жизнь продолжается. Так что тебя тогда смущает? Ты любишь и любима, у тебя есть ребёнок и, вполне возможно, будут еще дети, ты занимаешься тем, что тебе интересно. Так чего тебе не хватает? Если ты ощущаешь эту реальность как реальность, то и не забивай себе голову. Возможно и мой мир кем-то придуман, а я - лишь второстепенный персонаж в чьей-то истории.

Зина задумчиво склонила голову на бок. А я не могла не задать вопрос:

- Расскажи, как теперь живёшь? Что нового?

- А ты не знаешь? - Изумилась девушка.

Я вновь пожала плечами:

- Сюжет окончен, книга завершена. Что происходит с героями дальше - их личный дальнейший выбор. Да я и прежде на ваши постуки не особо влияла... Так откуда мне знать? Но читателям, наверное, будет интересно прочитать о том, как сложилась твоя жизнь.

- Хм... Ну ладно, - после некоторых раздумий отозвалась Зина. - Я сейчас курирую несколько сиротских приютов, поднимаю уровень образования в них и в сельских школах, для чего молодым учителям выделяются пособия из тех средств, что мы получаем от салона. Кроме того, недавно я открыла собственный институт, где готовят учителей. Милена и Матрона мне помогают.

- Ого, здорово! А чем занимается Жак, как дела у Лео с Эмилией?

- Жак... Я ведь ему перед свадьбой рассказала о своём попаданстве, - призналась вдруг Зина. Надо же, как я только это упустила? - Решила, что он должен знать. Он сперва не верил, думал, что у меня от волнения фантазия разыгралась. А когда я стала рассказывать про наше общественное устройство, про достижения науки и техники, про полёты в космос... Словом, он загорелся и теперь пытается внедрять в жизнь некоторые наработки из моего прежнего мира. Кстати, благодаря его помощи мы получили материальную поддержку от короля: теперь официально все сироты имеют право на государственную помощь. Любой маленький человек в нашей стране может рассчитывать на место в приюте - его оплатит корона.

Что касается Эми и Лео, то мы переписываемся, иногда ездим друг к другу в гости, но не слишком часто - большие расстояния без самолетов преодолевать очень долго и трудно. Теперь вот, после рождения Эмиля, и вовсе не скоро выберемся. Говорят, наши страны понемногу налаживают сотрудничество и теперь строят прямую железную дорогу от столицы до столицы, но у нас я никакой стройки пока не вижу, так что, предполагаю, что это дело тоже не быстрое.

Мы снова немного помолчали. А затем Зина неожиданно спросила:

- А Эжения? Что стало с ней? Если мы все реальны, то и она тоже. Она... умерла?

- С чего бы? - удивилась я. - Жива-здоровая, в твоей квартирке живёт, между прочим. И на твою работу ходит. Поначалу ей было тяжело адаптироваться в новом мире. Слишком много всего странного и непонятного. Но я помогала ей на первых порах. Постепенно Эжения освоила телефон, компьютер, курсы парикмахерские пришлось заново пройти, конечно. Благо на работе её - ну, тебя, то есть, ждали.

- И как объяснили, что я не знаю элементарных вещей? Потеря памяти?

- А то! Классика, - кивнула я. - На работе тебе дали отпуск за свой счет, а потом взяли обратно. Ну то есть не тебя, а её. Ну, ты поняла. Она уже и парня себе нашла.

- Надеюсь не одного из моих бывших ухажеров? - передернула плечами Зина. - Они все себе на уме.

- Нет, это один из клиентов парикмахерской. Ты извини, не в упрёк тебе будет сказано, но Эжения привыкла за собой следить, так что твоё бывшее тело сейчас выглядит... сногшибательно.

Зина кивнула:

- Да, здесь и я привыкла за собой ухаживать, чего в своём мире не делала. Но здесь это и проще - есть ведь горничные. А Эжении, наверное, нелегко пришлось...

- Да, но она не избалована особой роскошью, как ты могла заметить. Да и деловая хватка у неё присутствует. Она уже помощница твоей Степаниды. Но больше всего ей нравится в твоём бывшем мире то, что там никто на неё не давит. Никто не вынуждает её выходить замуж за герцога, чтобы поднять престиж семьи. Да и герцогов, как и

прочих аристократов, нет. Такой свободы, с её слов, она никогда не ощущала за всю свою жизнь. И сейчас наслаждается.

Зина слушала меня с мечтательной улыбкой. Я знала, видела по её лицу, о чём она думает: о том, что каждая из них нашла то, чего так желали их души. Эжения получила свободу и возможность самой выбирать свою судьбу, а Зина - любящего мужчину, детей и дом, в котором ждут. А ещё Зина всегда хотела приносить людям пользу - и в качестве супруги герцога она может это делать куда успешнее, чем в качестве парикмахерши. Но и навыки парикмахерского искусства зря не пропадут: через несколько лет у Зины и Жака родятся еще две дочери - и Зина будет с удовольствием плести им косы и делать замысловатые прически. А пока что мне ничего не оставалось, как тихонько покинуть эту комнату. Когда Зина очнётся от своих мыслей, она меня уже не увидит.

Но самое главное я ей сказала. Всё остальное - в её руках. Ведь как бы автор не старался, а некоторые вещи он изменить не в силах. И едва закончится книга, закончится и влияние автора на судьбы героев. А что начнётся? Начнётся просто жизнь.

Конец